

**АБЫЛАЙ ХАН АТЫНДАҒЫ ҚАЗАҚ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАР
ЖӘНЕ ӘЛЕМ ТІЛДЕРІ УНИВЕРСИТЕТІ**

**КАЗАХСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И МИРОВЫХ ЯЗЫКОВ ИМЕНИ АБЫЛАЙ ХАНА**

**KAZAKH ABLAI KHAN UNIVERSITY
OF INTERNATIONAL RELATIONS AND WORLD LANGUAGES**

Абылай хан атындағы ҚазХҚжәнеӘТУ

ХАБАРШЫСЫ

«ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАР ЖӘНЕ АЙМАҚТАНУ»

СЕРИЯСЫ

№ 3 (17) 2014

СЕРИЯ

«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И РЕГИОНОВЕДЕНИЕ»

ИЗВЕСТИЯ

КазУМОиМЯ имени Абылай хана

Алматы, 2014

ISSN 2307-650X

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Кунанбаева С.С.,

Ректор КазУМОиМЯ имени Абылай хана
доктор филологических наук, член-корреспондент НАН РК

Ответственный редактор

Шаймарданова З.Д.,

доктор исторических наук

Байхожаев А.Ж.,

кандидат исторических наук

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Азербает С.Г.,

к.и.н., доцент,

КазУМОиМЯ им. Абылай хана

Булекбаев С.Б.,

д.филол.н., профессор,

КазУМОиМЯ им. Абылай хана

Бурханов К.Н.,

д. филос. н., профессор, депутат Мажилиса

Парламента Республики Казахстан

Дутта М. (Dutta M.),

PhD, Университет им. Дж. Неру, Нью Дели

/Jawaharlal Nehru University, New Delhi

Калво А. (Calvo A.),

PhD, Европейский Университет,

Барселона/

European University, Barcelona

Ахметов А.К.,

д.филол.н., профессор, Секретарь

Комитета по международным

отношениям, обороне и безопасности

Сената Парламента РК, академик

Российской международной академии

наук высшей школы, академик

Международной академии наук высшей

школы Казахстана

Зиркер Д. (Zirker D.),

PhD, Университет Вайкато, Новая

Зеландия / Waikato University /

New Zealand

Раев Д.С.,

д.филол.н., профессор, КазУМОиМЯ

им. Абылай хана

Русаков В.М.,

д.филол.н., профессор, Институт международных связей, Екатеринбург

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

Калиева А.,

кандидат социологических наук

© *Научный журнал «Хабаршысы-Известия» КазУМОиМЯ имени Абылай хана* Акционерного общества «Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана» зарегистрирован в Международном центре по регистрации сериальных изданий ISSN (ЮНЕСКО, г. Париж, Франция) и ему присвоен международный номер

ISSN 2307-650X

в соответствии с международным стандартом ISO 3297-98 «Информация и документация, международный стандартный номер серийного издания» (ISSN) и межгосударственным стандартом ГОСТ 7.56-2002 «Международная стандартная нумерация сериальных изданий».

fmo@ablaikhan.kz PHN 600700016904 www.ablaikhan.kz

**АЙМАҚТЫҚ КІРІКТІРУ МӘСЕЛЕСІ:
ХАЛЫҚАРАЛЫҚ, ҚҰҚЫҚТЫҚ ЖӘНЕ
ЭКОНОМИКАЛЫҚ АСПЕКТІЛЕРІ**

**ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ:
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ И
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

УДК 339

Dr. Alessandro Arduino,

Centre of Advanced Studies on Contemporary China-Shanghai Academy of Social Sciences, China, Shanghai

**INTERNATIONAL RELATIONS & SOVEREIGN WEALTH FUNDS:
THE STRATEGIC ROLE OF CHINA INVESTMENT CORPORATION**

In any study contemporary International Relations it is critical to take into account the states' economic development and the influence on the elite's perception of the role of outbound direct investments (GDI).

Keywords: Sovereign Wealth Funds, China Investment Corporation, Outbound Direct Investments, Authoritative Capitalism

Since the late 1970s, China's staggering economic growth has been a major driving force that has led the country to become the world's second largest economy, after the United States. At the present, while some developing countries have been inspired by China's so-called "Market Socialism" [1, p.15], others look at the PRC with ill-concealed fear, and China's expansion model for its soft power faces many social, political and diplomatic challenges.

The Chinese sovereign wealth fund (SWF) China Investment Corporation (CIC) [2, p.25] is posed to contribute not only to China's economic international expansion but also, given the widening of the global market, could reinforce the notion of market socialism as a workable model. Before the global downturn, few questioned the liberal, democratic Western trade model. Meanwhile China has quickly transformed itself into an active player not only in financial affairs, but also in the competition for energy resources and raw materials, in an age where both are becoming increasingly scarce. The role sovereign funds (SWFs) play extends well beyond the specifics of financial gains and returns. The movements of capital

generated represent pawns in a larger game, which operates simultaneously on economic and political fronts, both domestically and internationally.

Ultimately the SWFs financial moves are perceived by the country, in which the investment is made, as an external influence on domestic affairs.

SWFs are a preferential investment instrument set up by a government, the aim of which being the acquisition of international financial resources to make a high gain. Consequently they are mainly composed of foreign exchange reserves. The most well known sovereign wealth funds are usually controlled directly by the Central banks of those countries that have accumulated wealth over time thanks to several concomitant factors, ranging from the trade surplus (especially for petroleum and gas producing nations) [3, p.35] to the presence of an efficient financial system, such as in the case of Singapore. There are several other types of government funds that strictly speaking are not identified as sovereign wealth funds in that they are fed by state savings made by the various departments under the control of the Central Bank or the Ministry of Finance. SWFs themselves are subdivided by the multiplicity of purposes they were created for, these range from the need of some countries to stabilise the volatility of capital generated by a trade surplus, to those in which the SWF revenue is used as the primary source for long term domestic development policies.

This multiplicity of objectives, as well as the different modes by which they are implemented, makes it difficult to draw up a single model that can be used for their definition. The de facto common nominator of this plurality is the function for which they are created, namely the return on investment with the aim of generating high profits. From a technical point of view the distinction is usually made between foreign exchange sovereign wealth funds and those in other assets. This distinction is also based on the times required for the remuneration of the invested capital, short-term and long-term respectively.

The recent arrival on the world scene of sovereign wealth funds, especially in the last five years, is moving the dynamic equilibrium of economic power from the economies of the OECD countries towards BRICS countries (Brazil, Russia, India, China and South Africa) and the Middle East. [4, p.45] This rebalance is not devoid of significance; it underlines the political importance of a shift in economic power from democratic liberal countries to those that are distinguished by new forms of authoritarian capitalism. In this way the young emerging economies, especially, those tied to the export of energy, see the prospect of being able to emerge on the world stage as primary actors and not merely as passive spectators, as has mainly been the case in the past.

Thus it is easy to imagine how the growing importance of investments made by SWFs internationally is creating one of the major controversies of global finance [5, p.55], one reason being that now it is the more industrialised countries who are the target outbound direct investments (GDIs) and hostile takeovers by the funds of developing nations. A completely new situation that questions the consolidated leadership of the Western countries, something that is also expressed in the majority presence at the top of the very organisations that should guarantee balance

and transparency, as well as effective equal opportunities for the various countries. Furthermore it is interesting to note that, as the very consequence of a still deep-seated imbalance of power in favour of the Western economies, these organisations often express exclusively the point of view of one side, also for mechanisms that we could define as implicitly ethnocentric. Actually, what is happening cannot be interpreted as simply a substantial power rebalancing; at most, understandably, it could be ascribed to the harbingers of a new situation, worries about one's own future can lead to the incorrect interpretation of some signals or to taking decisions dictated more by fear than reality, with the consequent introduction of protectionist policies. In this case one of the greatest risks for the stability and equilibrium of IR and world finance is represented by the fear that the OECD countries may react irrationally by implementing protectionist policies. In other words, the countries that are becoming increasingly important from an objective point of view for their growing weight on global finance find that they do not have access to the international organisations.

The role of sovereign wealth funds, or their nature as instruments tied to one country and, consequently, to its strategies of international legitimisation, lies at the intersection of the economic area with that of an exclusively political domain. [6, p.33] As in all cases generated by new processes and economic systems, there is the need for international regulations. [7, p.75] At the moment, as sovereign wealth funds are bound only by the market rules, there are particular contradictions in their action in foreign countries and in their political significance; frequently they are without any form of transparency. As irony would have it, at present it is the crisis of the American financial system that, fanning out into European countries, is increasing the room for manoeuvre of sovereign wealth funds making them much broader and incisive, given that the major financial reserves are being redistributed in Asia and the Arab countries. One of the first examples of a sovereign wealth fund came from the Kuwait Investment Authority, set up in 1953 for the management of revenue deriving from oil sales after gaining independence from Great Britain. Pre 2007 crisis the main SWFs number no more than around twenty, with total assets amounting to US\$2,876 trillion in 2007 which, compared to the US\$1.35 trillion accumulated before the financial meltdown by the major hedge funds, gives a good idea of the potential influence they have on the global economy.

According to recent estimates among the funds with the greatest availability of resources are the UAE Abu Dhabi Investment Authority (US\$773 billion), the Government Pension Fund of Norway (US\$893 billion), the Government of Singapore Investment Corporation (GIG - US\$320 billion), the China Investment Corp (CIC - US\$652 billion), Singapore's Temasek Holdings (US\$177 billion) [8, p.85]. The estimate amount of the total assets by the world SWFs amounts to US\$ 6,830 billion with more than 60% of the total generated by trade in oil and natural resources.

From the point of view of their influence, a first taste of the potentiality of the sovereign wealth funds as a vehicle of investment came in 2007 during the first

signs of the financial crisis. Following the high exposure towards American subprime mortgages, investment banks such as Citigroup and Merrill Lynch found themselves looking desperately for liquidity to guarantee their own survival, and the US\$69 billion made available at the end of 2007 by the sovereign wealth funds of Kuwait, South Korea and Singapore played a particularly visible role in this kind of rescue operation. Throughout 2008 there was a succession of financial bailouts with particular attention to the banking and insurance sector. The entry into play of funds linked to nations within the share structure of international banks raised political fears in Europe and the United States, but, on the other hand, worries concerning the magnitude and the duration of the crisis considerably reduced the voices of those against. Only a few months before, in the absence of problematic situations, both Australia and the United States had blocked the investments of Chinese state companies in the mining and oil sectors, frightened by a fully-fledged foreign invasion, despite the fact that the would-be buyers were business corporations and not only "dangerous" sovereign wealth funds.

Another factor of instability in IR could be ascribed by the hedge funds (HF), a private version of the SWF, that represent a high risk private investment portfolio, whose strategies of seeking a high return are based on the use of financial leverages through the negotiation of swaps and other complex financial instruments that encompass the now infamous use of derivatives, futures and quantum trading. Hedge funds operate both on domestic and international markets and saw the zenith of their notoriety at the turn of the twenty-first century. Access to hedge funds is available only to companies or private individuals who have large amounts to invest for periods exceeding one year. The feature of these funds lies in the fact that they are not regulated by specific legislation. For example, in the United States the lack of laws for regulating hedge fund operations and for protecting investors is justified by the presumption that the investors who participate in hedge funds, in addition to disposing of an annual income of at least \$1 million, know the market and its related risks well. At the same time the biggest trading banks utilize proprietary platforms called "dark pools" that operate in a grey legal area. Hedge funds were born following the same concept as denamely that of protecting and insuring a determined investment in the long term. Recently, however, the defensive aspect of the financial lever has been overturned in favour of a highly sophisticated and aggressive investment strategy, and hedge funds have been transformed into forms of high-risk investment.

Already in the late 1990s we witnessed several striking bankruptcies: from the case of the Long Term Capital Management (LTCM) Hedge Fund, whose rescue by the US Federal Reserve gave the first warning shots of the imminent financial crisis, to the biggest Wall Street fraud, that led to the arrest of the financier Madoff [9, p.95].. The LTCM fund traded using automated information systems, specially developed by two Nobel laureates for economics, Myron Scholes and Robert Merton, generating average annual returns of over 40%. However the mathematical models of the two Nobel prize winners did not manage to take into account the Russian financial crisis at the end of the millennium and the fund, starting from

1998, began to notch up losses at a rate of hundreds of millions of US dollars a month, and failed in 2000. To try to remediate the US\$4.7 billion losses in 1998 alone a further US\$124 billion was injected and used as a financial lever for a total of US\$1.2 trillion. However these funds proved to be insufficient to cover the exponential losses accumulated by LTCM which, with its closure in 2000, left all the private financiers dangerously short of liquid assets and also created a dangerous moral precedence, for the use made by the American government of public funds to save a purely private financial instrument. The main financiers involved in the LTCM bailout in addition to the Federal Reserve were: Bankers Trust, Barclays, Chase, Credit Suisse First Boston, Deutsche Bank, Goldman Sachs, Lehman Brothers, Merrill Lynch, J.P. Morgan, Morgan Stanley, Salomon Smith Barney, Societe Generale and UBS. In this extremely singular situation there remain in Western political circles several doubts on the real strategic intentions of SWFs, especially those not tied to a free market economy, as in the case of Chinese market socialism. The main worries range from the fear that this mass of capital may be used for the procurement of natural resources at prices that are not necessarily market ones to the apprehension of their use as an instrument for weakening or even eliminating international competition in favour of national industries through hostile takeover bids; an escalation of tensions that induces one to believe that the security of individual states is at risk. These political risks are matched with multifaceted technical ones. First of all it is feared that these instruments, linked to nations that historically do not give voice to professional elites, may be administered by insufficiently skilled managers and professionals, especially in managing the necessary speed of *United States v. Bernard L. Madoff*. On March 10, 2009, a Criminal Information was filed in Manhattan federal court charging Bernard L. Madoff with eleven felony charges including securities fraud, investment adviser fraud, mail fraud, wire fraud, three counts of money laundering, false statements, perjury, false filings with the United States Securities and Exchange Commission ("SEC"), and theft from an employee benefit plan. There was no plea agreement between the Government and the defendant. On March 12, 2009, Madoff pleaded guilty to all eleven counts in the Information. On June 29, 2009, Madoff was sentenced to a term of imprisonment of 150 years.

Furthermore, despite the fact that sovereign wealth funds contribute to a small fraction of financial assets exchanged on the global market, they have proved to be continually expanding, taking advantage also of the fewer pressures compared to hedge funds to make a short-term profit. The actions of a sovereign wealth fund vis-a-vis the private counterpart do not necessarily have to be made public and, in the Chinese case, the entity and the type of funds invested is the exclusive domain of the People's Bank of China and of the Ministry of Finance. Therefore the movements and real developments of SWFs can be estimated only approximately, by assessing the behaviour of the private companies of which they are shareholders and which continue to have obligations of transparency. It is possible to envisage that in the near future the action of SWFs will represent a challenge not only for the present market rules, but also for political and government structures themselves.

As has been stressed previously, the increased importance of sovereign wealth funds marks the growing imbalance of international finance in the distribution of wealth. Moreover, countries that are submitted to the action of SWFs have a negative perception of what is happening to them: they suspect motivations that are not entirely economic or market-driven, and the possibility of political retro thoughts, fearing future interference limiting national sovereignty. On the wave of the fear that a state may intervene and dominate the industrial sector or manoeuvre international financial institutions, the risk is the growth of protectionism and the consequent weakening of international trade. Among the few SWFs that show complete transparency of their own activities we can cite the Norwegian fund born as the Government Petroleum Fund of Norway and later renamed the Government Pension Fund of Norway, that ranks at the top for available capital. Unlike the CIC, every year the Norwegian fund publishes its investment portfolio and the returns deriving from this.

On the other hand, what is considered a particular feature of the Government Pension Fund of Norway is the practice for private funds that have to account for their work to their shareholders. The halo of secrecy that surrounds SWFs underlines how much the strategies of many of the promoter countries may not be in line with the market economy and are tied to achieving political objectives. The lack of information on the size of profits and losses and direct control by political circles over purely economic matters, can easily lead to abuses and foster corruption and malpractice. At the same time one should not underestimate the conflicts of interest of a sovereign wealth fund, in that every movement it is perceived by the country in which the investment is made as a move by a foreign nation and therefore assessed also at a geopolitical level.

To give a concrete example, the Temasek Fund has created disagreement between the governments of Singapore and Thailand, following the takeover bid on the Thai national telephone company Shin Corp. Despite the fact that the G7 countries still maintain close control over the regulating mechanisms of the world economic system, the very role of the World Bank (WB) and of the International Monetary Fund (IMF) will be seriously questioned by the emerging economies and the action of the sovereign wealth funds. Fear and uncertainty can provoke undesirable reactions, connected to behavioural and non market-oriented reactions such as what happened with the Japanese economic boom in the 1980s. During the 1970s the Japanese economy was growing at double the rate of those of the economies of other industrialised countries. Much of the success was due to an increase in efficiency and the optimisation of production systems, accompanied by constant research and innovation. This progressive expansion of Japanese industry generated fears and uncertainties regarding its possible conquest of the leadership of the world economy to the detriment of the US and European economies in key sectors, such as the automobile industry and that of consumer electronics. Such forecasts proved to be groundless immediately after the collapse of the stock market and of prices in the real estate sector, helped on by a weak banking system and the ill-advised measures of the Japanese state in restricting monetary policy.

Today, while treating the similarity with caution, the prominent role of China on the international markets, dictated by the surplus of foreign exchange reserves built up thanks to exports, is viewed by the industrialised countries with the same vigour as that of Japan in the 1980s. In particular the PRC's US\$4 trillion of foreign exchange reserves [10, p.185]., if read in parallel to the liquidity crisis triggered by the American sub-prime mortgages, automatically lead to putting the country in the limelight on the international finance scene as an economy with growing potentialities. Actually the management policy of the financial resources of the Chinese Central Bank has always been defensive, [11, p.134]. thanks to the low-risk investments tied essentially to American debt, through the purchase of TBonds.

The recent Chinese move to create CIC in the second half of 2007 a fund linked to the search for a better use of its foreign exchange surplus is similar to that undertaken by Middle Eastern countries for the use of the large flows of petrodollars. The choice to set up the CIC thus comes at the end of the decade of restructuring the Chinese banking system. The use of this investment instrument entails not only greater risks and higher management costs, but also the need for very well qualified human resources with years of experience behind them. It was no mere chance that the choice of leading the CIC fell on Lou Jiwei (at that time Vice Minister of Finance and now Minister of Finance) who has many years of experience in the management of high profile public resources.

The CIC, like other SWFs, appears as an active investor and one that is more aggressive in the choice of risk level, differentiating itself from the previous government choices of setting aside reserves in T-Bonds and ready liquidity foreign exchange [12, p. 85].

The authoritarian capitalist model proposed by the People's Republic of China is based on 65 years of centrally decided economic policies and imposed on the up to the market economy, launched by Premier Deng Xiaoping, has led to an absolutely original alliance between central control and market economy, and that reflects on one hand the strictly pragmatic characteristics of Chinese commercial and entrepreneurial spirit, and on the other the capacity for managing the contradictions of the Chinese way of thinking, that is very distant from the Western style of Aristotelian linear logics.

At present the Beijing model rather than being considered as in a transition stage towards the American model, as was supposed only few years ago, is beginning to propose itself to China's Asian neighbours and to the entire world as an alternative solution. Also the models offered by other sovereign wealth funds, such as the Middle Eastern ones and the Russian one [13, p. 83], reflect an authoritarian type of capitalism that differs from the Chinese model and is based on oligarchic control. The total discretionary power in the use of economic resources [14, p. 126] leads to the belief that the objectives of these sovereign wealth funds are aimed at the interest of a restricted circle of investors and not of the whole country. In this sense it is legitimate to claim that the process of globalisation is going through a new stage: passing through a redefinition of its own terms, it will

also lead to a change in the capitalist system. The question of the process of globalisation has been completely reopened by the recent upheavals of the financial markets and by the new challenge launched by the multinationals of developing countries towards the developed ones [15, p. 148]. The widening of the Yuan's zone of action via currency swaps could lead to an extension of market socialism's area of influence and the extensive use of foreign exchange reserves in foreign countries could provide an important leverage on foreign governments for the acceptance of the new Chinese economic principles. The recent turbulence of world markets not only has interrupted a decade old growth trend of the major economies, but has put an end to Chinese double digit GDP growth expectations based solely on exports. Also with the crisis of the Euro zone, the role of primary importance that the Yuan is acquiring in respect to other foreign currencies and, as a non-too veiled criticism of the American economic system, that is considered the cause that triggered the crisis [16, p. 137].

The Yuan's advance is not limited only to the US dollar, but also involves the Euro and the Japanese Yen, whose weakness still weighs on the instability of the financial markets.

As it is still not easy to define with any certainty the notion of market socialism, it is even less simple to place within this "ideological framework" the actions and guidelines of the Chinese SWF itself. The location of the CIC in the panorama of sovereign wealth funds, in terms of transparency and control by the institutions, is half way between the position of extreme secrecy of the Middle Eastern funds and the maximum transparency of the Norwegian sovereign wealth fund. This basic ambiguity does not allow the CIC to present itself to the media as a champion of transparency, nor to foreign governments as only a financial body devoid of any influence of the international policy of the People's Republic of China. The statements published on the fund's official website, and emphasised several times in public speeches by Lou Jiwei [17, p. 177] on how the CIC is a financial investment vehicle seeking to maximise the use of its own foreign currency reserves, contrast with the ultimate objective of the Chinese sovereign wealth fund, namely that of serving the nation that has created it. Unlike the CIC, the Middle Eastern sovereign wealth funds are considered "safes for family assets", whose only aim is to conserve the wealth, free from any internal political pressure and from any possibility that they come under media scrutiny. Non-performing investment choices are not scrutinized and criticised by the local media, in that the government that supports them is managed by the same families that the fund represents. When making a deeper analysis of the CIC's conduct on the issue of transparency it is right to consider the fact that the fund, in addition to having the possibility of using specially set up companies to manage a single investment, can also avail itself of lines of credit or acquisitions made through Chinese commercial banks, in which it is a passive investor. Like Temasek, that was initially used by the government of Singapore to recapitalise and restructure many of the island state companies, also the CIC manages local Chinese firms. In particular it has given the go-ahead for the recapitalisation of four of the major investment banks, the last being the China Development Bank, and a dozen financial companies. In addition to what has

already been mentioned, the domestic investments are more related to national development policies and are not bound by the freedom of action and the long-term targets propounded by Lou. As a matter of fact the CIC's greatest revenues during 2008-9 come from those very investments made inside China. As in the case of Singapore, all the Chinese wealth fund's investments on its own territory are purely passive and therefore the fund cannot interfere in the daily work of the company in which it has invested. It is worth pointing out that the banks in which the CIC has injected capital have already started to make both active and passive foreign investments and, at this point, it is legitimate to wonder whether or not such operations are a continuation of the CIC's investment strategy. In this sense, the CIC pursues the mandate of supporting Chinese companies that need funds to penetrate the foreign market. Furthermore access to the CIC's reserves could come directly from the commercial banks, that already have a good knowledge of the firms - their clients - in which to invest. This situation would cause new friction with the Central Bank, that manages through the SAFE the financing of foreign activities of all Chinese companies, be they state-owned or private. Given that statistically, the financing of these activities in the past did not reap high profits for the Central Bank, the CIC's choice of engaging in the same strategy may corroborate the hypothesis according to which the sovereign wealth fund's new route is of a purely political nature and not exclusively aimed at maximising profit.

The corporate governance model promoted within the CIC, despite the fact that it is presented to the public as purely free-market, as time passes it increasingly has the hallmarks of market socialism. Characteristics that may be summed up as a search for equilibrium and pragmatism oriented towards long term development. In this sense Lou's claims on the search for long-term investments may be interpreted in two different ways. The first, linked to the free market economy, presents a time span for action not related to short-term speculations or short selling, while the second, related to the development of the nation and not exclusively to the preservation of the sovereign wealth fund itself, has greater and deeper implications. This complexity makes it hard to predict the future conduct of the CIC and the effect that the fund will have on international markets and on the new role of globalization. The recent turbulence on the financial markets that has seen a domino effect in the fall of Western investment banks, from the most noted American institutions to the British Royal Bank of Scotland, is a replay of the debt situation in which Chinese banks found themselves in the 1980s and 1990s. However, while the Western governments seem to be oriented towards a substantial rationalisation of the bankrupt banks, the action taken by the Chinese government in 1990 led to a real overhaul of the national banking system, that allowed limiting the insolvency of state-owned companies and the volume of nonperforming loans and this has improved risk management and credit management practices. Now, less than two decades later, the Chinese banks find themselves in a position of presumed much greater solidity than their American and European counterparts, still taking in to account the Damocles' sword generated by Chinese province bad loans and shadow economy.

According to opinions expressed by the management committee of the Chinese sovereign wealth fund, the principles of market socialism can produce a beneficial and stabilising effect on the international scenario; during the financial crisis former Premier Wen has recalled, the rest of the world must not expect China to take on the role of saviour of the financial markets. During the current financial slow down and the change of economic model structure from exporting country to a consumer market, the solidity and liquidity of the Chinese banking sector is the *conditio sine qua non* to maintain sound foundations for the development of the country. By maintaining high the expectations of the country's growth with the promotion of mass consumption, China is ready to cope with the shrinking European and USA market needs.

Conclusion

In this context, the future of the CIC and Chinese SOEs ODI is going to amplify Russian [18, p.188] and American concerns over possible hidden agendas. These anxieties are not only a matter of Western fear of China' economic and political resurgence. On national soil China also wants to avoid any kind of high risk investments failures. Due to a better diffusion of information via Internet, any financial mistaken made abroad by the CIC and SOEs is going to be amplified back to China. This kind of exposure could stir up economic and social instability at home, given that some 500 million rural Chinese are still not privy to the economic growth and improvements in quality of life enjoyed by a portion of its population. Therefore China's use of sovereign fund still carries with it the inherent risk producing a negative domestic impact. Inappropriate use of ODIs or just a sudden economic downturn can, over a period of months, undermine decades of stabilization policies and structural economic reforms aimed at a stable 7.5% year GDP growth. On this respect a single lapse in judgment in terms of foreign investment risks will generate a huge loss of capital. It follows that the cost to invest in unstable areas of the world can't be measured merely in terms of financial value and foreign policy preferences.

References

- 1 Baumol W., Litan R., Schramm C., Good Capitalism, Bad Capitalism and the Economics of Growth and Prosperity, 2007
- 2 The Creation of the China Investment Corporation, Washington DC., 2007
- 3 Rozanov A., 2005, "Who Holds the Wealth of Nations?" in Central Banking Journal, vol. 15, n. 4, pp. 52-57.
- Ibidem 2005, "From Reserves to Sovereign Wealth Management" in Central Banking Journal, vol. 15, n. 3, pp. 1-3.
- 4 Aizenman, J. - J. Lee, 2005, "International Reserves: Precautionary versus Mercantilist Views, Theory and Evidence" in International.
- 5 Arduino A., 2009, Il Fondo Sovrano Cinese, CASCC - ObarraO, Milan.
- 6 Arduino A., 2010, "China and the Nation State come back", Europe Asia Strategies EAST, n.33, Milan, November.

7 Truman, E., 2007, "Sovereign Wealth Funds: The Need for Greater Transparency and Accountability" in Peterson Institute for International Economics, Policy Brief, n. 6, Washington DC.

8 Source: <http://www.swfmstitute.org/fund-rankings/> (October 2014)

9 http://www.iust.ice.gov/usao/nys/vvv_cases/rnadoff.html

10 Source: http://www.ft.com/cms/s/0/4768bd3c-c461-11e3-8dd4-Q0144_feabdcQ.html (2014).

11 Lou Jiwei, 2008, Speech at 1 st Lujiazui Financial Forum, Shanghai, 9 May.

12 Beck, Roland - Fidora Michael, 2008. "The Impact of Sovereign Wealth Funds on Global Financial Markets", Occasional Paper Series, n. 91, Frankfurt, July.

13 Bellacqua J. 2010, "The Future of China-Russia relations", University press of Kentucky.

14 "Zhongguo 2008, nian waichu shouyi "jiejin zhengchang nianfen (The performance of Chinese foreign reserves in 2008 "Are we near a normal year?")", Caijing, 2008, February, <http://www.caijing.com.cn/2009-02-18/110071098.html>

15 Dickson, B.J., 2003, Red Capitalist in China. The party, private entrepreneur and prospect for political change, Cambridge University Press, Cambridge.

16 Park, D., 2007, "Beyond liquidity: New Uses for Developing Asia's Foreign Exchange Reserves" in Economics and Research Department, Asian Development Bank, ERD Working Paper, n. 109, Manila.

17 Lou Jiwi. 2008. Speech at XII St. Petersburg International Economic Forum, St. Petersburg. June.

18 Vatansever, A., 2005, Russian's Growing Dependence on Oil and it's Venture into a Stabilization Fund, Institute for the Analysis of Global Security.

Алессандро Ардуино, PhD,

Центр современных исследований

при Шанхайской Академии социальных наук, Китай

**Международные отношения и независимые фонды благосостояния:
стратегическая роль китайских инвестиционных корпораций**

Статья рассматривает особенности образования китайских финансовых институтов. Проведен анализ особенностей их функций в условиях рыночного социализма. Характеризуются типы и стратегии использования финансовых фондов с учетом международной экономической и финансовой конъюнктуры.

Алессандро Ардуино, PhD

Шанхайдағы Әлеуметтік ғылымдар Академиясы маңындағы Стратегиялық
Зерттеулер орталығы, Қытай

**Халықаралық қатынастар және тәуелсіз қаржы фондтары:
қытай инвестициялық корпорациялардың стратегиялық ролі**

Мақалада қытай қаржы қорының қалыптасу ерекшеліктері қарастырылған. Нарықтық социализм жағдайындағы қаржы қорының іске қосылу жағдайы зерттелген. Бүгінгі күнгі халықаралық экономикалық және қаржылық саясатқа сәйкес қаржы қорының пайдалану стратегиясы айқындалған.

УДК 327

Alibekov S., Dr. of judicial science

Ablai Khan Universität für internationale Beziehungen und Weltsprachen
Almaty, Kasachstan

DIE EURASISCHE INTEGRATION

Im Artikel von Sailaubek Alibekov handelt es sich um Eurasische Integration und die Wichtigkeit solche Arbeit zu entwickeln, um das neue Format der Integration zu erklären und Maßnahmen in Bezug auf die gesellschaftliche akute Erwartungen zu unternehmen (Preis, Erleichterung von Verwaltungsverfahren, usw.). Die wichtigsten Prioritäten der Außenpolitik Kasachstans sind in den letzten Jahren: Beitritt Kasachstans zur WTO, der Abschluss der Bildung der Zollunion, der Abschluss einer Freihandelszone innerhalb der GUS und mit Drittländern, die Entwicklung der Handelsbeziehungen und Anziehung der ausländischen Investitionen. Ab Januar 2015 wird die Eurasische Wirtschaftsunion (EAG) in voller Masse wachsen, und es ist wichtig den Aspekt der Interaktion mit der Europäischen Union (EU) zu berücksichtigen.

Keywords: die Integration, die Eurasische Integration, die Eurasischen Wirtschaftsunion, die Außenhandelspolitik, und der Inhalt des EAG-Vertrags

Die Relevanz des Themas besteht in der Wahrnehmung des Problems über die Integration in der Eurasischen Union. Daher sind die Darstellung von Positionen und Argumente der Parteien, ihre Bewertung für die Notwendigkeit dieser Integration im Kontext der Globalisierung äußerst wichtig.

Die Präsidenten der Republiken Belarus, Kasachstan und der Russische Föderation sind der Meinung, dass:

1. die Eurasische Union von Anfang an als wettbewerbsfähige globale Wirtschaftsunion geschaffen werden soll

2. die Eurasische Union als eine feste Einheit betrachtet werden soll, die euro-atlantischen und asiatischen Räume verbindet

3. die Eurasischen Union soll als autarke regionale Finanzeinheit gebildet werden, die ein wichtiger Teil einer neuen globalen Finanzsystems wird

4. die Eurasische Union soll einen freiwilligen Charakter tragen

5. und sie soll eine breite öffentliche Unterstützung genießen [1].

Die fünfte Position dieser gemeinsamen Meinung muss besonders vorsichtig in unseren Ländern betrachtet und für die zielgerichtete Zusammenarbeit eingesetzt werden. Das Interesse an dem Format der Integration wird nicht nur von den ehemaligen Sowjetrepubliken, sondern auch von den europäischen Ländern ausgesprochen.

In den Medien geben die Präsidenten der beteiligten Staaten eine wichtige Botschaft weiter. So Putin: "Der Aufbau der Zollunion und des gemeinsamen Wirtschaftsraums legt den Grundstein für die Bildung der starken Eurasischen Wirtschaftsunion. Wir hören da nicht auf, sondern wir haben ein ehrgeiziges Ziel: auf die nächste höhere Ebene der Integration - der Eurasischen Union zu übergehen. Wir schlagen ein Modell einer mächtigen übernationalen Vereinigung vor, das in der Lage ist, zu einem der wichtigsten Polen der modernen Welt zu werden und die Rolle einer effektiven Bindung zwischen Europa und der dynamischen asiatischen Region zu übernehmen. Insbesondere bedeutet dies, dass auf der Grundlage der Zollunion und des gemeinsamen Wirtschaftsraums eine engere Koordinierung der Wirtschafts- und Währungspolitik vorgenommen werden soll, um eine vollständige Wirtschaftsunion zu bilden. Die Schaffung der Eurasischen Union, die wirksame Integration - das ist der Weg, welcher den Mitgliedstaaten eine optimale Möglichkeit unterbreitet sich in der komplexen Welt des XXI Jahrhunderts zu entwickeln und zu realisieren. Nur gemeinsam können unsere Länder die führende Staaten im globalen Wachstum, Fortschritt und Wohlstande werden".

Lukaschenko äußerte sich: "Eine solche Allianz aufzubauen ist nicht einfach. Nach dem Erreichen der höchstmöglichen Stufe der wirtschaftlichen Integration, kommen wir sehr nah an die Notwendigkeit eine starke sozio-politischen Grundlage zu schaffen - mit gemeinsamen Werten, gemeinsamen Rechtssystem, dem Lebensstandard und Benchmark. Hier müssen wir schrittweise die supranationale und selbstverständlich vor allem politische Einrichtungen schaffen. Es ist nicht ausgeschlossen, in einem solchen Fall in der Tat auch eine neue gemeinsame Währung eingeführt wird. Die Zeit wird es zeigen".

Nasarbajev: "Eurasische Union ist ein Mega-Projekt und steht im Einklang mit den komplexen Herausforderungen der Gegenwart und Zukunft. Heute fühlen sich unsere Bürger als ein Teil der eurasischen Identität und Integration mit dem kulturellen, religiösen und sprachlichen Vielfalt, aber mit einem gemeinsamen starken Streben nach fruchtbare wirtschaftliche Zusammenarbeit und guten nachbarschaftlichen Beziehungen. Wir alle sind Zeugen der Geburt einer neuen

einzigartigen eurasischen Staatengemeinschaft, die nicht nur reiche Erfahrung der gemeinsamen Vergangenheit, sondern eine unteilbare gemeinsame Geschichte der Zukunft hat" [2].

Das Europa kann aber keine wirtschaftliche Integration von Russland, Weißrussland und Kasachstan vollständig unterstützen, ist über die Wirtschaftskrise besorgt und schätzt aber die Bedeutung des Paktes für das Wirtschaftswachstum zwischen den Ländern. Die Umfragen zeigen, dass jedes Jahr die europäische Integration ihre ehemaligen Befürworter verliert. Laut der Umfrage von Pew Research Center finden in Mai 2013 46% die Bürgerinnen und Bürger in Großbritannien, Deutschland, Spanien, Polen und Frankreich die europäische Integration als positiv. Im Jahr 2007 lag dieser Wert bei 68%. Gleichzeitig 37% der Befragten waren der Meinung, dass wirtschaftliche Integration die Wirtschaft der Länder gestärkt hatte, im Jahr 2009 waren es fast 50% Befragten [3]. Regelmäßige Umfragen in unseren Ländern bieten ein bestimmtes Bild an, und wenn die Regierung diesem Aspekten wenig Aufmerksamkeit schenkt, bleibt in der öffentlichen Perspektive ein gewisser Skepsis und die wichtigsten Gegner sind soziale Bewegungen und Organisationen.

So, in der Republik Belarus gibt es 15 politische Parteien und mehr als 2.000 öffentliche Vereinigungen, in der Russischen Föderation - 77 Parteien und mehr als hundert Bewegungen, in Kasachstan - 9 politische Parteien und 87 Vereinigungen. Die Meinungsumfragen geben konkrete Ergebnisse. Nur ein Drittel der Bürger von Belarus möchte in einem neu angelegten Allianz mit Russland leben, unter den russischen Bürger selbst sind das noch weniger – nur noch ein Viertel [4]. 33 % der Bevölkerung in Kasachstan, von denen der fünfte Teil russischsprechend ist, möchte mit den anderen Ländern in eine Union nicht zusammenschließen [5]. Doch mehr als die Hälfte der Bevölkerung in Russland finden vor allem den Zusammenschluss mit Kasachstan, Weißrussland und Ukraine am attraktivsten. Nur 8% der Russen haben sich für eine vollständige Trennung von der ehemaligen Sowjetstaaten geäußert, für Partnerschaft ohne Union - 34%.

Die restlichen 48% unterstützen Integration auch in der Form der Wiederherstellung der UdSSR, auf freiwilliger und gleichberechtigter Basis – 23%, auf Basis der Zollunion – 15%, der Eurasischen Wirtschaftsunion – 10% [6]. Die Bürger der westlichen Ukraine wünschen sich die Integration mit der EU, und der Süd- Ost-und Zentralukraine, 40% der Befragten streben nach Union mit Russland. Die junge Generation hat aber ihre eigene Aussichten. So wählen die junge Leute in Belarus das Leben in der EU - 33 %, 24% träumen von einer neuen Union. In Russland ist diese Tendenz noch größer: jungen Menschen in Russland möchten in ihrem Land (38%) leben, ein erheblicher Anteil (27%) würde nach Europa umziehen, und das Leben in einer Union mit Belarus ernsthaft können sich 19 % der Befragten vorstellen.

Entwurf des Vertrags über die Eurasische Wirtschaftsunion wurde in Kasachstan in einer unvollständigen Format veröffentlicht und noch nicht der Gegenstand einer Umfrage geworden. In Kasachstan im April 2014 fand das so genannte Antieurasische Forum statt, dessen Anhänger versucht haben, die

Entscheidung, der weiteren Integration zu verweigern und zu verhindern. Das hat aber keine breite Unterstützung in der Öffentlichkeit bekommen, was auch im Prinzip erwartet wurde.

Es ist wünschenswert und äußerst wichtig, dass die Behörden das neue Format der Integration erläutern und Maßnahmen zu akuten sozialen Erwartungen (Preise, Löhne, die Verwaltungsverfahrenserleichterung, etc.) entwickeln, was zu den anderen Ergebnissen von Befragungen führt. Die Menschen müssen die Verbesserung der Lebensbedingungen durch Integrationsprozesse spüren.

Die wichtigsten Prioritäten der Außenpolitik Kasachstans sind in den letzten Jahren: der WTO- Beitritt, die vollständige Bildung der Zollunion, der Abschluss von Abkommen über Freihandelszone innerhalb der GUS und mit Drittländern, die Entwicklung vom Handel und Einbeziehung der ausländische Investitionen.

Von gewissem Interesse ist das Abkommen über die Eurasische Wirtschaftsunion. In diesem Vortrag ist es schwer den vollen Inhalt darzustellen, da es recht umfangreich ist und viele Anhänge enthält, deswegen versuche ich einen allgemeinen Überblick über die Struktur zu verschaffen.

Eurasische Wirtschaftsunion oder EWU ist dafür zuständig, in Übereinstimmung mit dem Vertrag und internationalen Vereinbarungen in der Union, die Ziele durch diese Instrumente in den folgenden Bereichen zu erreichen: Tarif- und nichttarifäre Regulierung, Schutz des Binnenmarktes, Zollverwaltung, Handelssystem mit Drittländern, Technische Regulierung, Sanitär -, Veterinär- und Pflanzenschutzmaßnahmen, Wettbewerb, Öffentliche Beschaffungen.

Kasachstan hat die Streichung des Artikels über eine gemeinsame koordinierte und konsistente Politik in folgenden Bereichen vorgeschlagen, die mit der wirtschaftlichen Entwicklung wenig zu tun haben: Makroökonomie, Die Währungs-, Geld- und Finanzbereich, Besteuerung, Anmeldung und Verteilung von Einfuhrabgaben, Ausfuhrzölle, Regulierung der natürlichen Monopole, Dienstleistungen und Investitionen, unternehmerische Tätigkeit, Die Industrie, Transport Energie- und Infrastruktur, Agro - industriellen Bereich, Umwelt, Geistiges Eigentum, Die interregionale und grenzüberschreitenden Handel und wirtschaftliche Zusammenarbeit, Arbeitsmigration, Bildung, Gesundheit, Zusammenarbeit im Bereich der Wissenschaft und Technologie.

Die institutionelle Struktur der Union besteht aus folgenden Organen: Eurasischer Oberwirtschaftsrat; Rat der Eurasischen Wirtschaftsunion; Eurasische Wirtschaftskommission; Gerichtshof der Eurasischen Wirtschaftsunion; Interparlamentarischen Versammlung.

Aktuelle Handelspolitik Kasachstans wird im Rahmen des von der Regierung genehmigten Programm für die Entwicklung des Handels in den Jahren 2010-2014 stattfinden.

In Übereinstimmung mit diesem Programm und für die Verbesserung der Handelsmöglichkeiten in Kasachstan werden die Maßnahmen in Bereichen der Verkehrsinfrastruktur, der Entwicklung von Logistik- und Transitpotenzial des Landes unternommen.

Die Wirksamkeit der Außenpolitik wird von dem Entwicklungsstand des Geschäftsklimas, der Fähigkeit der einheimischen Unternehmen wettbewerbsfähiger zu werden und Unterbreiten der Produkte auf anderen Märkten, dem Grad der Handelsliberalisierung bestimmt.

Nach Angaben des Berichtes von Weltbank "Doing Business 2014" nimmt Kasachstan den Platz 50 unter 189 Ländern. Auf solche Weise hat Kasachstan auch die meisten GUS- Ländern hinter sich gebracht: Weißrussland – Platz 63, Kirgisistan – Platz 68, Russland – Platz 92.

Laut Berichten der internationalen Experten ist unser Land eines der attraktivsten Länder für ausländische Investoren. Bis Ende 2013 belief sich das Gesamtvolumen der ausländischen Direktinvestitionen in die Wirtschaft Kasachstans auf etwa 180 Milliarden US-Dollar. Große ausländische Investitionen kommen aus den Niederlanden, Deutschland, USA, Großbritannien, Frankreich, Italien, Russland, China, Kanada, der Schweiz, Japan und anderen Ländern.

Der Umsatz betrug im Jahr 2013 etwa 132 Milliarden US-Dollar.

Nach der neuesten Informationen haben über 40 Ländern den Wunsch ausgesprochen die Freihandelszone und der Zollunion beizutreten. Unter anderen solche Staaten wie die Türkei, Indien, Neuseeland, Vietnam und andere. Außerdem wird die Kooperation mit solchen Einheiten, wie die Europäische Union und die Organisation für wirtschaftliche Zusammenarbeit und Entwicklung verbessert. Das Interesse an einem reibungslosen und freien Handel mit der Eurasischen Wirtschaftsunion zeigte die größte Integrationsassoziation Americas – Mercosur. Die wichtigsten Handelspartner Kasachstans sind die EU-Länder (41% des Gesamtumsatzes) Russland (17,9 %), China (17%), die Schweiz (4,1%), Ukraine (3,3%).

Äußerst bedeutend ist es, dass wir gleichzeitig mit den traditionellen Entwicklungsrichtungen unseres Landes auch die Zusammenarbeit mit einer Reihe von ausländischen Ländern vertiefen. Kasachstan ist heute das einzige Land in Zentralasien, das eine qualitativ neue Phase in der Dialog mit der EU erreicht hat. Nach den Ergebnissen der Vereinbarungen auf der höchsten politischen Ebene im Juni 2011 wurde der offizielle Start der Verhandlungen über ein neues Abkommen in Bezug auf Partnerschaft und Zusammenarbeit zwischen Kasachstan und der EU angekündigt. So, im Jahr 2013 betrug der Handelsumsatz zwischen Kasachstan, Russland und Weißrussland mehr als 24 Milliarden Dollar.

Seit der Gründung der Zollunion sind die positiven Tendenzen in der Entwicklung von Serienfahrzeugen, Fertigprodukte aus Eisen oder Stahl, Kunststoff, Gummi, Papier, Haushaltsgeräte auf der Hand.

Praktische Umsetzung der Arbeit von Zollunion und des gemeinsamen Wirtschaftsraums ist auf die Schaffung eines günstigen Investitionsklimas gerichtet. Heute sind Kasachstan und Russland die Führer in Bezug auf die ausländische Direktinvestitionen im ganzen GUS-Raum. Seit der Gründung der Zollunion verdoppelten sich die Volumen der ausländischen Investitionen in der verarbeitenden Industrie in Kasachstan: Bis zu 3,4 Milliarden Dollar im Jahr 2012, im Vergleich zu 1,8 Milliarden Dollar im Jahr 2009. In diesem Fall erhöhten sich die ausländischen Direktinvestitionen um 34% und erreichte 28 Milliarden US-Dollar.

Für exportorientierte Unternehmen des Gemeinsamen Wirtschaftsraumes öffnet sich zusätzlicher Weg in Europa und Asien durch eine bessere Verkehrsinfrastruktur. Genau die 34-OECD-Länder, die 60% des Welt-BIP ausmachen, wurden als Vorbild für die Republik Kasachstan auf dem Weg des Strebens zu den erfolgreichen und hochentwickelten 30 Ländern der Welt geworden.

Kasachstan wird keine Änderungen ins Steuerrecht für Investoren in den nächsten 10 Jahren vornehmen. Der einheitliche Dienstleistungsmarkt im Einheitlichen Wirtschaftsraum in einigen Bereichen wird zum 1. Januar 2015 funktionsfähig und sieht die gegenseitige Anerkennung von Qualifikationen der Personaldienstleister und Lieferanten. Eurasische Wirtschaftskommission, gemeinsam mit den Regierungen der Mitgliedsländer, sorgt für Bildung des einheitlichen Dienstleistungsmarktes, gegenseitige Anerkennung von Lizenzen und Genehmigungen und die Fähigkeit zur Durchführung der Geschäftsaktivitäten ohne zusätzlichen Einrichtungen als juristische Person. Es wird angenommen, dass in Bereichen vielen Dienstleistungen, die keine Einschränkungen für den Verkauf auf dem Territorium der Zollunion und dem gemeinsamen Wirtschaftsraum haben, wird der Mechanismus des einheitlichen Dienstleistungsmarktes ab 1. Januar 2015 gestartet.

Ich gehe davon aus, der Vertrag selber und seine Struktur und Inhalt sind für Sie von sehr hohem Interesse und bedeutender Rolle. Im Prinzip kann ich jeden einzelnen Punkt kommentieren. Wenn Sie mir erlauben noch paar Worte zu der Eurasische Wirtschaftsgemeinschaft (EAWG) oder jetzt richtiger gesagt zu der Eurasischen Wirtschaftsunion zu sagen. Es ist bezüglich des Vertragsinhaltes viel zu sagen, aber ich denke viel wichtiger ist es über die allerwichtigsten Aspekten des internationalen Handels zu sprechen. Am 29. Mai 2014 wurde den Vertrag über die Eurasische Wirtschaftsunion in Astana unterzeichnet. Die bisher unterschriebene Verträge über die Freihandelszone, die Zollunion und den gemeinsamen Wirtschaftsraum berücksichtigt und als Anhänge zum Vertrag akzeptiert.

Die Frage bleibt aber in Bezug auf die Leistungsfähigkeit der freien Wirtschaftszonen weiterhin akut. Seit 2011 hat das Regionalentwicklungsprogramm systematische Probleme identifiziert und den effektiven Wirkmechanismus von lokalen Exekutivorgane entwickelt. Für eine stark urbanisierte Umgebung bei den lokalen Gemeinden wurden die Sonderwirtschaftszonen (SWZ), Industrieparks und Zonen des innovativen Wachstums, Industrieanlagen, Technologiezentren, Kommerzialisierung geplant. Heutzutage sind 10 Sonderwirtschaftszonen aktiv, die für moderne Hochleistungs- und wettbewerbsfähige Produktion, Investitionen, neue Technologien in der Regionen, sowie die Erhöhung der Beschäftigung geschaffen wurden, aber es wurde festgestellt, die Arbeit sei unwirksam. Der Export von petrochemischen Produkten in Kasachstan wird zum 2019 ca. 2,5 Milliarden US-Dollar betragen. Öl-und Gaschemie ist noch eine junge Branche. Zum 2019 werden einheimische Polypropylen, Polyethylen, Haushalts-, Kunststoff-Produkte hergestellt, die

Exporte werden sich auf mehr als 2,5 Milliarden US-Dollar belaufen. Nach dem Beitritt in die Eurasischen Wirtschaftsunion werden die Stromtarife in Kasachstan nicht erhöht.

Es wurden drei Visionen dieses Marktes vorgeschlagen: erste – Zusammenschluss in den einheitlichen Dienstleistungsmarkt, zweite - Bargeld-Prinzip, welcher am kompliziertesten erscheint und die dritte - ist die Erhaltung der nationalen Märkte und die Angleichung der Rechtsvorschriften aller Mitgliedsstaaten. Derzeit unterstützen alle drei Länder die dritte Option, im ersten Schritt müssen sie die Gesetze zum gleichen Nenner oder zur gleichen Basis führen. Zum 1. Juli 2015 wird dieser Vorschlag und Phase umgesetzt und abgeschlossen.

In der Weltrangliste nehmen die Mitgliedstaaten der Zollunion für Stromerzeugung den dritten Platz. Dank der Erzeugung von Öl und Gas nehmen Kasachstan, Russland und Weißrussland die erste Position auf der Welt. In der Kohleindustrie sind die Mitgliedsstaaten auf dem vierten Platz der Weltrangliste. Derzeit wird der Großteil des Welthandels vor allem in den asiatischen Schwellenländern und Europa konzentriert (etwa 70% der weltweiten Exporte).

Im Rahmen der wichtigsten regionalen Bündnissen wird positive Entwicklung des Import- und Exportanteils im Welthandel zu beobachten: in Asien - Association of Southeast Asian Nations (ASEAN), der South Asian Association for Regional Cooperation (SAARC), der Asien-Pazifik Handelsabkommen (APTA) Südamerika - die Gemeinsamen Markt Südamerikas (MERCOSUR), in Eurasien - CNG (GUS). In Nordamerika und Europa kommt ein Rückgang des Anteils der regionalen Bündnissen in Bereichen globale Import und Export vor. In Nordamerika - The North American Free Trade Agreement (NAFTA) und Europa - Die Europäische Union (EU) und der Europäischen Freihandelsassoziation (EFTA).

Eine moderne Verkehrsinfrastruktur, insbesondere Autobahnen sind von internationaler Bedeutung. Es wurde ein aktiver Prozess der Integration von zentralasiatischen Straßen in das europäische und asiatische Regionalsystem mit dem Zugang zu der Mehrheit der Länder des eurasischen Kontinents gestartet. In dieser Hinsicht ist der transkontinentale Straßenkorridor "Westeuropa - Westchina" das Hauptprojekt dieser Branche zu Beginn dieses Jahrhunderts. An seiner Entwicklung sind wichtigsten Handelspartner Kasachstans interessiert. Derzeit sind die Verträge und Partnerschaften mit Russland, China und der Europäischen Union unterzeichnet.

Der Bau wird durch Leihgaben aus den weltweit führenden Finanzinstituten durchgeführt. Die Weltbank hat das Budget in der Höhe von 2 Mrd. 125 Mio. US-Dollar zugewiesen. Es ist der größte Kredit in der Geschichte der Weltbank. Zusammen mit den Leihgaben von Asiatischen, Europäischen und Islamischen Entwicklungsbanken beträgt das Gesamtbudget 3,5 Milliarden US-Dollar für 25 Jahre. In dem Sinne genießt Kasachstan das hohe Vertrauen der globalen Finanzinstitutionen. Die Gesamtlänge des Korridors entlang der Strecke St. Petersburg - Moskau - Nischni Nowgorod - Kazan - Orenburg - Aktobe - Kyzylorda - Shymkent - Taras - Kordai - Almaty - Khorgos - Ürümqi - Lanzhou -

Zhengzhou - Lianyungang beträgt 8445 km. Davon sind 2233 km in der Russischen Föderation, 2787 km – in der Republik Kasachstan, 3425 km – in der Volksrepublik China.

Es ist bekannt, 2011 im Rahmen der Entwicklung der Freihandelszone von GUS-Staaten wurde ein neues multilaterales Abkommen über Freihandelszone unterzeichnet. Heute führen die Länder der Zollunion (Weißrussland, Russland und Kasachstan) die Verhandlungsgespräche bezüglich der Freihandelszone mit Neuseeland und den Ländern der Europäischen Freihandelsassoziation (EFTA), zu der solche Länder gehören wie die Schweiz, Norwegen, Island und Liechtenstein, und Vietnam.

Die Bildung von Freihandelszonen mit der Europäischen Freihandelsassoziation ermöglicht der Republik Kasachstan die Wettbewerbsfähigkeiten zu stärken und die Zusammenarbeit zwischen den nationalen und europäischen Unternehmern im Bereich der Pharma-, Wirtschaftsingenieurwesen zu vertiefen, und wird auch den Technologietransfer beitragen.

Im Rahmen des Innovativen Development-Programms im Jahre 2010 wurden 13 sektoralen Programme und 10 Programme für Unterstützung Prioritätssektoren der Wirtschaft, Business-Support-Programme und das Programm der rationalen Verteilung der Produktionskapazitäten gestartet.

Es bleiben aber offene Fragen im Bereich der Gesetzgebung. Es gibt Unterschiede in den Gesetzen von Kasachstan, Russland und Weißrussland im Bereich der natürlichen Monopole. All die Jahre wurde der Parallelbetrieb von Stromversorgungssystemen unserer Länder nicht gestoppt, sie führen auch zum Verkauf. Bis zum 1. Juli 2015 wird das Konzept der Schaffung eines gemeinsamen Energiemarkt erwartet. Bis zum 1. Juli 2016 wird das Programm für den gemeinsamen Strommarkt vorbereitet. Es scheint, dass die tatsächliche Situation die Lösung der Probleme im gegenseitigen Interesse nicht auszuschließen ist. Aktuelle Situation an der gemeinsamen Grenze bleibt etwas offen, die Zollverwaltung ist nicht vollständig standardisiert, es fehlt die Administration der Außenhandelstätigkeit und ihre Liberalisierung, es gibt große Unterschiede in der Steuerverwaltung, etc. Diese sollen attraktiv für die Mitgliedsstaaten der neuen eurasischen Union werden. Es ist wünschenswert, dass die Interessen der Mitgliedsstaaten kurz –und langfristig erfüllt werden.

Inhaltsverzeichnis

1 Putins W.W. Neue Integrationsprojekt für Eurasien - Zukunft, die heute geboren wird // Iswestija. – 2011. – Oktober.

2 Eurasische Wirtschaftskommission – Режим доступа URL: www.eurasiancommission.org - (дата обращения 14.09.2014).

3 Foucher, Michel. Welche Zukunft erwartet die Europäische Union? Perspektiven - Режим доступа URL: www.perspektivy.info - (дата обращения 10.09.2014).

4 Unerwünschte Kinder von EU: Euro-Skeptiker und Nationalisten - Режим доступа URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/40451> - (дата обращения 15.09.2014).

5 Stiftung "Zentrum für Soziale und Politische Studien" (Kasachstan) - Режим доступа URL: bibo.kz - (дата обращения 11.09.2014).

6 Daten ARCSPO (2012) - Режим доступа URL: wciom.ru - (дата обращения 18.09.2014).

С.Т. Алибеков

д.ю.н., КазУМОиМЯ им. Абылай хана, Алматы, Казахстан

Евразийская интеграция

Актуальность темы заключается в вопросах интеграции в формате Евразийского пространства, для чего важно изложение позиции и аргументов сторон, их общественной оценке обоснования необходимости интеграции в условиях глобализации.

По общему мнению глав государств Беларуси, Казахстана и России:

1. Евразийский Союз должен изначально создаваться как конкурентоспособное глобальное экономическое объединение.

2. Евразийский союз должен формироваться как прочное звено, сцепляющее евроатлантический и азиатский ареалы развития.

3. Евразийский союз должен формироваться как самодостаточное региональное финансовое объединение, которое будет частью новой глобальной валютно-финансовой системы.

4. Добровольный характер объединения.

5. Необходимость широкой общественной поддержки.

С.Т. Алибеков

з.ғ.д., Абылай хан ат. ҚазХҚжӘТУ, Алматы, Қазақстан

Еуразиялық интеграция

Тақырыптың өзектілігі Еуразиялық кеңістіктің үлгісіндегі интеграция мәселелері, позициясы мен ұстанымын білдіру маңыздылығында және олардың жаһандану жағдайындағы интеграцияның қажеттілігін қоғамдық бағалануын негіздеу қажеттілігінде болып отыр.

Беларуссия, Қазақстан және Ресей мемлекеттер басшыларының жалпы шешімі бойынша:

1. Еуразиялық Одақ бастапқы кезден бәсекеге қабілетті ауқымды экономикалық бірлестік ретінде, мықты звено болып қалыптасуы қажет;

2. Еуразиялық Одақ еуроатлантикалық және азияттық басымтұрлық дамуы ретінде мықты звено болып қалыптасуы қажет;

3. Еуразиялық Одақ жаңа ауқымды валюталық-қаржылық жүйе болатындай өзіне жеткілікті аймақтық қаржылық бірлестік ретінде қалыптасуы қажет;

4. Бірлестіктің ерікті сипаты болуы қажет;

5. Кең көлемдегі қоғамдық қолдаудың қажеттілігі болуы тиіс.

УДК 42; 631.7

Ш.Д. Аухадиева

к.ф.н., КазУМОиМЯ имени Абылай хана,
Алматы, Казахстан

ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

В статье отмечено, что одной из важных проблем при анализе современной мировой политики является глобальное управление и регулирование. В данной статье рассматриваются дискуссии о глобальном управлении и его роли в современной мировой политике, которые с особой силой развернулись в международном научном сообществе с конца 1990-х гг. Актуальность проблемы глобального управления начала все сильнее проявляться в теории мировой политики.

Ключевые слова: глобальное управление, системы международных отношений, политика, модель мира, альтерглобализация

Одной из важных проблем при анализе современной мировой политики является глобальное управление и регулирование. Эрозия Вестфальской модели мира с ее принципом суверенного равенства государств выводит на повестку дня мировой политики вопрос о новых формах институциональной и процедурной организации процесса принятия решений на глобальном уровне. Вот почему, анализ проблем и перспектив глобального управления и будущего восприятия государственного суверенитета представляет собой важный момент для более полного осмысления мировой политики.

Дискуссии о глобальном управлении и его роли в современной мировой политике с особой силой развернулись в международном научном сообществе с конца 1990-х гг. т.е. пришлось на период расцвета клинтоновского интернационализма и глобализма. В то время США пытались преподнести свою политику как выражение интересов мирового сообщества. Говорилось (особенно после Косова) о вытеснении моральными императивами «устаревших» и «недостаточных» норм Устава ООН, о праве мирового сообщества на вмешательство в дела государств [1, с. 147], выдвигалась идея формирования глобального коммунитарного права – так

наз. «конституционного права народов» (*jus gentium constitutionale*) [2, с. 76]. Иными словами, активно внушалась мысль о том, что Вестфальская модель мира, строящаяся на принципах государственного суверенитета, постепенно основанной на понимании сообщества демократических государств как «широкого униполюса» мирового сообщества в целом, о необходимости расширения такого сообщества до демократического мира в целом и о том, что его консенсус должен стать критерием для принятия решений, ограничивающих или нарушающих суверенитет отдельных государств. На фоне этих дискуссий глобальное управление стало одной из приоритетных тем для научного анализа, вошло и в университетские учебники по мировой политике.

Глобальное управление как тема для научного анализа всегда было отчасти табуировано. Призраки теории заговоров и «мировой закулисы» сразу же возникали как ассоциация с этой темой.

В то же время, помимо всяких всемирных заговоров, актуальность проблемы глобального управления начала все сильнее проявляться в теории мировой политики. Причин этому несколько. Главная из них кроется в эрозии Вестфальской модели мира, состоящей из пяти основных элементов:

- мир состоит из суверенных государств; соответственно, в мире
- нет единой высшей власти, и отсутствует принцип универсалистской иерархии в управлении;
- мир базируется на принципе суверенного равенства государств и, следовательно, их невмешательстве во внутренние дела друг друга;
- суверенное государство обладает неограниченной полнотой власти на своей территории над своими гражданами;
- мир регулируется международным правом, понимаемым как право договоров суверенных государств между собой;
- поскольку только суверенные государства выступают субъектами международного права, потому только они являются признанными акторами в мире.

Специфика развития мира в 1990-е гг. привела к тому, что распад Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений, окончание биполярного противостояния и холодной войны привели не только к изменению баланса сил между государствами (что уже много раз бывало в истории и зафиксировано в сменах различных исторических систем международных отношений). Изменения оказались гораздо глубже и постепенно начали затрагивать сами принципы устройства мира. С одной стороны, прекращение силового противостояния и исчезновение сложных систем политического сдерживания времен холодной войны предоставили, внешне парадоксальным образом, экономические и социальные факторы развития мира самим себе, и именно с начала 1990-х гг. они начали оказывать определяющее воздействие и на мировую политику.

Окончание холодной войны привело и к гражданской «конверсии» интернета – также отнюдь не нового изобретения – которая именно с первой

половины 1990-х гг. просто перевернула мир. Итогом стало то, что экономические и социальные процессы в мире в 1990-е гг. стали приобретать все более независимый от суверенных государств характер. Негосударственные акторы мировой политики именно в этот период стали получать серьезное развитие. Все это привело к ощутимой эрозии одного из элементов Вестфальской модели мира – признававшей акторство только суверенных государств. Более того, на рубеже 1990-х и 2000-х гг. произошло символическое слияние межгосударственной дипломатии «первого уровня» и дипломатии новых акторов «второго уровня», которые до этого существовали в различных, непересекающихся плоскостях. Это было связано как с предложением Программы развития ООН о создании второй палаты Генеральной Ассамблеи ООН, которая представляла бы новых акторов и тем самым уравнила бы их голос с нынешней «палатой государств», так и с деятельностью антиглобалистов по созданию сети социальных форумов как эффективного инструмента влияния новых акторов на политику суверенных государств.

Политические перипетии 1990-х гг. также вышли за рамки лишь простой перегруппировки сил. Их итогом стала Косовская операция НАТО в 1999 г., получившая ключевое значение для политической эрозии Вестфальской модели мира. Именно в Косовской акции были осознанно и аргументированно нарушены три других элемента Вестфалья: принцип суверенного равенства государств, верховенство международного права и право государства на неограниченные властные полномочия на своей территории.

Главным идеологическим результатом косовского кризиса и обрамлявших его дискуссий в западных политологических и правовых журналах стало постулирование принципиально нового явления, никак не совместимого с принципами Вестфальской модели: приоритета морали перед правом в современном мире и высшей справедливости перед писаной правовой нормой. Дискуссии об *aequitas* и *jus strictum* времен средневековой рецепции римского права неожиданно возродились вновь на рубеже XXI века [3, с.161]. Моральное неприятие нарушения прав человека и этнических меньшинств со стороны доминирующего общественного мнения в мире привело к тому, что суверенитет после Косова стал пониматься не как право государства делать все, что оно вздумает, со своими гражданами (что вполне соответствует Вестфальскому принципу признания высшей власти государства над своей территорией), но как «суверенитет ответственности», как обязанность государства обеспечивать соблюдение прав человека на своей территории и ответственно подходить к этому. Более того, после Косово звучали предложения о замене международного права, понимаемого «по-вестфальски» как право договоров суверенных государств на принципиально иное глобальное коммунитарное право (конституционное право народов), базирующееся на идеях глобальной конституции, имеющей прямое действие во всех государствах, и возрождении переосмысленных принципов древнеримского *jus gentium*. «Конец истории» Ф. Фукуямы,

«Общеввропейский дом» М.С. Горбачева, «Переступая порог надежды» Иоанна Павла II, «Открытое общество» Дж. Сороса и другие – все они делали акцент на усилении взаимозависимости мира и качественном росте сплоченности всего человечества.

Эти идеи, наложившиеся на экологический и социальный алармизм предшествующего периода общественной мысли (доклад Римского клуба «Пределы роста» может послужить характерным тому примером), поставили вопрос о необходимости усиления управляемости в мире перед лицом как глобальных проблем, так и социальных последствий спонтанной глобализации. «Глобалистский оптимизм», присущий данным концепциям, отразился в том, что решение всех затруднений виделось в них либо через усиление полномочий существующих международных институтов, либо через формирование качественно иных органов регулирования на глобальном уровне.

Программа развития ООН все 1990-е гг. наиболее активно работала в этом направлении и представила ряд масштабных проектов по усилению существующих глобальных институтов и созданию новых. Важным элементом в эволюции этих идеологических постулатов стало постепенное осознание принципа общей неэффективности государственного управления по сравнению с регулированием в глобальном масштабе. Эта неэффективность постулировалась для всех государств в целом, но особенно ярко она проявлялась в случае негативного управления в одном или нескольких государствах. Таким образом, постепенно появился новый критерий в оценке государственного суверенитета – критерий эффективности. Наряду с критерием морали он начал оказывать все усиливающееся воздействие на мировую политику.

В результате всех этих процессов эрозия Вестфальской модели мира и на практике, и в идеологии стала достаточно ощутимой. И логическим следствием этого стало выдвижение идеи глобального управления как осознанной альтернативы миру суверенных государств. Таким образом появился новый концепт и новые теории, его объясняющие.

Интересно и весьма показательно при этом, что сама мировая политика как научная дисциплина в ряде исследовательских концепций начала восприниматься лишь как преддверие к действительно новой специальности, качественно порывающей с вестфальскими *international relations*, – глобальному управлению. Символическим в этой связи стал выход в середине 1990-х гг. работы А.Грума и Д.Пауэлла, которая так и называлась: «От мировой политики – к глобальному управлению» [4]. Очевидно, что в такой трактовке глобальное управление стало приобретать самые разные контуры и черты. Наряду со старым, этатистским подходом, моделирующим мир по образцу государства и делающим акцент на мировом правительстве, а также конспирологическими теориями, выдвигающими в центр «мировую закулису», в науке получили большое распространение достаточно широкие и гибкие концепции глобального управления. Основными из них стали концепция

институциональных трансформаций (например, усиление полномочий и реформа ООН и Бреттон-Вудских институтов) и концепция «управления без правительства», предусматривавшая неформальные консенсусные механизмы принятия решений (глобальный демократический консенсус по Косову – яркий тому пример).

Рубеж 1990-2000-х гг. привел к новым важным подвижкам в этой связи. Глобальный финансовый кризис на emerging markets в 1997-99 гг. породил масштабную дискуссию о реформе «глобальной финансовой архитектуры» и институциональных трансформациях МВФ и Всемирного банка. Движение антиглобалистов, начиная со встречи ВТО в Сиэтле в 1999 г., поставило в центр мирового общественного мнения вопрос о теновом элитном консенсусе в глобальном регулировании и предложило взамен «альтерглобализацию», связанную с новыми формами социального консенсуса в мировой политике.

Таким образом, вариативность восприятия идеи глобального управления оказалась достаточно широка. Но в любом случае в этой связи глобальное управление можно представить в более широком контексте с точки зрения нового, поствестфальского универсализма. Универсализма, который может прийти на смену вестфальскому миру суверенных государств и который, скорее всего, будет базироваться на идеях глобальной эффективности и единой глобальной морали [5, С.35]. И очевидно, поскольку эта тема – «распахнута» в будущее, то значительный объем исследований по глобальному управлению представляют футурологические работы, оценивающие то, насколько вероятной будет реализация тех или иных сценариев.

В целом же, два основных вызова, которые современная мировая политика бросила Вестфальской модели мира: мораль вместо права и эффективность вместо суверенитета, становятся, хотим мы этого или нет, одним из серьезных элементов мирового развития. Глобальное управление, представляемое многими как более моральное (в его демократически-консенсусных формах) и более эффективное, чем государства, становится в этом контексте, все более востребованным как мировым общественным мнением, так и логикой мировой политики. Насколько оно перейдет из дискуссий в практику, покажет будущее.

Список литературы

- 1 Барабанов О.Н., Голицын В.А., Терещенко В.В. Глобальное управление. - М.: Изд-во МГИМО, 2006. - С.147.
- 2 Кулагин В. М. Мир в XXI в.: многополюсный баланс сил или глобальный Pax Democratica (Гипотеза демократического мира в контексте альтернатив мирового развития) // Полис.- 2009.- № 1. - С.76.
- 3 Барабанов О. Н. Глобальное управление и глобальное сотрудничество // Глобализация: человеческое измерение. - М.: Росспэн, 2002. - С.161.
- 4 Groom A., Powell D. From World Politics to Global Governance – A Theme in Need of a Focus // Contemporary International Relations. - L.-N.Y., 1994.

5 Терещенко В.В. Глобальное управление.- М.: Изд-во МГИМО-Университета, 2009. - С. 35.

Ш.Д. Аухадиева

Абылай хан ат. ҚазХҚжӘТУ, Алматы, Қазақстан

Әлемдік саясаттағы жаһандық басқару мәселелері

Бұл мақалада жаһандық басқару, жалпы алғанда, әлемдік өркениеттің аса маңызды өлшемдерінің жалпыадамзаттық өлшемге ие болуы деп қарастырылады. Зерттеушілер жаһандық басқару әр текті, бірақ әлемнің біртұтастыққа айналу логикасымен біріктірілетін өзгерістердің жиынтығы деп түсіндіреді. Жаһандық басқару өзара тәуелділік және бүкіләлемдік даму үрдісі жаһандануға алып келмей қоймайды. Бұл үрдіс трансұлттық экономика мен жалпыадамдық құндылықтарды қорғауға негізделген халықаралық ұйымдар жүйесі ықпалын күшейтеді. Жаһандану әлеуметтік феномен ретінде көп қырлы және көптеген құрамдас бөліктерді қамтиды.

Sh.D. Aukhadiyeva

Ablai khan KAUIR&WL, Almaty, Kazakhstan

Problems of Global Governance in World Politics

The article noted that one of the important problems in the analysis of contemporary world politics is global governance and regulation. This article discusses the debate on global governance and its role in contemporary world politics with special force deployed in the international scientific community since the late 1990s. The urgency of the problem of global governance began to emerge stronger in the theory of world politics.

УДК 101

С.Б. Булекбаев

д.филос. н., профессор КазУМОиМЯ им. Абылай хана

Р.У. Булекбаева

к.ю.н., ст. преп. Университета им. Сулеймана Демиреля, Алматы, Казахстан

О ТЮРКСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ В МИРОВОЙ КУЛЬТУРЕ И ЦИВИЛИЗАЦИИ

Статья отмечает достижения тюрков во всех областях культуры, о роли тюркской составляющей в мировой цивилизации. Говорится о необходимости создания конкретной программы возрождения

духовного наследия тюркских народов. О необходимости, в первую очередь возродить тюркское самосознание, тюркскую духовность, ее высокий духовно-нравственный потенциал, то есть создание целостной программы духовного возвышения. Сегодня настало время для возрождения, не востребованных в силу многих причин, тюркской культуры, и настало время понимания того, что общечеловеческая цивилизация представляет собой не только достижение Запада, но и остальной части мира, в том числе и Евразии.

Ключевые слова: Тюрки, тюркская история и культура, великая цивилизация, влияние тюрков на другие цивилизации, воинское искусство, политика, государство, эль, дипломатия, разведка, таможенное дело, язык, завоевания, империя тюрков, города тюрков, военное искусство

Тюркский мир на протяжении длительной истории являлась уникальным местом, где зарождались и развивались мощнейшие культуры и цивилизации, которые оказали огромное влияние и воздействие на ход, и развитие мировой истории, культуры и цивилизации. Его воздействие и влияние было обусловлено тем, что Тюркский мир, будучи географически расположенный в центральной части евразийского континента, всегда был связующим мостом между двумя великими культурами Востока и Запада. Отмечая эту роль тюркского мира, многие исследователи, на наш взгляд, упускают, по меньшей мере, три таких обстоятельства, во-первых, неизбежное влияние и воздействие этих культур на тюркскую, что приводило к усвоению и заимствованию от этих культур, а, во-вторых, то, что и тюрки имели свою, и достаточно высокую для своего времени культуру и цивилизацию. И что их культура оказала огромное влияние и воздействие на соседние, часто задавая, по мнению многих великих ученых, стартовые условия для развития соседних цивилизаций, в том числе и европейской. Особо в этом плане можно отметить влияние тюрков на Русь, которую европоцентристски и русскоцентрически зашоренные историки стараются упорно не замечать. В отличие от них, по мнению евразийцев, в частности, П. Н. Савицкого: «без *"татарщины"* не было бы России. Нет ничего более шаблонного и в то же время неправильного, чем превозношение культурного развития дотатарской Киевской Руси, якобы уничтоженного и оборванного татарским нашествием. Далее он говорит: «Ту беспомощность, с которой Русь предалась татарам, было бы нелогично рассматривать как "роковую случайность"; в бытии дотатарской Руси был элемент *неустойчивости*, склонность к *деградации*, которая ни к чему иному, как к чужеземному игу, привести не могла... Велико счастье Руси, что в момент, когда в силу внутреннего разложения она должна была пасть, она досталась татарам, и никому другому. Татары - "нейтральная" культурная среда, принимавшая "всяческих богов" и терпевшая "любые культуры", пала на Русь как наказание Божие, но не

замутила чистоты национального творчества. Если бы Русь досталась туркам, заразившимся "иранским фанатизмом. и экзальтацией", ее испытание было бы многожды труднее и доля - горше. Если бы ее взял Запад, он вынул бы из нее душу... Татары не изменили духовного существа России; но в отличительном для них в эту эпоху качестве создателей государств, милитарно организующейся силы, они, несомненно, повлияли на Русь. Далее, по мнению П. Н Савицкого: « Действием ли примера, привитием ли крови правящим, они дали России свойство организовываться военно, создавать государственно-принудительный центр, достигать *устойчивости*; они дали ей качество - *становиться могущественной "ордой"*. Другими словами, «своею ролью наказания Божия татары очистили и освятили Русь, своим примером привили ей навык могущества, - в этом противоположении явлен двойственный лик России. Россия - наследница Великих Ханов, продолжательница дела Чингиса и Тимура, объединительница Азии » [1].

Для обоснования тезиса о стартовых условиях заданных тюрками для других цивилизаций, наметим некоторые подходы, которые, с нашей точки зрения, позволяют более четче и аргументированней обозначить, во-первых, место и роль тюрков в мировой истории, во-вторых, их вклад в мировую культуру и цивилизацию, а в-третьих, отметить, что казахи, как часть тюркского народа по историческому праву занимает свою законную нишу и подобающее место в тюркской истории. Здесь имеется в виду то, что казахи, как народ, исторически проживающий в Великой Степи, в центре Евразии, где в основном начинались и вершились важнейшие исторические события, часто менявшие ход мировой истории, был всегда одним из основных субъектов великой тюркской истории. Отсюда история казахов неотделима от тюркской истории. Поэтому наша история должна рассматриваться и изучаться как история тюрков и казахов. Последние по праву должны разделять как исторические успехи, так и поражения своих предков-тюрков.

История тюрков, как известно, начинается с V века. С эпохи Тюркских каганатов, которые, согласно Л. Гумилеву, стало в какой-то мере переломным моментом в истории человечества» [2]. Здесь имеется в виду то, что Тюркский мир, контролируя огромную территорию между Востоком и Западом, всегда был тем мостом, который на базе Шелкового пути, проходящий через ее огромную территорию, связывал культуры и цивилизации Востока и Запада. Это стало возможным лишь в конце VI века, поскольку именно тогда границы тюркского каганата сомкнулись на западе с Византией, на юге с Персией и даже Индией, а на востоке с Китаем. Ввиду этого обстоятельства история соседних государств в этот период была связана с судьбой тюркской державы. Образование тюркского каганата, стало в какой – то мере переломным моментом в истории человечества, потому что до этих пор средиземноморская и дальневосточная культуры были разобщены, хотя и знали о существовании друг друга. Бескрайние степи и горные хребты препятствовали сношениям Востока и Запада. Только позднее изобретение металлических стремян и вьючной упряжи, заменившей телеги,

позволило караванам сравнительно легко форсировать пустыни и перевалы. В этой ситуации тюрки сыграли роль посредников между Востоком и Западом. Эта связь осуществлялась не только на базе Шелкового Пути, но и на базе разносторонних экономических, политических, культурных, военных, международных и других связей с пограничными государствами.

Вполне соглашаясь с тем, что тюркский мир действительно был тем мостом, который соединял две великие культуры Востока и Запада, вполне признавая их влияние и воздействие на тюркскую, на мой взгляд, исследователи тюркской культуры и цивилизации, как правило, недостаточно указывают на то, что тюрки имели свою, самодостаточную культуру и цивилизацию. Отмечая самобытность тюркской культуры, которая возникла и существовала независимо от культур Ирана и Китая Л. Гумилев писал: «Пора прекратить рассматривать народов Центральной Азии только как соседей Китая и Ирана. Надо, наконец, сделать практический вывод из того бесспорного положения, что их история и культура развивались самостоятельно. Только так можно понять, как они жили, чувствовали, торжествовали и погибали» [3]. Более того тюрки, именно в центре Евразии, сами создали несколько очагов мировой культуры и цивилизации, которые оказали существенное влияние и на другие культуры и цивилизации, в первую очередь на европейскую. Задав, как справедливо говорят многие известные ученые, в частности, как Джавахарлал Неру, Вернадский В.И, ей стартовые условия развития.

Суть заданных стартовых условий заключается в том, что тюрки привнесли с собой более высокие для того времени образцы и элементы культуры. Особо здесь следует отметить переход от века камня и бронзы к веку железа. Он пришелся на V- III века до новой эры. Это событие отмечено приходом к тюркам нового Бога – Тенгри – хана. Он научил людей плавить железную руду. Началась новая эпоха в жизни не только алтайских, но и других народов. Железо – металл древний. Он был знаком и египетским фараонам. Железо добывали и на Кавказе и в Малой Азии. Только с тем различием, что здесь его не выплавляли, а выжигали, получая так называемое «кричное железо», пригодное дляковки. Что касается алтайских тюрков, то они придумали свою технологию, которая используется во всем мире поныне. Они додумались железную руду не выжигать, а плавить в горнах, последовательно получая чугуны и сталь. Это давало колоссальную выгоду и увеличивало выход металла. Между прочим, «чугун» - тюркское слово, «булат» - тоже. Они памятники той далекой поры, когда началась новая эра в истории человечества. Железо в руках тюрков уже не было драгоценностью, как у египетских фараонов, оно превратилось в рабочий металл. Согласно, Л. Гумилеву, хотя «железо и раньше было известно кочевникам, но только тюркюты ввели его, а массовое употребление. Он отмечает, что когда известный Земарх, увидев тюркютов, предлагающих ему железо для продажи, был чрезвычайно удивлен и заподозрил, что это делается нарочно, чтобы дезориентировать его: «ибо обыкновенно говорят, что у них трудно достать железо» [4].

Здесь нужно отметить, что тюрки не только сумели организовать массовое производство железа, но и то, что их сыродутное железо содержало, по мнению специалистов, до 99,45 % чистого металла и поэтому было весьма ковким и прочным. Из высококачественного железа кочевники-кузнецы изготавливали однолезвийные ножи, тесла-топоры, стремена, удила, мечи, сабли с малым изгибом и массивным клинком, наконечники копий и стрел, железные котлы двух типов: круглые - подвесные и стоячие - на конической ножке. Развитие металлургии позволило тюркским каганам перевооружить свою армию и создать отборные, ударные части из латной кавалерии - фули (т.е. «волки» - «бури» - названные так «в память» своего мифического происхождения от волчицы). На их вооружении были роговые луки, панцири, копья, сабли и палаши. Таким образом, как утверждают археологические и письменные источники, и ранее, и в эпоху средневековья кочевники выступили на арену мировой истории как народ, впервые освоивший в Степях Центральной Азии промышленную добычу железа и благодаря этому поставивший себя в независимое положение по отношению к Китаю и Тибету, откуда до этого времени кочевники получали железное оружие необходимое для успеха их военных предприятий. На наш взгляд, Мурат Аджи совершенно прав, когда говорит, что созданная тюрками технология получения железа на основе плавки железной руды в горнах, значительно увеличившая добычу металла по сравнению с традиционным выжигом металла, может оцениваться как научно-техническая революция, как настоящий переворот, который совершили тюрки на Алтае, а потом распространили его до уровня Китая и всей Европы [5].

Говоря о тюркском вкладе в мировую цивилизацию, нельзя не привести слова великого русского историка Л. Н. Гумилева, который, споря со своими оппонентами, писал: «Нереально думать, что в кочевом обществе невозможен технический прогресс. Кочевники вообще, а хунну и тюрки в частности, изобрели такие вещи, которые ныне вошли в обиход человека как нечто само по себе подразумевающееся. Первое усовершенствование одежды-штаны сделаны еще в глубокой древности. Стремя появилось в центральной Азии между 200 и 400 гг. Первая кочевая повозка на деревянных обрубах заменилась сначала коляской, а потом выюком, что позволило кочевникам форсировать горные, поросшие лесом хребты. Кочевниками были изобретены изогнутая сабля, вытеснившая прямой меч, и длинный составной лук, метавшей стрелы на расстоянии до 700 метров. Наконец, круглая юрта в течении времени считалась наиболее совершенным видом жилища [6].

Стартовая позиция для европейской цивилизации была задана культурными достижениями Востока. В этом плане Тюрки в значительной степени содействовали проникновению восточной культуры в Европу. Вернадский обращает в этой связи особое внимание на открытие и распространение книгопечатания, позволяющего в величайшей степени увеличить силу человеческой личности и мысли, фиксируя, сохраняя и передавать из поколения поколение накопленные сведения и знания. С книгопечатания собственно, ведет свое летоисчисление современная научно - техническая эпоха. Не позднее VI

века в Китае уже практикуется способ печатания с резных деревянных досок. В XIII - XIV вв. он проник в Европу и подготовил открытие Гуттенберга. Марко Поло, обратил внимание на печатание в монгольской империи денежных ассигнаций. «Огромное - по выражению Вернадского – всемирно- историческое значение» «монгольского нашествия» состоит в том, что благодаря нему в рамках единого государственного целого соединились «народы различной, нередко очень высокой культуры». Вместе с ксилографическим способом печатания монголы способствовали проникновению в Европу бумаги, гречихи, буровых скважин [7].

К сказанному можно добавить и высказывание выдающегося казахского философа Касымжанов А.Х., который также отмечал, что тюрки в Евразии создали особую цивилизацию. Он говорит: «С моей точки зрения, в ландшафтной зоне евразийских степей, в которые входит и территория Казахстана, сформировалась... особая цивилизация, связанная конечно, с пастбищным скотоводством в силу природных условий, но включающая в себя, помимо этого, технологические и культурные достижения, «конную культуру», плавку железа, города, ремесла, земледелие, в том числе ирригационное искусство. Добавьте к этому образование мировых империй и влияние на мировые миграционные демографические процессы» [8].

На мой взгляд, все должны знать, особенно тюркские народы, что они представители народа, который уже в глубокой древности раньше других освоил дерево и металл, приручил животных. Что эти открытия их предков, по существу, явились научно-техническими революциями для человечества. Что именно благодаря этим открытиям человечество значительно обогатилось и продвинулось вперед в своем развитии. Об этом надо в полный голос говорить и писать.

Раскрывая роль тюрков в мировой истории, нельзя не сказать о том, что тюрки своими историческими завоеваниями не раз существенно влияли на ход и развитие мировой истории. Отмечая судьбоносную роль тюрков в истории, известный французский философ, Шарль Монтескье писал в своей книге «Персидские письма»: «Ни один народ в мире ... не превзошел татар своей славой или величиим своих завоеваний. Этот народ поистине владыка вселенной; все остальные как будто для того созданы, чтобы ему служить, он также основатель и разрушитель империй; во все времена он проявлял на земле свое могущество, во все века он был бичом других народов. Под именем турок они совершили необъятные завоевания в Европе, Азии и Африке; и они господствуют над этими тремя частями света. А если углубиться в более отдаленные времена, то мы увидим, что от них же произошли некоторые из народов, уничтоживших Римскую империю. Что значат завоевания Александра в сравнении с завоеваниями Чингисхана?» [9].

Монтескье прав, действительно, только завоевания Чингисхана значительно превосходят завоевания семи крупнейших европейских полководцев, признанных всем миром - Александра Македонского, Ганнибала, Цезаря, шведского короля Кала XII, Фридриха Великого, А.В.Суворова и Наполеона

Бонапарта. Согласно исследованиям монгольского ученого Жадамбына Энхбаяра: «...семь великих полководцев мира завоевали на семерых территории 6 900 000 кв. км, в то время как 7 770 000 кв. км были покорены только одним Чингисханом. Таким образом, «ни один из «великолепной семерки» полководцев не идет ни в какое сравнение с Чингисханом и Бату-ханом ни по площади покоренной территории, ни по устойчивости созданного государства, ни по следу, оставленному истории».

Мы здесь уже не говорим о других великих тюркских полководцах, таких как Бумын кагане, Истеми кагане, Бильге кагане, Культегине, Сулеймане Великолепном, Тамерлане, чьи завоевания не раз меняли ход и вектор мировой истории и мировой политики. Понятно, что эти завоевания существенно влияли на общественное бытие и социальные институты покоренных народов. На это приходится обращать внимание потому, что многие европоцентристски ориентированные исследователи, сводят завоевания тюрков, с одной стороны, только к грабежу и разорению, а с другой, к оправданию отсталости развития своих стран. Как правило, полностью забывая о том, что любое явление или событие имеет две стороны - хорошую и плохую. Это зависит от точки зрения. Именно обращая внимание на эту сторону, Джавахарлал Неру писал, что тюрки не только «опустошали Европу – но и цивилизовали Европу» [10]. Другими словами, тюркская культура оказала заметное влияние на становление и развитие европейской культуры.

Однако, для того чтобы одна цивилизация оказывать цивилизирующее воздействие на другую, она сама должна быть достаточно развита. В этом плане, вне всякого сомнения, важным достижением тюркской цивилизации, согласно выдающемуся тюркологу С. Максуди является способность тюрков к общественной организации и к созданию государств [11]. Необходимость развития и совершенствования таких институтов было вызвано тем, что во вновь созданных огромных империях, перед тюрками вставала задача - организовывать, управлять и контролировать под своей властью покоренные народы. Это говорит о том, что тюрки должны были совершенствовать свою систему государственного и административного управления. По мнению исследователей, зачастую структура тюркских государств была более совершенной, чем у завоеванных народов. На это приходится обращать внимание потому, что именно на эту сторону исследователи недостаточно уделяют внимание.

Если о завоеваниях и империях тюрков есть более или менее достоверная информация, то о его вкладе в создание общественных и государственных институтов известно очень мало, хотя, по мнению Л. Гумилева, тюрки создали для своего времени более сложные и более совершенные формы общественного бытия и социальные институты: эль, удельно-лестничная система, иерархия чинов, кочевая демократия, налоговую систему, денежное обращение, дипломатия, книгопечатание и т.д. [12].

Мы здесь полностью согласны с известным тюркологом Р.Рахманалиевым, который говорит, тюрки «захватив троны трех континентов – в Пекине, Дели,

Исфахане, Дамаске, Багдаде, Каире, Константинополе, Алжире, – они должны были действовать так, чтобы не потерять их [13]. А это было возможно лишь в том случае, если могли создать на завоеванной территории управляемую структуру, совершенную систему государственного и административного управления, в частности государственный аппарат, налоговую систему, таможенную службу, наладить торговлю с соответствующей потребностям империи денежное обращение, обеспечить безопасность в стране и торговле. Не говоря о том, что должна быть дипломатическая служба, разведка. Что касается военного искусства, здесь мы имеем в виду военную тактику, стратегии, дисциплины, то в этой области тюрки значительно превосходили другие народы. Кстати военная тактика и стратегия тюрков была взята на вооружение многими армиями мира, в частности русской. Доказательством превосходства военного искусства тюрков могут служить завоеванные тюрками территории и государства. Их завоевания простираются до Тихого и Атлантического океана.

Важнейшим достижением тюркского народа было создание впервые в истории человечества письма, в том числе и алфавитного, основанного на звуковом принципе. Алфавитная письменность дала возможность фиксировать речь по звуковому способу с помощью минимального числа легко и быстро запоминающихся знаков-букв. Находка тюркской письменности была в науке ошеломляющей сенсацией. Эрнст Добльхофер искренне писал: «Они (тюркские письмена - С.Б.) происходят из области, являвшейся для всех западных культур “потусторонним миром”, из самого сердца Азии, и принадлежат народу, о котором мы долгое время совершенно ничего не знали, да и теперь еще знаем чрезвычайно мало, - вот почему они и представляют интерес» [13]. Другое его высказывание: «Мы и сейчас не можем равнодушно относиться к языку древнетюркских памятников... Выросший в постоянном общении с древними культурными народами этот народ в VI веке стоит на поразительно высокой ступени развития» [14].

Еще один аспект, на которое, на наш взгляд, недостаточно уделяют внимание исследователи тюркской истории. Это то, как и за счет чего тюрки помимо силы власти и управления могли удерживать столь длительное время под своим господством покоренные народы? В чем причины феномена «долговечности» существования огромных тюркских государств, «секреты» их управления огромными империями и многочисленными народами? На мой взгляд, это связано, также и с мировоззренческими основаниями тюрков, точнее, их философией. Как сказано уже в сказании огузов, для тюрков «небо – наш шатер, а солнце – наше знамя». Отсюда они своей родиной считали регионы своего проживания и не рассматривали рядом проживающие общности отдельно от своего этноса. Отсюда проистекает их толерантностью. Тюрки всегда стремились к тому, чтобы заставить самые разные народы жить вместе, в гармонии, оставляя им, правда, под своей централизованной до предела и деспотической властью их идентичность, язык, культуру, религию, а часто и правителей. Их толерантность изначально проистекает из специфики тюркского понятия государства, тюркского управления народами. Взойдя на вершины

власти, благодаря праву завоевателя, они не гнушались обращаться за помощью к вассалам, когда те были более цивилизованными, чем они сами, и часто доверяли им важные дела; они также не стеснялись заимствовать у них то, что могло быть полезным: иногда технику, иногда образ жизни, иногда религию или язык. Это объясняет, почему так часто они заканчивали тем, что ассимилировали в покоренных массах [15].

Здесь нужно заметить, что тюркское государство, каким бы большим оно ни было, у ней всегда была цель. Этой целью, уже начиная с орхонских надписей, была провозглашена: безопасность, порядок и справедливость. Иначе говоря, тюрки, стремясь овладеть миром, одной из своих важных целей считали привнесение в него мира, порядка и справедливости. Они обеспечивали это путем налаживания порядка, четкой административной и таможенной системы, безопасной торговли по всей империи и с соседними государствами.

Следует отметить, что на завоеванных землях чаще всего наблюдался невиданный расцвет, к примеру, Китай под властью Табгача, Иран под сельджуками, Египет под мамлюками, Индия под владычеством Великих Моголов; что касается Османской империи – то это была одна из крупнейших тюркских держав мира, которая сначала являлась для ислама мечом, затем – щитом.

Нужно отметить, что тюрки привнесли с собой высокую для своего времени не только духовную культуру, но и материальную. Согласно мнению известного тюрколога Р. Рахманалиева, именно при владычестве тюркской династии Вэй в Китае сформировалась одна из лучших скульптурных школ в пещерах Юньгана и Лунмэня; тюрками были созданы самые прекрасные и экспрессивные монументы Азии – большая мечеть Пятницы в Исфахане, мавзолей Ахмету Ясави в Туркестане, Тадж-Махал в Агре, Регистан в Самарканде и мечеть Сулеймана в Стамбуле... [16].

Как видно уже из вышесказанного, достижения тюрков во всех областях культуры и цивилизации весьма внушительны и вряд ли все можно перечислить в одной статье. Мы и не ставим такую задачу. Для нас важно обратить внимание тюркских народов на настоятельную необходимость создания конкретной, вполне осуществимой программы возрождения духовного наследия тюркских народов. Эта программа должна иметь четкий идеологический ориентир позволяющая трезво осмыслить состояние тюркского мира. С точки зрения этой идеологии, на наш взгляд, нужно, в первую очередь возродить тюркское самосознание, тюркскую духовность, ее высокий духовно-нравственный потенциал, то есть создание целостной программы духовного возвышения, а не унижения человека, формируемого современной потребительской цивилизацией запада

Сегодня настало время для возрождения, не востребованных в силу многих причин, тюркской культуры, и настало время понимания того, что общечеловеческая цивилизация представляет собой не только достижение Запада, но и остальной части мира, в том числе и Евразии.

Список литературы

- 1 Савицкий П.Н. Степь и оседлость. // На путях: Утверждение евразийцев. – Москва - Берлин, 1922.
- 2 Гумилев Л. Древние тюрки. - М.: ООО «Издательство АСТ», 2004.
- 3 Гумилев Л. Н. География этноса в исторический период. - Л., 1990. - С. 115.
- 4 Кисилев С. Ю. Древняя история Южной Сибири. - М., 1951, Окладников А.П. История Якутской АССР. Якутия до присоединения к русскому государству. - М.-Л., 1955.
- 5 Аджи М. Азиатская Европа. – М.: АСТ МОСКВА, 2008. – С.190-191.
- 6 Гумилев Л. Н. Тысячелетия вокруг Каспия. - М., 1993. - С.86.
- 7 Вернадский В. И. Труды по всеобщей истории науки. 2-е изд., - М., 1968. – С. 91-92.
- 8 Касымжанов А. Х. Самоопределение и духовное наследие // Саясат. - 1999. - № 3. - С. 88.
- 9 Монтескье Ш. Персидские письма // Пер. с франц. под ред. Гунста Е.А. – Москва: Издательство "ИОЛЛОС", 1993.
- 10 Козыбаев М. К. Казахстан на рубеже веков. – Алматы, 2007. - С. 49-50.
- 11 Максуди, Садри. Тюркская история и право. – Казань: Фэн, 2002. – С.10.
- 12 Гумилев Л. Н. Древние тюрки. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – С. 7.
- 13 Рахманалиев Р. Империя тюрков. Великая цивилизация. – М.: РИПОЛ классик, 2009. – 576 с.
- 14 Добльхофер Э. Знаки и чудеса. - М., 1963. - С. 332-333, 352.
- 15 Барманкулов М. Тюркская вселенная. – Алматы: Білім, 1996. – С.182-187.
- 16 Рахманалиев Р. Империя тюрков. Великая цивилизация. – М.: РИПОЛ классик, 2009. – 576 с.

С.Б. Бөлекбаев

ф.ғ.д., Абылай хан ат. ҚазХҚЖӘТУ

Р.У. Бөлекбаева

Сулейман Демирел Университеті, Алматы, Қазақстан

Түріктердің дүниежүзі мәдениеті және өркениетіне қосқан үлесі жайында

Бұл мақалада, авторлар, үздік ғалымдар-түркологтардың зерттеген жұмыстарына негізденіп, түркінің алып үлесін дүниежүзілік мәдениетке әйгілейді, тек алып ықпалды емес, одан басқа сырт өркениеттердің дамуына, бірінші кезекте еуро өркениетіне старттық шарттарды тапсырды.

S.B. Bulekbayev

Ablai khan KAUIR&WL, Almaty, Kazakhstan

R.U. Bulekbayeva

Suleyman Demirel University, Almaty, Kazakhstan

About the Turkic Component in World Culture and the Civilization

In this article, the authors, based on the research of outstanding scientists in Turkic studies, open a huge contribution of Turkic peoples into the world culture and civilization which had not only a huge impact, but also set starting conditions for development of other civilizations, first of all the European.

УДК 3.32:327(8)

А.А. Калиева

к.соц.наук, КазУМОиМЯ имени Абылай хана,

Алматы, Казахстан

РОССИЯ И КАЗАХСТАН В ИЕРАРХИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТОВ КНР

В статье рассматриваются актуальные проблемы между РФ и КНР, а так же между РК и КНР. Показана эволюция внешнеполитических приоритетов и роль РФ и РК во внешнеполитической иерархии КНР. Автор отмечает актуальность вопросов торгово-экономических и политических взаимоотношений между соседними государствами. Уделяется внимание и проблемам региональной безопасности.

Ключевые слова: Китай, Евразия, китайская политика безопасности, внешнеполитическая концепция, нефтяная политика, геоэкономика, геостратегия

Казахстанский Институт Стратегических Исследований при Президенте РК делит внешнеполитическую активность Китая на три группы проблем:

- Глобальные – оценка Китаем глобализации и своего места и роли в ней; китайско-американские отношения и отношения между КНР и Западом в целом; ВТО и международная торговля; геоэкономические проблемы; стратегия КНР в АТР; китайская политика безопасности;

- Политика КНР в Азии – китайско-индийские, китайско-пакистанские отношения; ЮВА и Южная Азия во внешнеполитической стратегии КНР; Северо-Восточная Азия и интересы Китая; Средний и Ближний Восток;

- Китай и Евразия – китайско-российские отношения; стратегия Китая в Центральной Азии; энергетические и коммуникационные проекты КНР во внутренней Евразии [1, с. 9].

При этом следует отметить, что в китайской внешней политике отсутствует единое направление «СНГ», таким образом, все 12 стран выступают самостоятельными единицами международного права для китайского руководства. На первый план, как среди СНГ, так и в масштабе общей внешнеполитической концепции, несомненно, выходит Россия, занимая среди приоритетов признанное второе место после США. Это подтверждается неоднократными упоминаниями китайских политиков в своих выступлениях.

Интересная ситуация до недавнего времени обстояла в политике Пекина в Центральной Азии – она здесь отличалась чрезвычайной осторожностью и сдержанностью, даже некоторой дистанцированностью.

Это в первую очередь объяснялось тем, что, отдавая больший приоритет сложившихся дружественных отношений с Россией, Китай признавал ее естественную сферу влияния в этом регионе. Традиционно международные аналитические круги воспринимали центральноазиатскую политику Китая как отражение его стремления обеспечить себе «стратегический тыл». Соответственно место региона во внешнеполитической иерархии Пекина было невысоким. Великие державы сохраняли за собой приоритет во внешних контактах Пекина, а приграничные государства, согласно официальной концепции, оставались на третьем месте, после развивающихся стран [2, с. 101].

Однако, по мере осознания реальной мощи РФ, а также ее политического и экономического присутствия в ЦА, китайское правительство все увереннее действовало в этом регионе. После развернувшейся здесь после 11 сентября 2001г. глобальной антитеррористической кампании и последовавшим размещением войск США у китайских границ ситуация кардинально изменилась. Более того, активизации Пекина в ЦА не меньшей мере способствовали т.н. оранжевые революции, по сути, государственный переворот в Кыргызстане (2005, 2009) и трагические события в Андижане (Узбекистан) (2005), что поставило под угрозу безопасность и стабильность на северо-западных окраинах Поднебесной. По мнению казахстанских исследователей, «разворот» к ЦА сам по себе можно считать сенсацией в китайской внешней политике, так же, как и участие Китая в ШОС.

Новые принципы внешнеполитической стратегии Пекина официальное оформление получили во второй половине 2002 года на XVI съезде КПК.

Из множества сформулированных там направлений непосредственно стран ЦАР касаются:

- 1) начало нового этапа взаимодействия и сотрудничества между Китаем и странами так называемого «третьего мира», что в трактовке официальных лиц КНР подразумевает продолжение политики построения развитого общества в Китае путем активного поддержания многообразия мира и всяческого способствования развитию более тесного сотрудничества с развивающимися странами;

2) установление этапа сравнительно хороших отношений КНР с приграничными государствами; хотя, на взгляд китайского руководства, современные отношения с различными странами, с которыми у КНР имеется общая граница, отличаются многообразием, все они строятся на основе конструктивного взаимодействия и приносят важные результаты для экономики и безопасности Китая;

3) начало этапа оживления внешнеполитического диалога в многостороннем формате, что, по мнению китайских лидеров, во многом определяет совместные международные отношения (в докладе съезду был особо сделан акцент на процесс эволюции ШОС, который, как было сказано, отражает новую роль многостороннего сотрудничества для дела укрепления безопасности);

4) важная роль Китая в международной антитеррористической борьбе [2, с. 102]. Сегодня мы можем говорить о все возрастающей роли РФ и стран ЦА/ Казахстана/ в иерархии внешнеполитических приоритетов Пекина.

Российская Федерация во внешней политике КНР

Китай в своей российской политике преследует следующие цели: добиться реализации трубопроводного проекта из Восточной Сибири к своему тихоокеанскому побережью, обеспечить себе доступ к Японскому морю через территорию РФ, интенсифицировать трансграничную торговлю на выгодных для себя условиях (бартер, неконтролируемый бестамозженный импорт ресурсов), обеспечить расширение китайской торговли и китайского экономического присутствия во внутренних районах России, добиться политического решения вопроса об экспорте китайских трудовых ресурсов в РФ, добиться новых территориальных уступок от России, начать демографическую экспансию, усилить свое влияние в ШОС, постепенно вытеснять Москву от решения проблем в Центральной Азии, использовать российский фактор в своих отношениях с США [3].

Как утверждают российские исследователи, в отношениях России и КНР полностью и окончательно снят вопрос о взаимной угрозе. Это закреплено на договорно-правовом уровне. Ряд подписанных в дальнейшем документов подтверждает отсутствие угрозы со стороны государств по отношению друг к другу.

Отвечая на вопросы корреспондента газеты «ЖеньминьЖибао», экс-министр иностранных дел РФ Иванов И.С. сказал: «Для многовекторной внешней политики России отношения с Китаем представляют собой самостоятельную величину, не подверженную каким-либо конъюнктурным изменениям. Это – наш безусловный приоритет» [4, с. 444].

Согласно Декларации от 21 декабря 2003 г. «Российская сторона подтверждает, что правительство КНР является единственным законным правительством, представляющим весь Китай. Россия неизменно признает, что Тибет – неотъемлемая составная часть Китая. Китайская сторона поддерживает усилия Российской стороны по борьбе с чеченскими террористами и сепаратистами».

В сфере экономического сотрудничества между этими государствами установлены перспективные положительные отношения.

В то же время обороты взаимной торговли в начале 2013 г. вышли на новые рубежи, в экономическом сотрудничестве рынок еще не произошел. Китайские инвестиции в российскую экономику не превышают 300 млн. долл., уступая особенно сильно японским, если учитывать портфельные и ассоциированные формы японских вложений.

Например, в 2003 году объем товарооборота между Россией и Китаем достиг 15,7 млрд. долл. США, при этом положительное сальдо России составило 3,7 млрд. долл.

В основном нефть доставляется в Китай железнодорожным транспортом. Перевозки нефти по Транссибирской магистрали из России в Китай в 2005 году выросли более чем на треть и превысили 7,6 млн. тонн. На 68%, достигнув 5,2 млн. тонн, транспорт углеводородного сырья увеличился через пограничный переход Забайкальск-Маньчжурия. Россия оказывает Китаю содействие в области ядерной энергетики – сооружении атомных электростанций в провинции Цзянсу и разработке урановых рудников, а также в сфере электроэнергетики (выполняются контракты на поставку 16 энергоблоков для семи ТЭС). Наиболее перспективным представляется сотрудничество в разработке нефтегазовых месторождений Сибири и Дальнего Востока и прокладке трубопроводов для снабжения энергетическим сырьем северо-восточных провинций КНР. Рамочное соглашение о намерениях поставки природного газа с Ковыктинского месторождения близ Иркутска через Монголию в Китай было подписано высшими должностными лицами двух стран еще в 1997 г. Однако цена проекта (около 10 млрд. долл.) усложняет привлечение финансовых инвестиций. Наиболее реальными участниками консорциума по реализации амбициозных энергетических проектов были бы Япония и Республика Корея, однако обе эти страны заинтересованы в комплексном решении проблемы доставки российского энергетического сырья не только в Китай, но и к ним. Несмотря на эти сложности, взаимодействие в области энергетики продвигается вперед. Планируется строительство нефтепровода «Россия-Китай». «Газпром» совместно с компанией «Ройял Датч Шелл» выиграл тендер на прокладку трубопровода из Западных районов Китая в Шанхай. Так министр иностранных дел России Сергей Лавров сообщил, что в ближайшее время будет начата реализация проекта по строительству ответвления газопровода на Китай.

По мнению президента РФ В.В. Путина Россия построит нефтепровод из Восточной Сибири на тихоокеанское побережье, если проект будет реализован, то он позволит существенно увеличить объемы нефти, поставляемой из России в Китай. Военно-техническое сотрудничество между Россией и Китаем весомее их обоюдной торговли не только в стратегическом, но и в экономическом отношении [5, с.249]. КНР стала ведущим покупателем российского вооружения. В тяжелый для экономики РФ переходный период

(с 1992 по 1997 гг.) Пекин приобрел оружия на сумму приблизительно в 6 млрд. долл. (в среднем около 1 млрд. в год). В российские поставки входят различные типы боевых самолетов, в частности СУ-27, которых до 1996 г. Китаю было продано 46 единиц. Затем Китай приобрел лицензию на участие в строительстве, а позже и на производство, 200 самолетов этого типа. Для этой цели в Шэньяне после 1996 г. были построены производственные корпуса. В 1999 г. после четырехлетних переговоров, Россия изъявила готовность поставить Китаю 60 новых истребителей СУ-30 на сумму 2 млрд. долл. Эта закупка была расценена как значительное увеличение боевой мощи Китая, имеющее немаловажное значение в случае военной конфронтации с Тайванем [5, с. 250].

С 1999 г. начинается новая волна закупок военно-воздушной техники. Весьма важным элементом российско-китайского военно-технического сотрудничества стала также передача отдельных подсистем и агрегатов для использования в национальных китайских проектах. Речь идет в первую очередь о бортовых радарх и современных авиационных двигателях. Отдельно следует упомянуть поставки российской техники для китайских ПВО.

Почти во всех областях сотрудничества действуют межправительственные, межведомственные и межрегиональные комиссии [6, с. 867].

В период с 18 по 25 августа 2005 г. на территории России и Китая состоялись первые в истории отношений двух стран совместные антитеррористические учения «Мирная миссия-2005», в которых приняли участие около 10 тыс. военнослужащих и военно-воздушных сил, военно-морских сил, военно-десантных войск и сухопутных войск, в том числе с российской стороны – 1800 человек.

Существенным позитивным потенциалом обладает сотрудничество РФ и Китая в политико-дипломатической сфере, в первую очередь, в решении таких глобальных международных проблем, как разоружение, ограничение стратегических наступательных вооружений, сохранение режима нераспространения ядерного оружия и технологий создания средств его к цели, реформирование ООН, общая позиция по проблеме Сирии и др.

По словам российского исследователя Шлындова А., Россия и Китай в целом одинаково трактуют понятие «терроризм». Они включают в него не только собственно террористические действия, но и экстремистскую и сепаратистскую активность, которые США и другие страны Запада отождествляют с национально-освободительным движением, борьбой, так называемых поработенных наций за свободу и независимость [7, с. 22].

Россия и Китай «выступают против увязывания терроризма с конкретными государствами, нациями и религиями, а также против двойных стандартов в вопросах борьбы с терроризмом» [8, с. 9].

В политической области в настоящее время обе страны являются членами Совета безопасности ООН, принимают участие в шестисторонних переговорах по ядерной проблеме Северной Кореи и являются членами Шанхайской организации сотрудничества [9]. После разрушения США

Договора по ПРО новым рубежом сотрудничества по налаживанию совместных действий России и Китая на международно-правовом поле с целью недопущения получения Вашингтоном решающих преимуществ в стратегических ядерных средствах стало противодействие милитаризации космоса. Российские и китайские представители тесно сотрудничают в Генеральной Ассамблее ООН и на Постоянной конференции по разоружению в Женеве по всему комплексу вопросов, затрагивающих проблему недопущения милитаризации космоса [7, с. 29]. Касаясь проблематики иранской ядерной программы, ставшей наиболее актуальной сегодня, также следует подчеркнуть идентичность позиций двух стран.

Как России, так и Китаю приходится поддерживать с Ираном близкие отношения, за которыми стоят главным образом интересы в сфере энергоресурсов и коммерции. Такие отношения сохраняются несмотря на растущее беспокойство международной общественности по поводу поведения Тегерана и настойчивые призывы к принятию мер со стороны США и стран ЕС. Как считает автор, даже если удастся убедить Китай дать согласие на передачу иранского досье в ООН, он вряд ли поддержит, какие бы то ни было санкции, мешающие его торговым отношениям с Ираном - которые большей частью заключаются в импорте нефти. Актуальной проблемой в двухсторонних отношениях является вопрос депопуляция некоторых районов Дальнего Востока. Как считают китайские политики, российское руководство должно все более отчетливо осознавать, что депопуляция некоторых районов Дальнего Востока диктует необходимость воспроизводства рабочей силы, в частности, за счет использования китайских трудовых ресурсов [1, с. 48].

Между тем, никакой демографической экспансии в России не существует. Данное утверждение подкрепляется и официальными сведениями, и результатами полевых исследований, и экспертными оценками. Общее число китайцев в России специалисты и Москвы, и Дальнего Востока оценивают в пределах 200-500 тыс. человек. Средний ежегодный миграционный прирост численности китайцев за 1998-2002 гг., в соответствии с данными Госкомстата, равнялся 12,6 тыс. чел. [10, с.34]. На Дальнем Востоке проживает, по оценке директора Института археологии и этнографии народов Дальнего Востока РАН В.Л. Ларина, 25-30 тыс. китайцев [11]. В Приморском крае, где доля китайцев в общей численности населения особенно велика, в любой отдельно взятый день она, согласно подсчетам, составляет 0,3-1,1% населения края [12, с. 99].

Нет никаких оснований говорить и о наличии демографической экспансии в виде нелегальной иммиграции. Еще в середине 1990-х гг. правительством был принят целый ряд мер, позволивших взять под контроль прежде неуправляемый поток мигрантов из Китая. Были введены в практику массовые проверки на предмет соблюдения паспортно-визового режима, административные наказания и депортация нарушителей. В результате доля лиц, своевременно возвращающихся в Китай, приблизилась к 100% [13, с. 2].

Казахстан во внешней политике Китая

Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев на днях дал интервью китайским СМИ - информационному агентству Синьхуа, газете «Жэньминь жибао» и международному радио Китая об отношениях с Китаем. В своем интервью глава государства определил несколько ключевых факторов, которые делают наши отношения особенными.

Во-первых, это многообразие и эффективность форматов взаимодействия. Оно включает не только прямое двустороннее сотрудничество. Мы тесно работаем в рамках международных и региональных организаций, в том числе ШОС и СВМДА. Все возникающие вопросы решаются в рамках переговоров. Налажена практика проведения регулярных консультаций в области безопасности, по ключевым региональным и международным проблемам.

Наконец, важную роль играют регулярные контакты на высшем уровне - свидетельством чему и является нынешний визит председателя КНР.

Во-вторых, наши отношения уже «взошли» на ту ступень, когда мы согласовали стратегические принципы сотрудничества и можем работать предметно, по конкретным проектам.

В-третьих, необходимо отметить многогранность нашего взаимодействия. Казахстан и Китай усиливают партнерство сразу в нескольких измерениях - политическом, экономическом, социальном, культурном. В одной только экономической сфере совместные проекты охватывают широкий спектр отраслей. Все это делает наши отношения гармоничными и, следовательно, более устойчивыми. Наконец, в последние годы стал отчетливо проявляться еще один важный аспект - выход казахстанско-китайского сотрудничества за рамки не только двух стран, но и региона Центральной Азии. Особенно это касается транспортной сферы, что вызвано объективными факторами. Китай, будучи крупнейшей производственной площадкой мира, ведущим финансовым и экономическим центром планеты, наращивает торговые потоки, интенсивность которых в перспективе будет только усиливаться.

Казахстан, в свою очередь, благодаря уникальному геополитическому положению, обладает мощным потенциалом для организации транспортных путей, соединяя Азию с Европой. Проекты по созданию международных транспортных коридоров позволят превратить это естественное преимущество в реальность и интегрировать Казахстан в глобальную систему грузовых перевозок. При наземной транспортировке между Европой и Китаем через Казахстан расстояние уменьшается в 3,5 раза, по сравнению с морским путем. Убежден, что будущее казахстанско-китайских отношений связано именно с реализацией масштабных инфраструктурных и энергетических проектов, оказывающих влияние на весь регион. В целом взаимодополняемость наших экономик, схожее видение по ключевым международным вопросам дают все основания полагать, что отношения будут развиваться очень динамично - отметил Н.А. Назарбаев. По мнению казахстанских экспертов за период с 1992 года казахстанско-китайские отношения прошли определенную эволюцию.

Например, за период 1992-2013 гг. Президент РК Н.Назарбаев совершил около 15 визитов в Китай [14, с. 90]. Во время этих визитов были подписаны ряд совместных документов по ключевым вопросам: Так, 25.04.1994 году и Дополнительным соглашением между РК и КНР о казахстанско-китайской государственной границе от 24.09.1997 года был решен вопрос о ее делимитации 53% оспаривавшихся территорий отошли к Казахстану [15, с.127]. 23 ноября 1999 г. в Пекине Председатель КНР Цзян Цзэминь и Президент РК Н. Назарбаев подписали Совместное коммюнике о полном урегулировании пограничных вопросов между РК и КНР [16, с.233]. 14 мая 2002 г. в Пекине был подписан Протокол о демаркации линии казахстанско-китайской государственной границы, ставящий точку в долгосрочном процессе урегулирования пограничного вопроса [17, с.1]. Согласно этим документам общая протяженность демаркированной казахстанско-китайской границы составляет 1782 км, из них 1215 км приходится на сухопутную границу и 566 км – на водную. Линия границы обозначена 559-ю пограничными знаками [1, с. 63].

Совместная декларация об установлении и развитии стратегического партнерства от 4 июля 2005 г., Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве от 23 декабря 2002г., Программа сотрудничества на 2003-2008 годы от 3 июня 2003 года и Комитет по сотрудничеству, созданный 2 июля 2004 года, являются базисной основой двусторонних отношений, направленных на долгосрочное стабильное развитие стратегического партнерства между РК и КНР. Сегодня реализуются такие крупные инфраструктурные проекты, как строительство и эксплуатация нефте- и газопроводов, автодорога «Западный Китай-Западная Европа», «Международный центр приграничного сотрудничества Хоргос», новый железнодорожный переход Алтынколь-Хоргос, транспортно-логистический комплекс СЭЗ «Хоргос-Восточные ворота». Их реализация значительно расширит транзит товаров из Китая через казахстанскую территорию в страны Европы, Центральной Азии, Кавказа, Ближнего Востока, Персидского залива и в обратном направлении.

По мнению казахстанского исследователя А. Каукунова начальный этап экономических отношений Казахстана и Китая характеризовался довольно высокими темпами роста. Если в 1986 году объем торговли между Казахстаном и Синьцзяном составлял всего \$3 млн., то в 1987 – \$11,8 млн., а в 1989 – уже \$45,6 млн. К 1991 году, то есть непосредственно перед получением Казахстаном независимости, его экономические отношения с Китаем были сравнительно слабо развиты. КНР стала одним из главных торговых партнеров Казахстана после развала Советского Союза, так 52% всего его экспорта в страны так называемого «дальнего зарубежья» приходилось на Китай.

В середине 1989 году между СУАР и Казахстаном было подписано соглашение об экономическом, техническом и торговом сотрудничестве на период 1989-1995 годы. Общая стоимость всех предусмотренных соглашением сделок составляла свыше \$1,5 млрд., а товарооборот между этими соседними регионами двух стран предполагалось довести к 1995 году до \$220-260 млн. В июле 1991 года в ходе визита Н. Назарбаева в СУАР КНР подписывается

«Соглашение о принципах и основных направлениях развития сотрудничества между Казахской ССР и Синьцзяном». Кроме того, 31 июля 1991 года в Кульдже между Казахстаном и СУАР подписывается соглашение, предусматривающее так называемый «шоп-туризм», расчеты по которому осуществляются только в свободно конвертируемой валюте. В связи с распадом Советского Союза и перехода Казахской ССР в статус независимой республики, полностью обязательства по данным соглашениям не были выполнены в запланированном объеме, однако интерес к развитию торгово-экономического сотрудничества с обеих сторон был очевиден. Таким образом, основные принципы и механизмы складывания экономических отношений между Казахстаном и Китаем были заложены еще в 80-е годы XX века. Именно в тот период стало очевидно, что основным торговым партнером Казахстана в КНР станет Синьцзян-Уйгурский автономный район. Кроме того, стала очевидной обоюдная заинтересованность в развитии торгово-экономического и научно-технического взаимодействия [18].

Уже в 2004 году товарооборот между Синьцзяном и Казахстаном достиг 3,3 млрд. дол. США, составив 58,3 процента общего внешнего товарооборота в автономном районе, или 73 процентов торговли Китая с Казахстаном. Синьцзян экспортирует в Казахстан главным образом продовольствие, томатный соус, сахар, хлопок, текстиль, одежду и т. п., а импортирует из Казахстана стальной прокат, химические удобрения, металлоконструкции и др.

По данным Агентства по статистике РК, на 1 ноября 2005 года в республике зарегистрировано 4000 малых совместных предприятий с участием китайского капитала, из них 2866 – действующие. Предприятия работают в различных отраслях экономики, в основном это: торговля, ремонт автомобилей и изделий домашнего пользования, транспорт и связь, обрабатывающая промышленность, производство и распределение электроэнергии, газа и воды, гостиницы и рестораны, финансовая деятельность, операции с недвижимым имуществом, аренда и услуги, сельское хозяйство и строительство. Если товарооборот между РК и КНР за 2005 г. составил 3,7 млрд. долл. США, объем экспорта из РК в КНР – 2,4 млрд. долл., импорта – 1,3 млрд. долл. США. Удельный вес КНР в общем объеме товарооборота РК составляет 8,1%, в общем объеме экспорта – 8,7%, в общем объеме импорта – 7,2% [19, с.59]. В разрезе по товарным позициям грузов, перевозимых через переход «Дружба-Алашанькоу» - главные торговые ворота из Казахстана в Китай, она такова: цветные металлы – 9%, черные металлы – 26%, нефть – 15%, окатыши – 9%, химикаты – 1%, лес – 2%, ТНП – 5%, металлолом – 27%, удобрения – 4% [20]. Стратегическую цель к 2015 году увеличить объем взаимной торговли до 40 млрд. долларов США. Казахстан, как известно, обладает достаточно сильным военно-промышленным комплексом, оставшимся в этой республике после распада СССР, что позволяет ему уверенно чувствовать себя в этой непростой сфере взаимоотношений. Так, в течение 1998-1999 гг. была подписана серия соглашений о поставках китайским ВМС пробной партии торпед производства Казахстана, достигнутых в ходе контактов между высокопоставленными представителями вооруженных сил

двух соседних азиатских стран [21]. В целом, между Казахстаном и Китаем заключены соглашения на сумму более 9,5 млн. долл. Они предусматривали совместную разработку и освоение Актюбинского нефтегазового месторождения и месторождения Узень. В 1997 г. КННК в конкурентной борьбе с рядом западных нефтяных компаний стала победителем тендера и получила 60% акций казахстанской компании «Актобемунайгаз». Официальная причина правительственного решения в пользу китайской компании – очень привлекательный для Казахстана пакет обязательств, который включал строительство трубопровода в Китай и участка трубопровода до границы с Туркменистаном и далее в Иран, а также обеспечение первоначальных инвестиций в проект реабилитации Узеньского месторождения [22, с. 119].

На настоящий момент завершено строительство магистрального нефтепровода протяженностью 962,2 километра, который соединяет Атасу (Казахстан) с пограничным пунктом Алашанькоу (Alashankou) на границе КНР и Казахстана. 25.05.2006 первая нефть из Казахстана по новому трубопроводу поступила в Китай. На первом этапе ежегодно по нему будет поставляться в Китай 10 миллионов тонн. Строительство нефтепровода было начато в сентябре 2004 года и завершилось в ноябре 2005 года. В реализацию этого проекта Китай и Казахстан вложили в общей сложности \$700 миллионов. По своей территории Китай проложил нефтепровод Алашанькоу-Душаньцзы длиной 252 километра. В Душаньцзы находится нефтеперерабатывающий завод.

Казахстанско-китайское сотрудничество в нефтегазовой сфере нельзя назвать удачным. Так, в течение нескольких лет КННК не могла приступить к реализации проекта реабилитации Узеньского месторождения. В результате к восстановлению Узеня приступила компания «Казахойл». Нефть из Казахстана продолжает транспортироваться железнодорожными цистернами. В 2001 г. имел место конфликт, связанный с отказом Орского нефтеперерабатывающего завода (Россия) принимать на нефтепереработку актюбинскую нефть, поскольку неоднократные предупреждения Тюменской нефтяной компании, являющейся совладельцем Орского НПЗ, о необходимости переоформления лицензии и разрешения на поставку были проигнорированы менеджерами КННК. В результате остановилась добыча почти на сотне нефтяных скважинах, бюджет Актюбинской области понес убытки в размере 4 млн. долл. [22, с. 119]. В настоящее время РК и КНР занимаются разработкой обоснования инвестиций (ОИ) по проекту строительства казахстанско-китайского газопровода. Проектная пропускная способность казахстанско-китайского газопровода, трасса которого пройдет по маршруту Атырау (Мака́т) - Актобе (Жана́жол) - Атасу - Алашанькоу, составит 30 млрд. кубометров в год. При этом первую очередь газопровода первоначальной мощностью не менее 10 млрд кубометров в год планируется построить и ввести в эксплуатацию в 2009 году. Строительство и ввод в строй второй очереди запланированы на 2012 год, в результате чего ежегодная пропускная способность газопровода вырастет до 30 млрд. кубометров. Оптимальные объемы поставок газа будут определены в ходе разработки ОИ. Казахстан намерен поставлять свой газ на китайский рынок

посредством данного газопровода не менее 30 лет. После завершения ОИ в случае технической осуществимости, экономической эффективности проекта, одобрения отчета по ОИ соответствующими государственными органами двух стран "КазМунайГаз" и CNPC подготовят и заключат соглашение об основных принципах строительства газопровода Казахстан – Китай.

15 октября 2005 г. «КННК Интернешнл» и НК «КазМунайГаз» подписали меморандум о взаимопонимании, по которому последний приобретет часть акций "Петроказахстана" для стратегического контроля над освоением ресурсов полезных ископаемых в Казахстане и получения прав на совместное управление Шымкентским нефтеперерабатывающим заводом и его продукцию в равных долях.

По оценкам лидеров двух стран, почти полное взаимопонимание достигнуто в вопросах обеспечения региональной безопасности. Через структуры Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) Китай играет одну из ведущих ролей в решении этих вопросов. Между Казахстаном и Китаем действует Соглашение о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, подписанное 23 декабря 2002 года в Пекине. Активно контактируют правоохранительные органы и спецслужбы. Создан казахстанско-китайский Подкомитет по сотрудничеству в области безопасности. Проведены совместные антитеррористические учения стран - участниц ШОС. В рамках этого объединения создана Региональная антитеррористическая структура в Ташкенте. Наконец, нельзя не отметить и то обстоятельство, что 23 декабря 2002 года между Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой был подписан Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Такого рода документ КНР имеет только с Российской Федерацией [1, с. 6].

Председатель КНР Си Цзиньпин отметил, что Китай и Казахстан - добрые соседи и всесторонние стратегические партнеры. За 21 год со дня установления дипломатических отношений двусторонние связи развиваются быстрыми темпами. «В обеих странах рассматривают развитие взаимоотношений друг с другом своим внешнеполитическим приоритетом. Можно сказать, что китайско-казахстанские отношения сегодня находятся на небывалом высоком уровне, и в развитии всестороннего стратегического партнерства двух стран открываются беспрецедентные шансы», - сказал глава Китая. Накануне своего визита в Казахстан Председатель КНР отметил, что для дальнейшего плодотворного сотрудничества две страны определили стратегическую цель - увеличить объем взаимной торговли до 40 млрд. долл. США к 2015 году.

Одной из актуальных вопросов в двухсторонних отношениях является проблема репатриантов. В настоящее время, по различным источникам, в Китае казахская диаспора насчитывает около 1 млн. 980 тыс. человек и является самой многочисленной колонией наших соотечественников за рубежом. Казахи в основной массе проживают в Или-Казахской автономной области (Алтайском, Илийском, Тарбагатайском округах), в Мори-Казахском уездах СУАР КНР, Аксай-Казахском автономном уезде провинции Ганьсу, а также в небольшом количестве в Пекине.

К сожалению, за последние годы в Китае сокращается сфера применения казахского языка в местных органах власти, закрываются национальные школы. Наши соотечественников также беспокоит политика Пекина по ограничению рождаемости детей, что приведет к замораживанию численности казахского населения.

Между консульскими департаментами внешнеполитических ведомств двух стран проведено восемь консультаций, которые дали практические результаты, в том числе в плане достижения согласия китайской стороны на определенные упрощения процедур по оформлению выездных документов для граждан КНР казахской национальности, защиты прав оралманов. В ходе консультации обсужден круг вопросов, касающихся проблем диаспоры, перспектив сотрудничества в данной сфере двусторонних отношений. Необходимо отметить, что вопрос переселения казахских семей на историческую родину представляется довольно сложным и требует длительной и планомерной работы со стороны МИД РК [23].

Список литературы

- 1 Политика КНР на современном этапе: реалии и перспективы. Научное издание. – Алматы: КИСИ при Президенте Республики Казахстан, 2005. – С. 9.
- 2 Галямова В. Центральнoазиатский вектор политики КНР и перспективное воздействие Китая на безопасность региона. Казахстан и Китай: стратегическое партнерство. – Алматы: ИМЭП, 2006. – С. 101-102.
- 3 Merry E.W. Russia and China in Asia: Changing Great Power Roles. – Washington, D.C.: American Foreign Policy Council, 2002. – 61 p.
- 4 Иванов И.С. Россия в современном мире. Ответы на вызовы 21 века: Статьи и выступления. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. – 640 с.
- 5 Глаубиц И. Россия в Восточной Азии: стремление обрести влияние и право голоса. Внешняя политика от Ельцина до Путина / Пер. с нем. – К.: Оптима, 2002. – 304 с.
- 6 Современные международные отношения и мировая политика: Учебник / А.В. Торкунов, И.Г.Тюрин, А.Ю. Мельвиль и др. Отв.ред. А.В. Торкунов. – М.: Просвещение: МГИМО, 2004. – 991 с.
- 7 Шлындов А. О некоторых аспектах российско-китайского взаимодействия на международной арене // Проблемы Дальнего Востока. – 2006. - № 1. – С. 22.
- 8 Совместное российско-китайское коммюнике по итогам состоявшегося с 30.06 по 03.07.2005 г. визита в Россию Председателя КНР Ху Цзиньтао // Проблемы Дальнего Востока. - 2005. - № 4. – С. 9.
- 9 Михеев В. Внешняя политика Китая и современные вызовы для российско-китайских отношений // Проблемы Дальнего Востока. – 2003. - №6. – С. 16-30; Гребенщиков Э. Россия – Китай. На перекрестках азиатской дипломатии // Азия и Африка сегодня. – 2004. - №9. – С. 9-12.
- 10 Гльбрас В.Г. Россия – в условиях глобальной китайской миграции. - М., 2004. – С. 34.

11 Ларин В.Л. Китайская миграция на Дальнем Востоке // Мост через Амур. Внешние миграции и мигранты в Сибири и на Дальнем Востоке. - М.-Иркутск, 2004. – С. 1096.

12 Алексеев М. Угрожает ли России китайская миграция? // Мировая экономика и международные отношения. - 200. - №11. – С.99.

13 Ларин А. «Китайская экспансия»: мифы и реальность// Азия и Африка сегодня. – 2006. - № 3. – С.2.

14 Становление внешней политики Казахстана: история, достижения и взгляд в будущее. - Алматы: Институт мировой экономики и политики при Фонде Первого Президента РК, 2005. – 356 с.

15 Токаев К. Дипломатия Республики Казахстан. - Астана: Елорда, 2001. - 552 с.

16 Добрососедство /Под ред. К. Султанова. - Пекин, 2001. - С.233-234.

17 Документ о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи // Казахстанская правда. - 2002. - № 107.- С.1.

18 Каукенов А. Казахстанско-китайские экономические отношения: механизмы и принципы – Режим доступа: <http://www.kazenergy.com/ru/2-26-27-2009/3022-2011-11-23-10-57-53.html>. – (дата обращения 5.09.2014).

19 Сабиров И. Торгово-экономическое сотрудничество Казахстана и Китая: проблемы и перспективы. Казахстан и Китай: стратегическое партнерство. – Алматы: ИМЭП, 2006. – 138 с.

20 Сыроежкин К. Казахстанско-китайское торгово-экономическое и инвестиционное сотрудничество: состояние и проблемы. // Казахстан в глобальных процессах. - 2006. - № 1.

21 Лузянин С.Г. Китай, Россия и Центральная Азия: разграничение региональных интересов. Китай в мировой политике. – М.: МГИМО; РОССПЭН, 2001. – 528 с.

22 Абишев А.Е. Каспий: нефть и политика. 2-е изд. – Астана, 2004. – 380 с.

23 Vatyrshauly, Saylau. Kazakh diaspora: the present and future // Kazakhstan and contemporary world. – 2005. - №1 (12).

А.А. Калиева

Абылай хан ат. ҚазХКжӘТУ, Алматы, Қазақстан

Ресей және Қазақстан ҚХР сыртқы саясатындағы басымдығының иерархиясында

Мақалада ҚХР сыртқы саясатындағы Ресей мен Қазақстан Республикасының алатын ролі мен негізгі өзекті мәселелер қарастырылған.

Ресей мен Қазақстан тарапынан жүргізіліп отырған саясаттың негізгі бағыттары анықталған. Сонымен бірге мақалада ҚХР мен РФ және ҚР арасындағы шешімін таппай отырған кейбір мәселелерге баға беріледі.

Aliya Kaliyeva

Ablai khan KAUIR&WL, Almaty, Kazakhstan

**Russia and Kazakhstan in the hierarchy
of the foreign policy priorities of the PRC**

This article discusses the current problems between Russia and China, as well as between Kazakhstan and China. In the article was displayed the evolution of foreign policy priorities and the role of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan in foreign hierarchy China.

The authors note the relevance of trade-economic and political issues of the relationship between the neighboring countries. They draw attention to regional security issues.

УДК 341; 075.8

А.А. Рахманова

магистрант 2-го курса (юриспруденция),
Академия экономики и права, Алматы, Казахстан

Г.Б. Рахманова

к.и.н., доцент КазУМОиМЯ имени Абылай хана,
Алматы, Казахстан

**ПРАВА ЧЕЛОВЕКА:
ПРАВА ЖЕНЩИН СКВОЗЬ ПРИЗМУ ВРЕМЕН**

В статье отмечено, что с развитием цивилизации люди, принадлежащие к разным национальностям, расам, исповедующие различные религии, пришли к необходимости четко установить общий и единый критерий прав человека. Индивид во всех его сложных связях и зависимостях раскрывается только в рамках цивилизованного подхода. Основной принцип жизни цивилизации представляет собой исходные основы жизни народа, его мораль, убежденность, определяющее отношение к самому себе, поведение, верования и надежды. Положения женщин и ее роль в обществе и в семье также тесно связана с объективными процессами общественного развития. В этой связи сегодня активное участие женщин во всех сферах деятельности, и обеспечение женщинам равных возможностей для равного участия с мужчинами является одним из важных задач современного законодателя.

Ключевые слова: принцип жизни, европейская цивилизация, культура, Всеобщая декларация, права человека, права женщин, дискриминация

Человечество прошло длинный этап, трудный и тернистый путь развития. С развитием цивилизации люди, принадлежащие к разным национальностям, расам, исповедующие различные религии, пришли к необходимости четко установить общий и единый критерий прав человека. Индивид во всех его сложных связях и зависимостях раскрывается только в рамках цивилизованного подхода. Основной принцип жизни цивилизации «представляет собой исходные основы жизни народа, его мораль, убежденность, определяющее отношение к самому себе, поведение, верования и надежды. Основной принцип жизни объединяет людей в народ данной цивилизации, обеспечивает его единство, на протяжении всей собственной истории» [1, с.9]. Европейская цивилизация породила высокую гуманистическую культуру, в ней зародились представления о ценности индивида, о ценности права и основанного в нем порядка, обеспечивающего свободу личности. Идея ценности человека была выдвинута в античном обществе. При феодализме религиозное сознание заслонило человеческую индивидуальность. Однако в новое время культура вновь делает человека мерилom всех вещей [2, с. 58].

А. Тойнби, анализируя историю цивилизаций считает, что в основе определенной цивилизации лежит религия. Индусская религия представляла собой систему педантично разработанных правил, что повлияло на аморфность, обезличенность человека, испытавшего безусловную власть общины, касты.

В странах распространения ислама особенность регулирования поведения индивида состоит в том, что его целью является интересы «правоверных» ислама в целом. Это определяет добровольной подчинение индивида общности, основанной на предписаниях ислама, и выдвижение идеи прав человека как его притязаний к власти в контексте исламской культуры, означало бы посягательство на незыблемость религиозных установлений [3, с. 43].

Европейская цивилизация, основанная на христианской религии, оставляла больше свободы индивиду. Человеку был дан выбор между добром и злом, открыт путь к совершенствованию своих качеств. Христианство выдвигает идею равенства всех людей и равенство всех грешников. Христианство в своей подлинной сущности обращено было к свободной воле человека, открывало ему пути к совершенствованию, сознание значимости своего выбора. Особенности христианской религии подготовили общественное сознание к идее свободы, ответственности за свои действия. Однако, теологическое мировоззрение средневековья сковывало инициативу человека, церковь по сути дела, сливалась с государством. Поэтому церковные догмы утверждали незыблемость монархической власти, феодального сословного деления. Буржуазные революции провели коренную

ломку сложившихся устоев. Произошел разрыв с теологическим мировоззрением средних веков. Сформировалось юридическое мировоззрение буржуазии, где «место догмы, божественного права заняло право человека, а место церкви - государство» [4, с. 143-144].

Возникший в центре Европы тип цивилизации постоянно расширялся, охватывал Скандинавский регион, Юго-Восточную и Восточную Европу. Он оказался способным распространить свои ценности на США, Канаду, Австралию, некоторые страны Латинской Америки. Во второй половине 20 века осуществляется постепенная адаптация к ценностям европейской цивилизации традиционных восточных обществ (Япония, Южная Корея, Индия, Китай). Происходят начальные стадии «размывания» традиционных структур и ценностных стереотипов.

Если рассуждать о правах человека в призме времени, то мы должны назвать источники прав в такой последовательности: Великую Хартию Вольностей 1215г. (Англия), Петицию о праве 1628 г. (Англия), Habeas Corpus Act 1679 г. (Англия) (Акт о лучшем обеспечении подданного и о предупреждении заточений за морями) и другие документы. Хотя исследователи относят эти документы к разряду памятников истории, невозможно отрицать их важную роль в развитии демократии. Современному человеку в конце XX века трудно представить себе, что первые шаги демократии воспринимались многими как социальная утопия, бунт против существовавшего строя. Идеи великих мыслителей прошлого, намного опередивших свое время и оказавшие огромное влияние на все последующие политические события, очень медленно и трудно приживались в сознании людей и обществе в целом. В ходе буржуазных революций во Франции, Англии, Америке были предприняты первые попытки воплотить эти идеи в реальность на законодательном уровне. В частности, во Франции 26 августа 1789 г. Была провозглашена Декларация прав человека и гражданина, а в Америке 26 сентября 1791 Билль о правах (поправка к конституции США).

Французская декларация прав человека и гражданина и Билль о правах в США – основа зарождения современных стандартов о правах человека.

Народ Франции, считал, что «невежество, забвение или пренебрежение правами человека являются единственной причиной общественных бедствий и испорченности правительства». Собрав Национальное собрание, представители французского народа приняли Декларацию прав человека и гражданина 29 августа 1789 г.

Впервые в истории человечества в ст. 1 Декларации люди были провозглашены равными в своих правах по рождению. Суверенная власть исходит от народа (ст.3) [5, с. 27].

На основании Французской декларации 25 сентября 1789 г. первый Конгресс нового феодального правительства США ввел 10 поправок после его ратификации Вирджинией 15 декабря 1791 г. В конце 18 столетия данные документы заложили основу к формированию прав человека в странах мира.

Сейчас более чем в 100 конституциях планеты фундаментально защищаются права человека.

Наиболее четкое понимание прав человека было сформулировано в Американской Декларации 1776 г.: «...все люди сотворены равными, и все они одарены своим созданием равными неотчуждаемыми правами, к числу которых принадлежит жизнь, свобода и стремление к счастью» [6, с. 63]. Однако признание обществом прав человека предполагало не только некий договор, который призывал людей уважать личность, но и создание правовой систем, защищающей ее от произвола.

Человеческое общество состоит из совокупности отдельных индивидов. Попирая права одного из них, общество ограничивает в правах остальных. Эту дилемму можно сравнить с чашей весов: постоянно перекадывая гири разной величины с одной чаши в другую, нельзя прийти к равновесию весов. Равновесие будет, если вес в обеих чашах станет единым и одинаковым. То же самое происходило с правами женщин, им постоянно недоставало «набора» мирового стандарта человеческих прав. Только демократическое государство может реально признать и закрепить в законодательном плане равные права и равные возможности для реализации.

10 декабря 1948 года Генеральная Ассамблея ООН приняла Всеобщую Декларацию прав человека. Трудно переоценить значение этого международного правового акта. Впервые в международной практике Декларация отразила идею о неразрывной связи и взаимообусловленности всего комплекса, основных прав и свобод человека. Это положение нашло дальнейшее развитие в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 4 декабря 1986 года: "Все права человека и основные свободы неделимы и взаимозависимы; и развитие и защита одной категории прав не могут служить предлогом или оправданием для освобождения государств от развития и защиты других прав" [7, с. 9]. Всеобщая декларация прав человека, в целом оформила достигнутый в нашем столетии основополагающий консенсус о правах, которыми обладают люди от рождения. К этим правам относится право на безопасность личности, свободу от рабства и пыток, право на защиту закона, на свободу передвижения, на свободу слова и вероисповедания, право на социальное обеспечение, трудоустройство, охрану здоровья, образование, культуру и гражданство. В декларации ясно сформулировано, что эти человеческие права распространяются на всех людей в равной степени, «без какого бы то ни было различия, как то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка...или иного положения» (статья 2) [7, с. 5]. Представляется очевидным, что права человека, провозглашенные во Всеобщей декларации, распространяется и на женщин. Однако из-за сочетания ряда факторов - традиций, предрассудков, социальных, экономических и политических интересов – права женщин оказались вне общего определения прав человека и были отодвинуты на уровень «вторичных», «побочных» и/или «специфических» требований в правозащитном контексте. Такая ситуация оттеснения женщин на обочину

правозащитного движения была отражением существующего в мире гендерного неравенства и оказала огромное влияние на жизнь женщин. Она способствовала сохранению и даже укреплению подчиненного положения женщин. Она во многом избавила государство от обязанностей по защите прав женщин и сделала задачу восстановления справедливости и законных прав непропорциональной сложной, а во многих случаях недостижимой, когда речь шла о правах женщин. Это связано с тем что, как правило, женщинам традиционно отводилась «частная» сфера дома и семьи и когда речь заходит о нарушении прав человека, в качестве архетипа автоматически представляют мужчину. За этим разграничением жизни на «общественную» и «частную» стоит стремление ограничить юрисдикцию правительства. Как правило, это означает, что поступки, совершаемые гражданами в «общественной» сфере подлежат регулированию закона, в то время как действия, совершаемые в «частной» сфере, освобождены от всякого вмешательства государства. Поскольку именно «общественная» сфера воспринимается как главная арена взаимоотношений между государственными органами и гражданами, нарушения в этих взаимоотношениях находятся в центре внимания. Нарушения же человеческих прав женщин, которые происходят между «частными» лицами, практически не освещаются и считаются лежащими за пределами компетенции государства. При этом события, происходящие в частной сфере и затрагивающие, в первую очередь, мужчин, такие как убийства или порабощение подлежат контролю государство во всех странах. Преступления, совершаемые мужчинами – мужьями, партнерами, членами семьи в отношении женщин, такие как домашнее насилие или домашний арест, государство оставляет без внимания, даже если в этом государстве существуют законы, карающие за такие преступления.

Как показывает опыт, для тех граждан, главным образом мужчин, которые преобладают в общественной и государственной сфере и пользуются гендерными, расовыми и экономическими привилегиями, предметом правоочередной заботы были те нарушения прав, которые наибольшей степени угрожают им самим, т.е. гражданские, политические (свобода слова, свобода произвольного ареста, пыток в тюрьме или смертной казни и т.п.). В то время как, нарушение прав женщин во имя семьи, религии и культуры прикрывается благоговейным отношением к так называемой частной жизни, а виновники таких нарушений прав человека пользуются полной безнаказанностью и не отвечают за свои поступки.

Помимо того, что женщины сталкивались с многочисленными трудностями из-за разделения на общественную и частную сферу, преобладание гражданских и политических прав в сфере внимания правозащитных организаций вытеснило из поля зрения тот факт, что женщины часто не имеют социально-экономических условий, которые давали бы им возможность воспользоваться гражданскими и политическими правами и участвовать в общественной жизни. Так, для объяснения

социальных различий между полами канадская исследовательница М.Эйчлер вводит понятие «двойного стандарта», понимая под ним «все нормы, правила и практические действия, которые различным образом оценивают, награждают или наказывают за идентичное поведение мужчин и женщин». Для преодоления «двойного стандарта», по мнению М.Эйчлер, необходимо, во первых, доказать, что биологический пол является основанием и причиной для проведения различий между мужчинами и женщинами, как это делается в настоящее время. Во-вторых, позволит каждой личности развиваться в том направлении континуума «мужественность - женственность», в котором она пожелает. Во имя достижения подлинного равенства между мужчинами и женщинами она призывает к «полному отказу от существующего стереотипа о роли мужчин и женщин семье и в обществе в сочетании с косвенными изменениями в структуре семьи».

Как видно из вышеизложенного, идея равенства людей своими корнями уходит в глубину веков. Но потребовались столетия для запрета дискриминации групп людей по тому или иному признаку. Осознание государствами того факта, что права женщин являются составной и неотъемлемой частью прав человека, приводит к новому пониманию, во-первых, содержания прав женщин, во-вторых, необходимости их обеспечения всеми государствами для построения демократического общества, в-третьих, разработки механизмов защиты прав женщин.

На современном этапе развития международного сотрудничества необходим иной подход к проблеме реализации прав женщин: от декларации имеющихся прав к реальному их осуществлению.

Список литературы

- 1 Оболонский А.В. Драма российской политической истории: система против личности.- М., 1994. - С. 9.
- 2 Хлебников Н. Право и государство в их обоюдных отношениях. - Варшава, 1874. - С. 58, 68.
- 3 Крашенников И.Н. Индусское право: история и современность. - М., 1983. - С. 43.
- 4 Бердяев П. Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии. - Париж, 1970. - С. 143-144.
- 5 Декларация прав человека и гражданина 26 августа 1789 года. Принята Учредительным собранием 26 августа 1789 г. // Текст публикуется по изданию: Французская Республика: Конституция и законодательные акты. - М., 1989.- С. 26-29.
- 6 Согрин В.В. Основатели США: исторические портреты. – М., 1983. – 216 с.
- 7 Права человека: Сб.междунар. договоров. Том 1. Часть 1 (А).- Женева, 2002.

А.А. Рахманова, Г.Б. Рахманова
Абылай хан ат. ҚазХҚжӘТУ, Алматы, Қазақстан

Адам құқығы: әйелдер құқығы уақыт қырынан

Мақалада белгіленгені : өркениет дамуына байланысты әр түрлі ұлттарға, нәсілдерге тектес, әр түрлі дінге тән адамдар жалпы бірыңғай құқықтар критерийін анықтаудың керектігіне көз жеткізді. Индивид (жеке адам, пенде) оған қатысты күрделі байланыстарымен, бағыныштықтарымен бірге өркениеттік тәсілдемесімен қарастырылған кезде ғана толық ашылады. Өркениеттің өмірінің негізгі принципі халық өмірінің бастапқы негіздері, оның моралі, сенімділігі, өз-өзіне көзқарастығы, тәлім-тәртібі, нанымы және үміттері болып табылады. Әйелдердің қоғамдағы және жанұясындағы орны мен ролі қоғам дамуының объективті үдерістерімен тығыз байланысты. Осының барлығына байланысты бүгінгі кездегі әйелдердің барлық салалардағы істерге белсенді қатысуы және әйелдердің ер адамдармен тең қатысуын қамтамасыз ету қазіргі заң шығарушылардың ең маңызды мақсаттарының бірі болып табылады.

A.A. Rakhmanova, G.B. Rakhmanova
Ablai Khan KAUIR&WL, Almaty, Kazakhstan

Human rights: the rights of women in the prism of time

According to the article, as the development of the civilization continued, people, representing a variety of nationalities, races and practicing different religions, came to realization of the need to establish a comprehensive and joint criteria for human rights. The individual, in all of his complex manifestations, can only fully develop his true capacity within a civilized approach. The primary principle of the life of the civilization is based upon the foundations of peoples' life, their moral, convictions, self-image, behavior, beliefs and hopes. The status of a woman and her role in a society and family are also closely linked with the objective processes of societal development. In this regard, women's active role in all social areas and security of women's having opportunities to participate as equally as men are one of the major goals of modern legislative bodies.

УДК 327.7

Д.С. Раев, ф.ғ.д., профессор
Л.Ж. Абжапарова, халықаралық қатынастар
кафедрасының PhD докторанты
С.М. Мұқан, халықаралық қатынастар кафедрасының
PhD докторанты, Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ,
Алматы, Қазақстан

ШАНХАЙ ЫНТЫМАҚТАСТЫҚ ҰЙЫМЫ ЖӘНЕ ҚАЗАҚСТАН: БІЛІМ БЕРУ МӘСЕЛЕСІ

Бұл мақалада Шанхай ынтымақтастық ұйымы бүкіл Еуразия өңірінде тек қауіпсіздікті қамтамасыз ету ғана емес, сонымен бірге аймақтағы мәдени-гуманитарлық ынтымақтастықты орнықтыруда маңызды роль атқаратындығына баса назар аударылады. Атап айтсақ, ШЫҰ аймақтағы мәдени-гуманитарлық әр-түрлілігін дамыту мақсатында білім беру саласындағы өзара әрекеттесу дәрежесінің индикаторы болып табылатындығы дәйектеледі. Осыған орай, ШЫҰ-ға мүше мемлекеттердің жоғары оқу орындары арасындағы тікелей байланыстар органы ретіндегі «ШЫҰ Университетінің» атқаратын қызметі қарастырылады.

Түйін сөздер: ынтымақтастық, әрекеттесу, желілік, университет, концепция, мәселе, ШЫҰ (Шанхай ынтымақтастық ұйымы)

Тарихқа шолу жасайтын болсақ, Шанхай ынтымақтастық ұйымының алғашшарты (ШЫҰ) – 1996 жылғы «Шанхай бестігі» болып табылады. Алғашқы құрылтайшылар қатарына Қазақстан, Қырғызстан, Қытай, Ресей және Тәжікстан кірген. Ал, 2001 жылдың маусымның 1-де Өзбекстан ұйымға кіргеннен бастап Шанхай Ынтымақтастық Ұйымы (ШЫҰ) деген атпен тұрақты үкіметаралық ұйымға айналды. 2001 жылдың 15-ші маусымы ШЫҰ-ның құрылған күні болып есептелінеді.

ШЫҰ-ның мақсат-міндеттеріне шолу жасай отырып, Ташкент саммитінде Қазақстан Президенті «ШЫҰ үйлестіру тетіктерін нығайту, барлық бағыттардағы өзара тиімді ынтымақтастықты тереңдету және біздің ұйымның халықаралық аренадағы беделін одан әрі арттыру үшін қолынан келгеннің бәрін істеуге ниетті», -болатындығын атап өткен.

Бүгінгі күні Шанхай ұйымының құрылғанына он үш жыл толғанына қарамастан, жалпы «Шанхай үдерісіне» жиырма жыл толды десек қателеспеспіз. Ал оның ішінде білім беру саласындағы ШЫҰ мүше-елдері арасындағы ынтымақтастық 2008 жылдан бері бастау алады.

Қазақстан, Шанхай ынтымақтастық ұйымымен ықпалдасуды өзінің сыртқы саясатының басым бағыттарының бірі ретінде қарастырады және соңғы жылдары Шанхай ынтымақтастық ұйымы бүкіл Еуразия өңірінде білім берумен қамтамасыз етуде барған сайын маңызды фактор болып келеді. Оған негіз

болған ШЫҰ Декларациясына сәйкес, ұйымның негізгі мақсаттарының бірі ретінде ғылыми-техникалық, білім беру саласын тиімді әріптестік жолға қою мәселесі болып табылады.

Осыған орай, ШЫҰ аясындағы білімдегі интеграция Қазақстан Республикасы сыртқы саясатының негізгі басымдықтарының бірі болып есептелінді. Оған ШЫҰ-ның құрылуымен қатар, қалыптасу кезеңдері мен білім саласының әр-тарапты дамуына қосқан қомақты үлесі айқын дәлел. Мысалы Елбасымыз Н.Ә. Назарбаев 2005 жылы, 16 ақпанда Қазақстан Халқына Жолдауында айтылған сөзінде «Қазақстан жоғары оқу орындарының міндеті - әлемдік стандарттар деңгейінде білім беру. Ал жетекші оқу орындарының дипломдары күллі әлемде танылуға тиіс. Олар мұны істеуге міндетті. Біздің әрбір қазақстандықтың жоғары білім алуына нақтылы кепілдік беруіміз керек», – деп атап көрсетеді [1]. Осы міндеттерді жүзеге асыру барысында туындаған мәселелерді шешу жолында ШЫҰ-ның білім беру саласында атқарған қызметін атап айтуға болады. Мысалы, мүше мемлекеттердің жоғары оқу орындары арасындағы тікелей байланыстар жолға қойылды, олар қазір “ШЫҰ Университеті” бірегей жобасын іске асыру бойынша жұмыс жасауда.

ШЫҰ желілік университеттерін құру туралы идея – 2007 жылы Ресей Президенті В. Путиннің Пекин қаласында өткенде ШЫҰ мүше-мемлекеттердің білім саласындағы ынтымақтастықты дамыту туралы эксперттік жұмыс тобының кездесуінде жарияланды. Бес елдің өкілдері – Қытай, Ресей, Қазақстан, Тәжікстан және Қырғызстан 2010 жылдың қыркүйек айында «ШЫҰ университетін (ШЫҰУ) іске қосу» туралы бастама ретіндегі жобасын бір ауыздан мақұлдады [2].

«ШЫҰ Университетінің» негізгі миссиясы ШЫҰ-ға мүше мемлекеттердің экономикалық және әлеуметтік дамуы үшін басымдықты мүдде білдірілетін мамандықтар бойынша келісілген инновациялық білім беру бағдарламалары негізінде жоғары білікті маман кадрларды үйлестіре дайындауды жүзеге асыру болып табылады. ШЫҰ-ға мүше мемлекеттердің мүдделеріне сүйене отырып, Университет дамуының бірінші кезеңінде өлкетану, экология, энергетика, IT – технология және нанотехнология мамандықтары бойынша дайындау жүргізіледі. Келешекте ШЫҰ-ға мүше мемлекеттердің келісімі бойынша, басқа бағыттар енгізіліп, мамандықтардың жиынтықтары нақтыланады.

“ШЫҰ Университеті” студенттермен, аспиранттармен, докторанттар және ғылыми-педагогикалық қызметкерлермен алмасуды кеңейтуге, ғылыми-зерттеулер ынтымақтастығын арттыруға, заманауи білім беру әдістемелері мен технологияларын енгізуге, “ШЫҰ Университетінің” білім беру туралы құжаттарын тану тетіктері мен баламалылығын жасауға бағытталған келісімдер негізінде өзара әрекет ететін ШЫҰ-ға мүше мемлекеттер жоғары оқу орындарының достастығы болып табылады. Аталған Университеттің бағдарламасымен білім алатын студент кез келген семестрден бастап келісілген білім алу бағдарламасын іске асыратын шетелдің бас жоғары оқу орындарында оқуын жалғастыра алады.

ШЫҰ мүше-мемлекеттері арасындағы білім беру саласындағы ынтымақтастықты одан әрі дамыту мақсатында 2008 жылы «ШЫҰ желілік университеттерін» құру туралы концепция қабылданды. ШЫҰ мүше-елдері ішінен іріктеліп алынған жоғары оқу орындары бес бағыт бойынша ынтымақтастықты кеңейтуді бел буды. Атап айтатын болсақ, олар – экология, информатика, аймақтану және энергетика болып бекітілді [3].

Ең алғашқы байланыстар 2009 жылдан бастап-ақ ШЫҰУ жоғары оқу орындарында әріптестері арасында өзара ұлттық білім беру жүйелерінің сәйкес келмеу салдарынан қарама-қайшылықтар пайда бола бастады. Атап айтсақ, академиялық ұтқырлық және бірігіп келісілген білім беру бағдарламаларын жүзеге асырудың өзекті мәселелері туындай бастады. Бастапқыда әрбір бастаманың өзіндік ерекшелігі болатын үрдістің даму жолының жоспарында көптеген мәселелер туындайтыны белгілі. ШЫҰ де тыс қалған жоқ.

Біріншіден, білім беру формасы мен оқу семестрлерінің мерзімі. Бұл ШЫҰУ студенттеріне өз еліндегі жоғары оқу орындарына қайтып оралған кезінде туындаған мәселелерді шешу жолында біршама кедергілерге тап болатынына байқауға болады.

Екіншіден, әрбір мүше-елде оқу бағдарламаларының мамандықтарына сай әр-түрлі классификациясы (гуманитарлық, әлеуметтік, техникалық және т.б.) қолданылады. Яғни, мамандықтардың бір-біріне ұқсас бола тұра классификацияға бөлінуі әр-түрлі болып келеді. Осындай факторлар біраз қиындықтар туғызуда, алайда сонымен қатар оқу орындары арасында өзара түсінушілік байқалатынын көреміз. Атап айтсақ, техникалық мамандықтарды қарастыра отырып, оқу жоспарлары арасында өзара түсіністік байқалады. Себебі, техникалық мамандықтардың ерекшелігі жалпылай алғанда оның мәні айқын көрініс табады. Мысалы, бұрынғы Кеңестік білім беру жүйесіне негізделген техникалық мамандарды оқыту әдістері Қытай жоғары оқу орындарында да кездестіруге болады. Сонымен қатар басқа да мәселелердің күрделілігі ретінде - формальды және бюрократиялық кедергілермен күресу болып табылады.

Үшіншіден, магистратура білім беру бағдарламаларының талаптары, көлемі мен оқу бағдарламасының мазмұнымен толықтай түйіспейді. Мысалы, Қазақстанда магистрлік бағдарламалар мерзімі екі немесе төрт семестрді құраса, яғни бағдарлама екі формаға бөлінген – профильді (бір жыл) және ғылыми-педагогикалық (екі жыл) деп бөлінген. Ал Қытайда магистратура бағдарламасы үш немесе одан да көп жылға дейін созылуы мүмкін. Сонымен қатар, академиялық пәндерді оқыту және бағалау әдістердің әр-түрлі өлшем бірліктерінің қолданылуында байқаймыз. Атап айтсақ, өлшем бірліктерінің тек қана аттары емес (кредит саны, сынақ бірліктері, академиялық сағаттары), сондай-ақ олардың жүзеге асырылу механизмдері (академиялық сағатының ұзақтығы, академиялық сағаттары мен кредиттерінің сәйкес келуі, магистрлік академиялық дәрежесіне қол жеткізу үшін кредиттердің жалпы саны және т.б мәселелер) әр-түрлі болып келеді. Келтірілген мәселелерді шешу жолында

Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және әлем тілдері университеті ШЫҰУ желісінің мүшелігін (аймақтану бағытында) белсенді түрде пайдалана отырып, жоғарыда көрсетілген бағдарламаларды сәйкестендіру қиындықтарды конструктивті келіс-сөздер арқылы біртіндеп шешуге бел буғаны мәлім.

ШЫҰУ аясында өткізілген іс-шараларды жүзеге асыру мақсатында Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және әлем тілдері университеті мен Қытай Халық Республикасының бірнеше жоғары оқу орындарымен, яғни Пекиндегі Халықаралық бизнес және экономика университеті, Дальян шет тілдері университеті, Ланджоу университеті, Шанхай саясаттану және халықаралық құқық университеті, сондай-ақ Ухань университетімен бірлесе отырып, 2012-2013 оқу жылынан бастап бакалавр, магистратура және PhD докторантура дәрежелері бойынша «Қос диплом» бағдарламасы жүзеге асырылуда. Аталған жоғары оқу орындарының оқу жоспарларының, кредит санының және академиялық семестрдің ұзақтылығын үйлестіру барысында тараптардың ШЫҰУ принциптерін жүзеге асыру ниеттерін іс жүзінде дәлелдеді. Нәтижесінде, Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және әлем тілдері университеті Қазақстан Республикасы білім берудің жалпы білім беретін мемлекеттік стандарттарына сүйене отырып Қытайдың серіктестік университетімен бір ымыраға келуін аса маңызды халықаралық деңгейдегі мәртебеге теңейді.

Әрине, бүгінгі нарықтық экономика жағдайында қалыптасқан бәсекелестіктің тереңдей түсу барысында жағдайларға сәйкес талапкерлер арасында «Қос диплом» бағдарламалары заманға сай бірден өз қажеттілігін және танымалдылығын дәлелдеді. Екі жақты келіс-сөздердің арқасында қол жеткізілген жетістіктердің жемісін биылғы 2013-2014 оқу жылының алғашқы түлектері Қытайдың Ухань университетімен бірлескен «Қос диплом» бағдарламасы бойынша «Халықаралық қатынастар» магистрі дәрежесін иемденді. Жалпы алғанда аталмыш бағдарлама арқылы студенттер «Халықаралық қатынастар», «Халықаралық құқық» және «Экономика» мамандықтары бойынша Қытайдың Ухань университетінде білімдерін жалғастыра қоймай, сонымен қатар Ухань университетінің оқытушы-профессорлық құрамын қазақстан жастарының қытай тілінің еркін меңгергендігіне тән риза екені мәлім болды.

Төртіншіден, студенттердің оқу үлгерімі туралы дәстүрлі бағаларда «өте жақсы», «жақсы», «қанағаттанарлық», сондай-ақ A,B,C,D,E,F болып бекітілген. Ал ШЫҰУ кейбір елдерінде 100 балдық жүйесі қалыптасқан. Ол жүйененің күрделілігі болып бағаның әріптік (A,B,C,D,E,F) бағасына сәйкес келмеуінде болып отыр.

Бесіншіден, ШЫҰ мемлекеттерінде - білім берудің тіл мәселесі өткір проблемаға айналуда, тек қана күнделікті қолданыстағы тілден басқа арнайы техникалық терминологияның жоқ болу салдарынан туындап отыр. Дәстүрлі тілдік курстар студенттер мен магистранттарға көмекті қажетті деңгейде бермейді. Бұл ретте Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және

әлем тілдері университеттерінің студенттері мен магистранттары айтарлықтай қиындық көрмеуде. Университет Ректоры академик С.СҚұнанбаеваның бастамасымен Қазақстан Республикасы Білім және Ғылым министрлігімен бірлесе отырып 2010 жылы қабылданған «Қазақстан Республикасы шет тілінде білім беру даму концепциясын» қабылдады. Концепцияға сәйкес, «Қазіргі кезеңдегі жаһанданған мультилингвалдық және мультимәдени әлемде қалыптасқан тәжірибе мен мамандандықты қамтамасыз етудің адамзат баласының әлеуметтік маңызының кепілі ретінде шет ел тілдерді үйрену деп танылды» [4].

Сондықтан, ШЫҰУ шеңберінде серіктес-университеттердің бірлескен білім беру бағдарламаларын жүзеге асыру барысында ШЫҰУ концепциясының негізгі тармақтарын жүзеге асыру арқылы қалыптасқан мәселелерді шешумен қатар тіл мәселесі де бірте-бірте күн тәртібінден алынууда.

Ынтымақтастықтың басты принциптерінің бірі «сенім принципі» арқылы ШЫҰ мемлекет-мүшелерінің гуманитарлық тәжірибелі мамандарды дайындаумен қоса серіктес жоғары оқу орындардың бірлескен іс-шараларды атқару өкілеттіліктерін дамытуды көздейді. Бұл принциптерді жүзеге асыра отырып серіктес жоғары оқу орындар магистратура бағдарламасының басқа да гуманитарлық емес бағыттарды дамыту үрдісіне қол жеткізуді ұйғарды.

Сонымен қатар, Шанхай ынтымақтастық ұйымы шеңберінде өткізілген іс-шаралар негізінде Қазақстан Республикасы Үкіметінің 2006 жылғы 23 желтоқсандағы №1262 Қаулысына сәйкес «Шанхай ынтымақтастық ұйымына мүше мемлекеттердің үкіметтері арасындағы білім беру саласындағы ынтымақтастық туралы келісімді бекіту туралы» 2 бабына сәйкес «Тараптар білім беру саласындағы интеграциялық процестерді дамытуды және осы мақсатта қажеттілігіне қарай ШЫҰ-ға мүше мемлекеттердің білім беру саласындағы саясаты мәселелері жөніндегі бірлескен ақпараттық және нормативтік құқықтық база құруды қолдайды» [5]. Осы ретте Қазақстан Республикасы интеграциялық процесстердің оңтайлы жақтаушысы ретінде ШЫҰ мүше елдері арасында білім беру саласында өз үлесін қосумен қатар, ақпараттық және нормативтік құқықтық базаны құруда белсенділігін танытуда. Бұрынғы Кеңестік елдері мен Қытайдың ең озық білім беру жүйесін қолдана отырып ШЫҰ XXI ғасырға үлкен үмітпен қадам басты. Оған дәлел ретінде Болашақ халықаралық стипендия иегерлері Ресей мен Қытайдың ең беделді жоғары оқу орындарында білім алып, меңгерген мамандықтарын Қазақстанда жүзеге асыруда. Ең басты жетістік ретінде атап көрсететіндей: Болашақ халықаралық білім бағдарламасының басым елдеріндегі жоғары оқу орындар тізбегінде ШЫҰ желілік-университеттері табылады.

Сондай-ақ, 2012 жылы 10-12 сәуірде Қарағанды қаласында Қазтұтынуодағы Қарағанды экономикалық университеті негізінде «ШЫҰ университеті – қашықтықтан білім берудің жаңа мүмкіндіктері: тәжірибе және дамудың келешегі» атты халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция өткізілді. Конференцияда әр мүше-мемлекеттен Білім және Ғылым министрлік өкілдері қатысып ШЫҰ желілік-университеттері арасында қашықтан білім берудің даму

жоспарын талқылап, өз ойларын ортаға салды. Конференцияның күн тәртібінде қойылған мәселелердің бірі:

1. ШЫҰ мемлекет мүшелерінің ұлттық, салттық ерекшеліктерін ескере отырып ШЫҰ университетінің желілік инфрақұрылымы негізінде e-learning және қашықтықтан оқыту технологиясының методикасы мен методологиясын қолдану.

2. Электронды білім беру ресурстарын қолданудың және дайындаудың инновациялық тәсілдері және олардың ШЫҰ университетінің негізгі жоғарғы оқу орындарының стратегиялық даму жоспарларына сәйкес келуі.

3. ШЫҰ университетінің желілік инфрақұрылымы негізінде оқу және зерттеу үдерістерін ұйымдастырудың жаңа форматы және негізгі жоғары оқу орындарының ғылыми, инновациялық қызметтерінің жоспарлары [6].

Тарихқа жүгіне отырып, Қазақстан Республикасы, Қытай Халық Республикасы, Қырғыз Республикасы, Ресей Федерациясы мен Тәжік Республикасының базалық жоғарғы оқу орындарының ректорлары 2006 жылдың маусым айының 15 - де Шанхай қаласында бекітілген білім беру саласындағы ынтымақтастығы жөніндегі Шанхай ынтымақтастығы ұйымына мүше мемлекеттердің үкіметтері арасындағы Келісімді жүзеге асыруға, 2009 жылдың қазан айының 28 - де Астана қаласында бекітілген Қазақстан Республикасы, Қытай Халық Республикасы, Қырғыз Республикасы, Ресей Федерациясы мен Тәжік Республикасының үкіметтері арасындағы Шанхай Ынтымақтастық Ұйымы университетін құру жөніндегі Келісімнің іске асуына, 2008 жылдың қазан айының 28 - гі Шанхай Ынтымақтастық ұйымына мүше мемлекеттердің білім министрліктері кеңесінің шешімі мен «ШЫҰ университетінің тұжырымдамасын» (2008 жылдың қазан айының 24 – де Астана қаласында ШЫҰ мүше мемлекеттердің білім министрлерінің қабылдауымен) жүзеге асырып отырған іс-шаралары көптеген проблемаларды шешумен қатар жоғарыда айтылған аса маңызды құқықтық-нормативтік базасын құрастыруда.

Қорытындылай келе, ШЫҰ мен Қазақстан: білім беру мәселелерінде айтылған мәселелермен қатар айтарлықтай прогреске қол жеткізгенін байқап отырмыз. Оған дәлел ретінде, жуырда 2014 жылдың 20-23 мамырында Ресейдің Уфа қаласында өткен ШЫҰ мүше елдерінің «Шекарасыз білім» атты VII-ші білім беру концепциясын айтуға болады. Бұл форумға Қазақстандық, нақтылап айтқанда Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және әлем тілдері университеті де ат салысты. Форум Еуразия кеңістігіндегі интеграциялық үрдістерге мән бере отырып, білім беру саласындағы модернизациялау контекстінде тұрақты тәжірибе алмасу мақсатындағы ШЫҰ кеңістігіндегі апталық форумды өткізудің тымді екендігі дәлелденіп отыр. Мұның мақсаты, білім беру мен ғылым саласындағы мемлекетаралық ынтымақтастықты дамыту білікті кадрларды дайындау жүйесін жетілдіру және бірлескен ғылыми-зерттеу жобаларды жүзеге асыру болып табылады деп есептейміз. XXI ғасырдағы бәсекелестіктің белең алып баруымен қатар адамзат құндылығының бірден бір рухани сусыны – білім алу мен білім беру екені сөзсіз.

Әдебиеттер

1 Назарбаев Н.Ә. Қазақстан Республикасы Президентінің Халыққа Жолдауы, 16 ақпан, 2005 жыл – Режим доступа: www.akorda.kz – (дата обращения 2.09.2014).

2 Путин В.В. Горизонты расширения ШОС (выступление на саммите ШОС 2007 г., г. Шанхай) // МЭиМО. – 2008. - № 5. – С.8.

3 Сыроежкин К. Казахстан и образовательные проекты в рамках ШОС: проблемы и перспективы // Континнт. – 2009. - №8. – С.24.

4 Құнанбаева С.С /Қазақстан Республикасы шет тілінде білім беру даму концепциясы // Абылай хан атындағы ҚазақХҚжӘТУ-нің Хабаршы. Филология сериясы. – 2011. - № 1.– 10 бб.

5 Қазақстан Республикасы Үкіметінің 2006 жылғы 23 желтоқсандағы №1262 Қаулысы «Шанхай ынтымақтастық ұйымына мүше мемлекеттердің үкіметтері арасындағы білім беру саласындағы ынтымақтастық туралы келісімді бекіту туралы»ю – Режим доступа: www.government.kz – (дата обращения 5.09.2014).

6 Елеусізова А. Халықаралық конференция материалдар жинағы: «ШЫҰ университеті – қашықтықтан білім берудің жаңа мүмкіндіктері: тәжірибе және дамудың келешегі // ҚазҰҚарағанды экономикалық университетінің Жаршысы. - 2012. - №2 – 13 бб.

Д.С. Раев, д.ф.н., профессор,
Л.Ж. Абжапарова, PhD докторант,
С.М. Мұқан, PhD докторант

КазУМОиМЯ имени Абылай хана, Алматы, Казахстан

Шанхайская Организация Сотрудничества и Казахстан: проблемы образования

Данная статья рассматривает не только обеспечение вопросов безопасности по всему Евразийскому региону Шанхайской организацией сотрудничества, но также уделяет внимание и роли внедрения культурно-гуманитарного сотрудничества в регионе в целом. А именно, в целях повышения разнообразности культурно-гуманитарного сотрудничества - кооперация в области образования является одним из важных индикаторов сотрудничества в регионе. В связи с этим, в рамках развития отношений между высших учебных заведений стран-участниц ШОС, рассматривается роль «Университета ШОС».

D.S. Rayev, L.Zh. Abjaparova, Mukan S.M.
Ablai Khan KAUIR&WL,
Almaty, Kazakhstan

The Shanghai Cooperation Organization and Kazakhstan: problems of education

This article considers not only providing security issues in all Eurasian continent by Shanghai Cooperation Organization, also pays attention on a role of involvement the cultural-humanitarian cooperation in the region as a whole. Namely, for increasing the variety of cultural-humanitarian cooperation in the field of education is one of the most important indicator of cooperation in the region. In this regard, within development of relations between higher educational institutions of the participating countries of SCO, the role of “SCO University” is considered.

УДК 93

К.К. Кенжебеков, к.и.н.,
Казахский экономический университет имени Т. Рыскулова,
Алматы, Казахстан

К ВОПРОСУ О ПРИСОЕДИНЕНИИ КАЗАХСТАНА К РОССИИ

В данной статье на основе архивных и литературных источников наглядно показано, что вопрос о присоединении Казахстана к России остаётся актуальным по сей день. Еще в годы советской перестройки, гласности и обновления общества ученые бывшего Союза признали, что проблема Российской империи во всех ее проявлениях, начиная от складывания территории и заканчивая рецидивами имперского сознания, должна стать в центре исследования историков.

На основе проведенного исследования автор предлагает примерную оценку действиям царской России в XVIII – XIX в.в. в Казахстане. В последние годы некоторыми отечественными историками (академиком Козыбаевым М.К., профессорами Ж.К. Касымбаевым, М.Ж. Абдировым и др.) на основе изучения новых архивных материалов, анализа дореволюционных источников и военно-гражданской литературы доказывается, что вся территория Казахстана с самого начала была завоевана и оккупирована царским войсками.

Ключевые слова: колониальная держава, вассалы, железный занавес, тюрьма народов

Немецкий философ и социолог истории Карл Ясперс выделял в истории человеческой цивилизации особый период, т.н. «осевое время», когда происходят кардинальные и качественные сдвиги в развитии народов и государств, зарождаются принципиально новые взаимоотношения между ними [1, с. 527]. Таким критическим временем для России и Казахстана, как пишет в своих трудах Касымбаев Ж.К. («О правовой и исторической обоснованности обращения хана Абулхаира к императрице Анне Иоанновне в принятии Младшим жузом Российского подданства» (Вопросы изучения истории и культурного наследия Казахстана. – Алматы: ЦГМК. –1998.- с. 157); Государственные деятели казахских ханств (XVIII век) – Алматы. –1999. –с.288), явилась первая треть XVIII века, когда при царе Петре Великом Россия превратилась в величайшую в истории Евразийскую колониальную державу, а казахи при хане Абулхаире, превысившие свои полномочия и самостоятельно обратившегося с просьбой о приеме в российское подданство, стали невольными вассалами этой империи, государственность их была упразднена, территория превратилась в одну из внутренних колоний метрополии, а власть перешла к царскому самодержавию, вероломно поработившего один из многочисленных в то время тюркских народов Великой степи. Казахи на два века оказались в составе царской России, ставшей для них неродной Отчиной, «тюрьмой народов», - по образному выражению вождя большевиков В.И. Ленина, очутились за рамками мирового общечеловеческого цивилизационного пространства.

С обретением Казахстаном в конце XX века государственного суверенитета и независимости был отброшен «железный занавес» над нашим прошлым, ученые активно обратились к «белым пятнам» и злободневным проблемам отечественной истории, в частности, к еще недостаточно исследованным или дискуссионным страницам имперского прошлого. Еще в годы советской перестройки, гласности и обновления общества ученые бывшего Союза признали, что проблема Российской империи во всех ее проявлениях, начиная от складывания территории и кончая рецидивами имперского сознания, должна стать в центре исследования историков [2].

Актуальной проблемой казахстанской историографии продолжает оставаться проблема присоединения или вхождения Казахстана в состав царской России, в частности, характер этого длительного и противоречивого исторического процесса. Академик М.К. Козыбаев в этой связи справедливо отмечал, что одним из мифов советской исторической науки была концепсия о том, что абсолютно все национальные окраины добровольно присоединились к России, причем в ключе только прогрессивного явления [3].

В последние годы некоторыми отечественными историками (академиком Козыбаевым М.К., профессорами Ж.К. Касымбаевым, М.Ж. Абдировым и др.) на основе изучения новых архивных материалов, анализа дореволюционных источников и военно-гражданской литературы доказывается, что вся территория Казахстана с самого начала была завоевана и оккупирована царскими войсками.

Агрессия Московской Руси и России против казахского народа, утверждает, например, М.Ж. Абдиров, началась еще в конце XVI с разгрома и захвата русскими казаками и царскими воеводами территории и столицы Нагайской Орды и Сибирского ханства Кучума, т.е. еще задолго до обращения хана Младшего жуза Абулхаира в 1726 и в 1730-1731 гг. к царскому правительству с просьбой о принятии казахов в российское подданство. Хотя сами царские власти уже в начале XVIII в. вынашивали планы насильственной аннексии Казахской степи и обращение Абулхаира лишь способствовало их реализации, стало долгожданным и удобным поводом для открытой военной колонизации края. Доказательства этому можно найти в их трудах Абдиров М.Ж. Военно-казачья колонизация Казахстана. Алматы.-1997; Его же. История казачества Казахстана.- 1994; Его же. Хан Кучум: известный и неизвестный.- Алматы: Жалын.- 1996; Его же. Казачество в системе вооруженных сил Российской империи в крае. – 1996.-№7.; Его же Вооруженные силы Российской империи в крае в XIX веке. –1997. -№1; Его же. Исторический опыт защиты Отечества: военная история казахов. – Алматы. –1999; См. также: Мажитова Ж.С. Строительство Оренбургской пограничной линии и создание Оренбургского казачьего войска // Вестник науки Акмолинского аграрного унив-та. – 1996.-№7; Сайфулмаликова С.С. Орынбор. Орал бекіністерінің салыну тарихынан // Поиск. –1997.- №4; Сыздыкова Е.С. Вопросы присоединения Казахстана к России в трудах М.И. Венюкова // Вестник науки Акмолинского аграрного унив-та. – 1995.-№ 3-4 и др.

Тезис о завоевательном характере присоединения Казахстана к России как части военно-наступательной военной стратегии и политики Московского царства с середины XV века (с покорения Казанского и Астраханского ханств), а затем продолженной уже колониальной Российской империей, о решающей роли вооруженных сил России в территориальной экспансии в Туркестане, его покорения нуждается сегодня в дальнейшей, более фундаментальной, научной разработке, аргументации свежими архивными материалами, подтверждении взглядами царских ученых-востоковедов и военных историков.

Это необходимо для создания также новой концепции о путях и средствах формирования единого евразийского геополитического объединения под эгидой царской России и Советского Союза.

Военно-наступательные аспекты присоединения Казахстана к России изучались уже представителями дореволюционной дворянско-буржуазной историографии, прежде всего военной историографии, являвшейся одной из наиболее развитых отраслей российской исторической науки. Она была представлена многочисленными военно-историческими трудами, посвященными покорению Центральной Азии (Казахстана и Туркестана), завоевательными и карательными походами царских войск, истории регулярных и иррегулярных войск, военных линий и границ, отдельных воинских соединений, «отличившихся» при завоевании и присоединении к России обширных новых территорий. Труды этих царских авторов имеют огромное значение для раскрытия подлинных устремлений самодержавия в

насильственном захвате Казахской степи, содержат многочисленные сведения о военных приготовлениях России к открытой экспансии в Туркестане.

Правящие круги царской России поставили перед Российской гражданской и военной историографией задачу всемерно оправдывать агрессивную внешнюю и военную политику самодержавия в регионе по причине необходимости обороны от набегов кочевников, защиты торговли со странами Азии, противодействия продвижению Англии и выхода к естественным границам России – к плоскогорьям и хребтам Центральной Азии. Авторами их нередко выступали сами участники походов царских войск, офицеры Генерального Штаба военного Министерства России, генерал-губернаторы и военные губернаторы краев и областей, различные военные чиновники колониальной администрации. Эту военно-научную литературу можно подразделить на три большие группы.

К первой относятся все общие труды истории завоевания Туркестана. Это – фундаментальные исследования российских авторов, основанные на громадном фактическом материале по истории завоевания и присоединения региона. Они содержат любопытный материал по истории местных народов, их этнографии, о географии, топографии, картографии, геодезии, статистике, экономике края, вооруженном сопротивлении казахов царской колонизации. А самое главное – российское военно-научное востоковедение полностью раскрывало военно-экспансионистские планы Российской империи в Азии, причины и общий ход военных кампаний по завоеванию этого важного стратегического плацдарма на подступах к Индии и другим странам глубинной Центральной Азии. Труды следующих авторов Абаза К.К. Завоевание Туркестана. СПб. – 1902; Венюков М.И. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. – СПб. – 1873; Куропаткин А.И. Завоевание Туркмении (Поход в Ахал-Теке в 1880-1881 гг.) с очерком военных действий в Средней Азии с 1839 по 1876 год. СПб.-1899; Макшеев А.И. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских. – СПб.- 1890; Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. Том 1-2. СПб.-1906; Потто В. О степных походах // Военный сборник. – 1873.- №4-7;

Глиноецкий Н. Военное обозрение границ России // Военный сборник. –1861. - №4; Григорьев В. Русская политика в отношении к Средней Азии. Исторический очерк. – СПб.- 1874; Лобысевич Ф.И. Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и военно-политическом отношениях. СПб.-1900 и другие.

Ко второй группе дореволюционной военно-научной литературы относятся работы, посвященные отдельным военным кампаниям, завоевательным набегам и походам царских войск. Это Голосов Д. Поход в Хиву в 1839 году отряда русских войск под начальством генерал-адъютанта Перовского // Военный сборник. 1863. -№1-2; Захарьин И.Н. Граф В.А.Перовский и его зимний поход в Хиву. Ч. 1-2.- СПб. 1901; Зыков С. Очерк утверждения русского владычества на Аральском море и реке Сыр-Дарья с 1847 по 1862 год // Морской сборник. – Т. IX. - №3 (май). – СПб. 1862; Иванин М.И. Описание зимнего похода в Хиву в 1839-1840 г. – СПб. 1874; Иванов И.П. Хивинская экспедиция 1839-1840 гг.-

СПб. 1873; Косырев Е. Поход в Хиву в 1839 году // Исторический вестник. – 1898. №8; Лобысевич Ф.И. Описание хивинского похода 1873 года. СПб. –1898; Мак-Тахан. Военные действия на оксусе и падение Хивы. М. 1875; Шепелев А. Очерк военных действий и дипломатических сношений России со Средней Азией. СПб. 1883; Юдин М.А. Взятие Ак-Мечети в 1853 году как начало завоевания Кокандского ханства. – М. 1912 и др. Они всячески оправдывали завоевание Казахской степи и Средней Азии, считая, что если не Россия, то Англия, вышедшая к Аму-Дарье, обязательно покорит бы ханство региона. Их авторы, превозносили превосходство русского оружия, воинского искусства, стратегии и тактики полководцев, боевых и моральных качеств российского солдата, а сами работы также фактически разоблачали военно-имперскую политику России в Туркестане.

К третьей группе дореволюционной историографии отнести труды казачьих историков. Казачья историография является неразрывной частью гражданской и военной историографии России и без ее тщательного изучения и анализа невозможно понять многие аспекты военной колонизации Казахстана.

Эту группу литературы можно условно разделить в свою очередь на три подгруппы. В первую входят общие работы по истории российского казачества, раскрывающие его роль в военной колонизации окраин и империи, в т.ч. и Казахстана. Это труды полковника М. Хорошхина, войскового старшины Ф. Старикова, ученого Козина В.Х. [4]. Во вторую, более многочисленную группу входят работы царских авторов по истории их появления на казахской земле и роль в ее захвате, участие в борьбе с народными восстаниями, в завоевательных и карательных походах царской армии такие как Бородин И. Уральское казачье войско. – Уральск 1891; Витевский В.И. Уральское войско до появления Пугачева. Книга 1.-М. 1879; Катанаев Г.Е. Краткий исторический обзор службы Сибирского казачьего войска. - СПб. 1908; Карпов А.Б. Уральцы: Исторический очерк. Часть 1.- Уральск 1911; Левшин А.И. Историческое и статистическое описание уральских казаков. – СПб. 1823; Леденев И.В. История Семиреченского казачьего войска. – Верный 1908; Рябинин А.Д. Уральское казачье войско. Ч. I-II. – СПб. 1866; Стариков Ф. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска. – Оренбург 1891; Усов Ф.И. Статистическое описание Сибирского казачьего войска. – СПб. 1879 и др.

В третью подгруппу входят работы, посвященные отдельным казачьим соединениям и их «боевым подвигам» при завоевании Казахстана такие как Лобов И.Г. Описание знамен, Знаменных значков и хоругвей Оренбургского казачьего войска. – Оренбург. 1912; Мякутин А. Оренбургский нерегулярный корпус или Оренбургское казачье войско в тесном смысле этого понятия (Очерк из истории Оренбургского казачьего войска). – Б.М., б.б.; Симанов Н.А. История Сибирского №1 Ермака Тимофеева полка. – Омск -1893; Хорошхин М. Чеканский бой 4, 5 и бдекабря 1864 года (Рассказ о геройском подвиге Уральской сотни). – СПб. 1884 и другие.

Их работы относятся к официально-монархическому направлению в царской российской историографии, рассматривавшего казачество как авангард военно-

наступательного продвижения России в степь и ее завоевания. Для нас же их труды служат прежде всего признанием неоспоримого факта насильственного присоединения Казахстана к России, военно-завоевательного характера этого процесса, роли вооруженных сил империи в покорении края.

Значительную ценность для понимания военно-наступательных аспектов завоевания края имеют труды по гражданской истории, подготовленными чиновниками, путешественниками, учеными Академии наук России. Это труды таких авторов как Алекторов А.Е. История Оренбургской губернии – Оренбург – 1803; Григорьев В. Русская политика в отношении к Средней Азии. Исторический очерк.- СПб.-1874; Добросмыслов А.И. Тургайская область.-Т. Л.-Тверь. – 1902; Завалишин И.И. Описание Западной Сибири: Сибирско-Киргизская степь.- М.-1867; Левшин А.И. Описание киргиз-кайсацких или киргиз- казачьих орд и степей.-М.- 1832; Небольсин П.И.Покорение Сибири – СПб.- 1849; Потанин Г.И. Материалы для истории Сибири-М- 1866 – 1867; Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии.- Оренбург.- 1887;это же история Оренбургская (1730-1750).- Оренбург.- 1896; Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Кн.Л1 -2- М.-1839;1844 и других авторов. Для их работ присущ в основном описательный характер, почти полное отсутствие каких-либо научных выводов, хотя приведенный ими конкретно – исторический материал не оставляет сомнений в том, что они сами не сомневались в насильственной оккупации царской Россией значительной части Казахстана, что вызвало справедливую освободительную борьбу казахского народа.

Значительный интерес представляет для нашей проблемы работы зарубежных европейских авторов о характере вхождения Казахстана и Средней Азии в состав России. Они всегда оспаривали добровольный и прогрессивный характер вхождения края в состав России. Названия их работ: «Русское завоевание Средней Азии: трансформация и аккультурация», «Интерпретация завоевания царской Россией Средней Азии и Кавказа», «Среднеазиатская экспансия России в свете новейшей советской интерпретации истории», и другие говорят о том, что немалая часть западных ученых разделяла взгляды дореволюционных российских авторов о преобладающем военном характере присоединения Туркестана в состав Российской империи [5, с 152].

Основоположники марксистской истории К. Маркс и Ф. Энгельс также считали, что Средняя Азия и Казахстан были насильственно захвачены царской Россией. К. Маркс в памфлете «Разоблачения дипломатической истории XVIII века», и научные изыскания, в целом правильно отметил агрессивно-завоевательную политику всех русских князей от Рюриковичей до Романовых, когда Российская империя стала преемницей Монгольской империей Чингисхана [6]. Об экспансионистской политике Российского самодержавия писал не раз и другой автор Ф. Энгельс. Так, в статьях «Внешняя политика русского царизма» и «Продвижение России а Средней Азии» разоблачал завоевательные планы царской России, подчеркивая, что при покорении других народов, мы имеем дело с неприкрытым насильственным завоеванием чужой территории, с простым грабежом [7, с. 175].

Показательным в этом отношении является книга корреспондента одной из американских газет Мак-Гахана Я.А., участвовавшего в составе русской армии в завоевании Хивинского ханства и написавшего книгу «Военные действия на окесе и падение Хивы». - М.-1875. Хотя в ней идет речь о завоевании Хивы и Хивинского оазиса, фактически она раскрывала весь характер присоединения Туркестана к царской России, которому были присущи наращивание мощных вооруженных сил, создание военных линий и укреплений, завоевательные и карательные походы, беспощадное подавление сопротивления народа, защищавшего свою родную землю от поработителей.

Таким образом, как дореволюционная российская, так и зарубежная историография и историко-политическая публицистика были однозначны в оценке военно-насильственной, завоевательной политики самодержавия в Азии, в т.ч. и в Казахстане, являвшемся «ключом к вратам» ко всему Востоку, манившим своими богатствами и просторами Московскую Русь и Российскую империю Петра I.

С беспощадной критикой военной политики царизма в Казахстане в 20-30 годы XX века выступали целый ряд отечественных источников. Ученые Асфендияров С.Д., Галузо П.Г., М. Тынышпаев, Рыскулов Т.Р., Сафаров Г. и другие явились разоблачителями военно-оккупационного, захватнического характера царской колонизации Казахстана. Их труды (Галузо П.Г. Туркестан – колония – Ташкент. - 1935; Сафаров Г. Колониальная революция (Опыт Туркестана.) – М.- 1921; Рязанов А.Ф. Сорок лет борьбы за колонизацию независимость казахского народа (1797-1838 г.) – Кзыл-Орда. – 1926; Лебедев В. Из истории завоевания Казахстана царской России (1730-1732) // Борьба классов. – 1936. - №10. – с. 60-65 и др.) пестрели такими эпитетами как «военная оккупация», «кровавый террор», «живодерский характер», «хищническая политика» и т.д. часто приводилась знаменитая фраза военного губернатора Сыр-Дарьинской области Гродекова «каждый новый русский поселок в Туркестане равен батальону русских войск». К этому направлению советской историографии принадлежит и работа известного историка Бекмаханова Б.Б., через исследование движения Кенесары Касымова раскрывшего реакционную захватническую политику царизма в крае. В целом, этот период отечественной историографии можно оценить как время относительно объективного освещения многих страниц прошлого, особенно его колониального времени.

Результатом этой тенденции и началом аналогии Российской империи послужила статья И.В. Сталина с критикой статьи Ф. Энгельса. Фактически она оправдывала захватническую внешнюю политику царизма, привела к пересмотру концепций по проблеме присоединения национальных окраин к России, отрицала завоевательный характер этого процесса, нацеливала ученых на изучение прежде всего прогрессивного, мирного, добровольного характера вхождения нерусских народов в состав царской России. В таком ключе и развивалась отечественная историческая наука в 50-80-е годы и историков того времени трудно упрекнуть в сиюминутной конъюнктуре [8], замалчивании правдивых страниц об агрессивном и жестоком присоединении Казахстана к

России, осуществленном царизмом с опорой на вооруженные силы, грубое подавление освободительного движения народа. Обретение независимости страной заложило основы обновления конституционных взглядов на характер присоединения Казахстана к России, их определенного переосмысления [9, с. 254], что свидетельствовало о возрождении концепции С.Д. Асфендиарова разделившего всю периодизацию истории Казахстана на две части: до и после завоевания царизмом [10]. Наиболее последовательно эту научную конструкцию сегодня отстаивают профессор М.Ж. Абдиров на примере исследования истории российского казачества в Казахстане, другие исследователи.

По данной проблематике в последние годы защищены ряд кандидатских диссертаций, где затрагиваются отдельные аспекты изучаемой нами проблемы. Так в работе Мусырмановой А.Ш. (Сибирское казачество на рубеже XIX - XX вв. (основные проблемы специально - экономического развития). Автореф. Диссертации канд. ист. наук. – Алматы. – 1995) вкратце затрагивается история создания Сибирского линейного казачьего войска в первой половине XIX в. В диссертации Мажитовой Ж.С. (Военное присутствие России в северо-западном Казахстане в XVIII начале XIX веков. Автореф. диссертации канд. ист. наук – Караганда. – 1997) впервые в отечественной историографии обстоятельно рассмотрены этапы военного проникновения царской России в северо-западном Казахстане, вопросы формирования Уральского и Оренбургского казачьих войск, а также создание вспомогательных национальных военных соединений, таких как Ставропольское Калмыцкое и Башкиро-Мещеряжское казачьи войска, их роль в военной колонизации Казахстана. Автор, к сожалению, ограничивался изучением лишь казачьих иррегулярных войск, не затрагивая проблемы возведения военных линий и укреплений, формирование регулярных войск Оренбургского края в исследуемый период. В интересном исследовании Сайфулмаликовой С.С. на основе обширных архивных данных и документальных материалов глубоко и конкретно изучены военно-политические акции царской России в 30-50-х годах XIX века в бассейне Сырдарьи. Так, автор с использованием сведений ЦГА Республики Узбекистан и Госархива Оренбургской области показал в специальной главе историю создания на территории Младшего жуза пограничных военных линий и укреплений как базы для походов на Хиву в 1839-40 гг. и Ак-Мечеть в 1853г. Однако, и в этой в целом интересной диссертации военное строительство самодержавия не является объектом самостоятельного исследования, акцент сделан прежде всего на завоевательные походы царских войск в при сырдарьинском регионе [11].

В историографическом и историковедческом плане защищены кандидатские диссертации Сыздыковой В.С. (Вопросы истории Казахстана XIXв. в трудах офицеров Генерального Штаба Российской империи. Автореф. дисс. канд. ист. наук.- Астана. – 2000) и Толочко В.С. (Проблемы истории Казахстана XIXв. в военной периодической печати России: автореф. дисс. ...канд. ист. наук. – Алма-Ата. – 1977.)

В них рассмотрены такие вопросы как роль военной периодической печати России и трудов офицеров генерального Штаба Российской империи в

освещении истории Казахстана XIX века, в т.ч. и проблемы реализации военной стратегии, завоевательных и карательных походов, строительства военных линий и укреплений и т.п.

Таким образом, хотя в последнее десятилетие сделано немало для объективного процесса вхождения Казахстана в состав России, тем не менее остаются мало исследованными военно-наступательные аспекты этого сложного и драматического исторического явления, в частности, создание здесь регулярных и иррегулярных войск, военных линий и крепостей, артиллерийских округов, т.е. всего комплекса военной инфраструктуры империи в колонии.

Список литературы

- 1 Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991. - С.527. «Круглый стол»: историческая наука в условиях перестройки // Вопросы истории. 1989. №3.
- 2 Козыбаев М. Отечественная история XX века: мифы и реальность // Казахстанская правда. – 2000.- 23-25 мая.
- 3 Хорошкин М. Казачьи войска: опыт военно-статистического описания. – СПб. 1881; Стариков Ф. Откуда взялись казахи.- Оренбург, 1881; Казин В.Х Казачьи войска. - СПб. 1912.
- 4 Есмагамбетов К.Л. Что писали о нас на западе. – Алма – Ата: Казак университеті, 1992.- 152 с.
- 5 Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII века // Вопросы истории. 1989. - № 4.
- 6 Маркс К., Энгельс Ф. Соинения. Т. 12. – М.: Наука, 1972. - 616 с.
- 7 Бекмаханов Т.Б Присоединение Казахстана к России. – М.,1957; Аполлова И.Г. Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII века. – Алма-Ата, 1948; Дахшлейгер Г.Ф. Историография Советского Казахстана.- Алма – Ата, 1969.
- 8 Исторический опыт защиты Отечества: Военная история Казахстана. – Алматы, 1999.
- 9 Асфендияров С.Д. История Казахстана (с древнейших времен). – Алма-Ата, 1935.
- 10 Сайфулмаликова С.С. Царизмнін XIX ғас. 30-50-ші жылдарындағы Сыр бойымен іргелес оуірдегі әскери – саяси кимылдары және онын салдарлары: т.ғ.к., дисс. автореф. – Алматы, 1998.

Қ.К. Кенжебеков

Т. Рысқұлов атындағы Қазақ экономикалық университеті,
Алматы, Қазақстан

Қазақстанның Ресейге қосылуы мәселесі

Берілген мақалада негізге алынған архив деректерінің қолданылуымен Қазақстанның Ресейге қосылуы туралы мәселе әлі күнге дейін көкейкестігі көрсетілген.

Зерттеу жұмыста автор XVIII - XIX ғғ. Қазақстандағы патшалық Ресейдің әрекеттеріне сарапшылық жасап, жаңа ой-көзқарас ұсынады. Алдыңғы жылдары отандық тарихшылардың (академик Қозыбаев М.К., профессор Ж.К. Қасымбаев, М.Ж. Әбдіров және басқалар) ғылыми еңбектерінде басталған жұмыс негізге алынып, жаңа мұрағаттық материалдардың толықтырылуымен, XIX ғасырдың көне әдебиеттердің зерттелуімен, Қазақстан аумағындағы патшалық Ресейдің отарлық саясатына қосымша талдау жұмыс жасалынған.

K.K. Kenzhebekov

Ryskulov, T. Kazakh Economical University,
Almaty, Kazakhstan

Joining of Kazakhstan to Russia

On the basis of archival and published sources this article demonstrates that the question of accession of Kazakhstan to Russia remains relevant to this day. Since Kazakhstan gained its state sovereignty and independence at the end of XX century "iron curtain" of our past was discarded, and scientists started to discover "white spots" and topical issues of national history, in particular, to insufficiently investigated or discussed pages of imperial past.

On the basis of this study the author proposes an approximate assessment of the actions of Tsarist Russia in XVIII - XIX centuries in Kazakhstan. In recent years, on the basis of the study of new archival materials, analysis of pre-revolutionary sources and civil-military literature some domestic historians (academician Kozybayev MK, professors Kassimbaeva JC, MJ Abdirov, etc.) prove that the whole territory of Kazakhstan from the outset was conquered and occupied by the tsarism's troops.

**САЯСИ ҮДЕРІСТЕР
ЖӘНЕ ОЛАРДЫ ЗЕРТТЕУ ӘДІСТЕРІ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
И МЕТОДЫ ИХ ИЗУЧЕНИЯ**

УДК 327

A.E. Fedorova,
Master, teacher,
Ablai Khan KAUIR&WL,
Almaty, Kazakhstan

**TERRORISM – OLD OR NEW ACTOR OF
INTERNATIONAL RELATIONS?**

This article is about the phenomenon of terrorism. It analyzes the nature of it, using of religion in the terroristic activity. The author compares the features of terrorism before September 11 of 2001 and after it. The article explains the difference between “old” and “new” terrorism. The article considers “Arab spring” as a form of “new” terrorism when terrorist groupings came to power in a state with the help from outside – from the USA. The author makes a conclusion that terrorism remains the same in its essence - it is a tool to achieve some political goals.

Keywords: terrorism, religion, international relations, “Arab spring”, US foreign policy, system of international relations, values

As such terrorism is not a new phenomenon. It existed in early history. The specific of religious terrorism is that religious dogmas, views and faith are used in terroristic activity. One can find examples of religion using in order to promote interests of some social or political group in history. We can take Christianity of 11th century when the era of Crusades took place. That time religion was used in order to terrorize an opponent, to promote interests of Christian states using terroristic methods or methods of horror. The purpose of Crusades was to capture holy lands from disunited Muslims. Religion was the instrument of influence on soldiers, fighters in order to make them struggle with people of another faith. That was one reason. The most pragmatic aim of religious wars was to conquer new territories, to spread own influence on them and to promote interests. [1, p. 11].

Today Islam is used in the same way. Religious views push people to struggle in political aims and goals.

Why phenomenon of religious terrorism is so frightening today?

Religious terrorism came to the international arena after the September 11 of 2001. Before this event a state considered itself as the most powerful and mighty actor of international relations in military sense. During existence of Westphalia system of international relations (after 1648) central actors of the issues of war and peace were exactly the states. Sometimes non-state actors – pirates, military groupings of trans-border ideological movements (anarchists, socialists), groupings of nations struggled for self-determination – influenced greatly on the condition of peace and international security in different regions. But states were sources of essential part of challenges and threats, main participants of military contradiction. International security was almost only state-centric [2, p. 2].

The most dramatic changes in the sphere of world security occurred at the end of XX century when transnational religious terrorism challenged security of many states and international community as a whole [2, p. 3]. Peculiarity of terroristic groupings is that they have not “return national address”. Exception is semi-legal basing of Al-Qaeda in the territory of Afghanistan. It was controlled by regime of Taliban which was illegitimate from the point of view of international law but was de-facto recognized. The numerous terroristic groupings are hidden in world community. Part of them gains the support from states in the kind of finances and military tools [2, p. 5].

One can consider next peculiarities of terrorism before September 11: its predominately internal character, capture of power inside a country using violence and terror, ideological and religious slogans. But after the development of the processes of globalization the situation was changed. Cultural, moral unification of the world took place. We can imagine that this unification was made on the Western model. Just the values of the West were recognized as unique, eternal and universal for all the humanity. That’s why states of non-Western world tried to protect themselves from the vanishing in this universal world of Western values. At the beginning of XXI century the discontent of this trait of globalization occurred. That’s why terrorism changed and it gained such features as: network type of organization, ideology of opposition to globalization and Western way of life, wide network of financing from illegal economic activity, etc. [3, p. 2]. Such situation attracts to terroristic groupings young men who are representatives of quite new epoch – epoch of globalization.

So, in Westphalia system of international relations states were the main actors in the sphere of world security. The situation was changed with the collapse of Yalta-Potsdam system of international relations or in other words at the end of XXth century. Alongside with states new actors of international communication came to the world arena. Terrorism was one of these actors. The events of September 11 were the border between “old” and “new” world. That time states of the world realized that terrorism now is serious opponent which should be taken into account in the foreign policy realization. The complicity of situation was that

states did not realize the counter agent – with whom they should fight in order to protect themselves. That's why Western states paid attention to authoritarian states of East in the whole and Arab world in particular in order to find terrorists and destroy them and as a result make themselves more secure. Let's consider if it was right tactics of the West.

Connection of terrorism and processes of “democratization” of Arab and Muslim world.

The most noticeable consequence of so called “Arab spring” was the strengthening of political positions of radical Islamists in Muslim states where the changing of ruling regime took place. The USA and European Union wasted efforts in order to support opposition in the states of Arab world. But it is obvious that new political elites of Tunisia, Egypt or Libya will not develop the Western forms of democracy. Even the USA State Department recognized that Arab revolutions gave terrorists an opportunity to widen their influence in the region [4, p. 44]. M. Kaddafi, H. Mubarak, earlier S. Hussein suppressed the political ambitions of radical Islamists and terrorists. After their dismissing the vacuum of power was created in the region. Terrorists used the situation. In the absence of restrain centers terrorists go to politics, using democratic institutes, capture governmental power and obtrude population their own conception of Islam which is quite different with real Islam. The USA tried to influence on so called opposition in order to democratize states of Muslim world. It sponsored military groupings of opposition in order to struggle with “authoritarian” rulers of the past. The USA presupposed to replace regimes of the region into more profitable for the USA and to simplify the tasks of US foreign policy in the region of Middle East and North Africa. But terrorists got the power, arms and finances began to struggle against the USA in order to preserve the power and to liquidate the influence of infidels on the policy of the region. Another reason in the spread of ideas of “Arab spring” is that petroleum monarchies of Persian Gulf use terrorists and radical Islamists in order to promote own influence in the region and to suppress the influence of the USA, EU and Shiite block in the head of Iran. Here it is the situation when terrorism and religious radicalism is used in order to realize external political interests [4, p. 47].

That's why the spreading of democratic values without taking into account the specific of the region, its political structure, religious and ideological features influences on the dissemination of terrorism not only in the region but in the neighboring territories as well. In this case it is valid for states to protect themselves from such new kind of terrorism, to strengthen military-political integration units. This statement is very actual in the light of recent events. It is well known that US sponsored terroristic grouping Islamic State of Iraq and the Levant (ISIL) fought in Syria against Bashar Assad now acts against the USA in the territory of Iraq. Terrorists of this grouping provide warfare on the border with Turkey. It means that they spread their activity up to European continent. It is real threat not only to states of the region of Middle East but to all world community. Terroristic groupings began to act seriously and aggressively. They became the real force which should be taken into account in the international politics.

States should struggle with terrorism in various ways. Each country nowadays has internal doctrine on struggle with terrorism. International organizations, integration units also proclaim struggle with terrorism among their aims. But in the conditions of globalization activity of one state or small groups of states can affect greatly of world politics. That's why states of the region of Middle East now pay for the ill-thought foreign policy of the USA in the region. It is impossible to use force democratization. This process should be done gradually. States of Arab world should understand by themselves if they want to develop in democratic way or not and what kind of democracy they want to develop.

So as we can see from all above mentioned facts terrorism is not a new phenomenon. It was appeared in Ancient times. Nowadays terrorism is changed dramatically. It became more complex, more various in its activity. It acts as one of the main participants of international relations. This is quite new in terrorism as a phenomenon. But the central idea remained the same – to use terror in order to promote interests of some political groups, use religious views in order to incline more proponents of terroristic activity.

References

1 Bader, Eleanor J., Patricia Baird-Windle. Targets of hatred: Anti-abortion terrorism. - N.Y.: Harper, 2008.

2 Кулагин В. Глобальная или мировая безопасность?// Международные процессы Том 5. № 2(14). Май-август 2007. Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/fourteen/004.htm> - (дата обращения 17.09.2014).

3 Содиков Ш., Резникова Е. Международный терроризм как фактор мировой политики. – Режим доступа: <http://sodikov.viperson.ru/wind.php?ID=660629&soch=1> – (дата обращения 11.09.2014).

4 Крылов А. Роль религиозного фактора в «арабской весне» // Вестник МГИМО-Университета. – 2013. - No 4 (31).

А.Е. Федорова, магистр МГИМО,
КазУМОиМЯ имени Абылай хана,
Алматы, Казахстан

Терроризм – старый или новый актер международных отношений?

В статье описывается явление терроризма, показана эволюция данного феномена, его внешние изменения. В статье показана идея, что при внешних изменениях терроризм, по сути, остался тем, чем был – инструментом для продвижения политических интересов, показано использование террора - для подавления недовольных и сопротивляющихся, и религиозные ценности в искаженном виде – для привлечения сторонников. В статье показаны примеры искусственной демократизации стран арабского Востока и последствия такого процесса для стран и региона в целом. Также показана связь данного процесса с явлением религиозного терроризма.

А.Е. Федорова
Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ,
Алматы, Қазақстан

Халықаралық қатынастардағы лаңкестіктің кешегі және бүгінгі бейнесі

Мақалада лаңкестіктің көрінісі бейнеленеді, айтылмыш феноменнің эволюциясі, оның сыртқы өзгерістері көрсетілген. Мақалада террордың игерушілігі - үшін тұншықтыр- үшін наразы және қарсылас- көрсетілген, қарамастан және діни бәстер ара бұрмала- көріністе - үшін алашордашыл тарту үшін. Мақалада арабтың шығысының және мынадай үдерістің салдарының елінің жасанды демократияландыруы ел және аймақ үшін арада бүтіндікте үлгі көрсетілген.

УДК 327

Р.Р. Тажиев., магистр МО,
преподаватель кафедры МО КазУМОиМЯ имени Абылай хана,
Алматы, Казахстан

ХАРАКТЕРИСТИКА СИРИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ

В данной статье рассматриваются социально-политическая основа сирийского кризиса. Уже на протяжении полу века власть в Сирии находится в руках одной династии и одной партии. Подходы к изучению кризиса разные: для одних кризис является последствием противостояния на религиозной почве, а для западных стран источником конфликта является именно режим Башара Асада.

Последние события в Сирии показали, что демократическая оппозиция постепенно уступает свои позиции радикальным исламистским группировкам. Недавно начавшаяся конференция в Женеве показала, что демократические силы не имеют долгосрочной программы, отсутствует единство позиций. Рассматривая конфликт в Сирии как часть «арабской весны», хотелось бы дать характеристику политической оппозиции режиму Асада.

Ключевые слова: оппозиция, демократия, многопартийность, диктатура, кризис

В последнее время в СМИ идут ожесточенные полемики по вопросу сирийского конфликта. Хотел бы внести и свою лепту, свое видение данной ситуации.

Сирия маленькая страна, поликонфессиональная и полиэтническая.

Основная масса населения арабы мусульмане и арабы христиане. В стране наряду с мусульманами мирно сосуществовали христиане и иудеи. Сирия является колыбелью Христианства и одним из основных духовных центров Ислама.

Нынешняя правящая элита во главе с ПАСВ (Партия Арабского Социалистического Возрождения) пришла к власти в результате военного переворота 6 марта 1963 года, когда президент Назим аль-Кудси был свергнут сирийскими военными. Вскоре после очередного переворота 1970 года власть перешла к Хафезу Асаду отцу нынешнего президента Башара аль-Асада. В стране была установлена военная диктатура.

Корни нынешнего сирийского конфликта уходят вглубь истории. Страна в 50-60-х гг. XX века была предметом раздора между исламистами во главе с Братьями мусульманами и исламскими социалистами во главе с ПАСВ. Геополитическое расположение Сирии тоже играет немаловажную роль в нынешнем конфликте. В Сирийском конфликте прямо или косвенно наряду с «Великими силами» замешаны и региональные страны как Турция, Иордания, Саудовская Аравия и Катар которые поддерживают оппозицию, с другой стороны Иран, Ирак поддерживающие официальный Дамаск. Число жертв конфликта составляет около полумиллиона, число беженцев больше миллиона. Экономический ущерб, нанесенный стране за 3 года конфликта, составляет больше десятка миллиардов долларов.

Сейчас в казахстанском обществе существуют различные трактовки и видения сирийского конфликта для кого-то это противостояние диктатора и демократической оппозиции, для кого-то война – это противостояние легитимной власти с религиозными экстремистами и террористами, и даже противостояние угнетаемого суннитского большинства с угнетателями шиитским меньшинством. В какой-то мере все три различные точки зрения имеют свою доказательную базу.

В Сирии продолжается противостояние оппозиции и сторонников президента Башара Асада. Едва ли не каждый день оттуда поступает двойственная информация, разобраться в достоверности которой подчас нелегко даже специалисту. Каждая из сторон конфликта уверяет международное сообщество в своей правоте, оперируя противоречивыми фактами.

Ситуация внутри оппозиции очень сложная. Складывается очень разнообразная картина. Многим, интересующимся событиями в Сирии, трудно разобраться во всём этом. Можно сказать, что сирийская оппозиция делится на ряд групп.

Первая группа составляет «Альянс национальных демократических» сил. Этот альянс существовал ещё при Хафезе Асаде. Тогда он находился в подполье. В этот альянс входила «Народная демократическая партия», которую сейчас называют также «нелегальной компартией», коммунистическое движение «Действие», партия «Арабское социалистическое возрождение». Они откололись от правящей партии. Это

сторонники «Движения 25 февраля» - группировки партии «Баас», которая правила страной с 1966 по 1970 год, когда Хафез аль-Асад в ходе переворота свергнул их власть и посадил их в тюрьмы. Также туда входят арабские юнионисты - последователи Насера. Они позиционируют себя левыми националистами.

Национальный демократический альянс существовал до 2005 года. Потом участники этого альянса создали «Движение дамасской декларации» (ДД). В ДД входили всё те же силы и, кроме того, некоторые представители «дамасской весны». Например, Ареф Далиля, который считается одним из известных сирийских демократов. В движении также состоял Мишель Килу - бывший коммунист, а сейчас - независимый деятель демократического левого толка. В него входили ещё многие видные деятели местной дамасской буржуазии во главе с Риядом Сейфом, который был членом сирийского парламента, но потом начал критиковать Башара Асада за то, что тот фактически все прибыльные отрасли экономики отдал в распоряжение своему двоюродному брату Рами Махлуфу. Несмотря на то, что Рияд Сейф был в близких отношениях с Башаром Асадом, за критику его отстранили от работы в парламенте, а потом посадили в тюрьму. В итоге он перешёл на сторону оппозиции. «Дамасская декларация» существовала на полулегальной основе около двух лет. Она имела свою резиденцию в Дамаске. Членов движения постоянно вносили в списки неблагонадёжных, допрашивали, арестовывали, сажали некоторых из них в тюрьмы и потом освобождали. Но при этом они не прекращали свою деятельность. Потом сторонники движения создали программу мирного перехода от авторитарного, диктаторского режима к демократическому, многопартийному. Они предполагали, что возможна постепенная, мирная трансформация, безо всяких социальных или политических потрясений. После этой программы все деятели ДД были арестованы и находились в тюремном заключении около двух с половиной лет. Они вышли на свободу накануне революции 15 марта 2011 года [1, с. 23].

Основной движущей силой ДД, безусловно, является «Народная демократическая партия» во главе с Риядом ат-Турком, которая имеет статус нелегальной компартии. Её лидер сидел в тюрьме в общей сложности около 20 лет. Из них 17 лет он содержался в тюремном изоляторе. В Сирии он как Нельсон Мандела. Рияд ат-Турк предсказал сирийскую революцию. Накануне 15 марта 2011 года (после событий в Тунисе и Египте) он написал статью, в которой обратился к сирийскому народу со словами, что птица свободы кружит над Сирией. Уже тогда он предсказал Революцию. Спустя некоторое время внутри ДД возникли разногласия с представителями арабских националистов - насеристов во главе с Хасаном Абд аль-Азимом. В ДД также вошли представители курдских партий. ДД носила чисто политический характер. В основном, это политическая программа: переход от авторитарной, диктаторской формы правления к демократической многопартийности [2, с. 44].

Социальные требования, конечно, выдвигались, но на первом плане были

политические цели. Когда состоялся арест участников движения в 2007 году, многим было непонятно, зачем это было нужно правительству. Они выдвигали очень спокойную программу, предполагавшую мирный, постепенный переход страны от авторитарной системы к демократической. Они предлагали сделать это цивилизованным путём. И было совершенно непонятно, за что их арестовали. Это - одна из больших ошибок правительства. Они известны как деятели оппозиции, поскольку каждый из них сидел в тюрьме, многие по 10-15 лет на протяжении жизни. Они были известны в широких кругах населения и в арабском мире в целом.

Представители «Партии арабского единства», сторонники Насера, считали, что нужно вести диалог с правительством. Они были готовы идти на уступки правительству, когда началась революция в Сирии. Другого мнения придерживались сторонники «Народной демократической партии» - нелегальной компартии.

Нелегальная коммунистическая партия считала и считает, что правительство Башара Асада не подлежит реформированию, и нужно обязательно его свергнуть. Компромисс с ним не имеет смысла, поскольку режим диктаторский и жестокий. Дальнейший ход событий подтвердил точку зрения Рияда ат-Турка и неофициальной компартии - «Народной демократической партии». Правительство показало своё истинное лицо, оказавшись не только авторитарным и диктаторским, но и кровавым.

В стране после событий 1980 года, Хафез Асад, отец Башара Асада жестоко расправился с исламским движением в городе Хама. После этого, фактически, внутри страны «Братья-мусульмане» не имели никакой партийной структуры, потому что достаточно было доказать, что человек является членом «Братъев-мусульман», и его могли ликвидировать, казнить. То есть, фактически, внутри страны партийную структуру они не имели. Физически Хафез Асад их ликвидировал полностью. Но они существовали за рубежом, в других странах - в Европе, в арабских государствах, в Турции, в Великобритании. За рубежом они имели влияние [3, с. 10].

Когда начались события в Тунисе, а потом перешли в Египет, в Йемен и в Ливию, в Сирии существовали все условия для этого восстания. Сирийский народ на протяжении около полувека находится под руководством авторитарного, диктаторского режима. И политические предпосылки, безусловно, существовали. Народ тянулся к свободе, стремился к демократии. Огромный толчок дала «арабская весна». И, кстати, сирийский народ реагировал на это очень быстро. Особенно был под сильным влиянием Египетской революции. Во-вторых, народ был удивлён жестокостью режима, который сразу выбрал силовой путь. Эта жестокость способствовала нарастанию напряжённости.

В Сирии 70 % населения - это люди от 20 до 35 лет. Среди них - поголовная безработица. Более 80 % - это молодые люди, которые окончили вузы, но не могут найти работу [4, с. 32]. Была такая ситуация, когда люди стремились к эмиграции в поисках карьеры и успеха. Многие действительно

уехали в страны Арабского залива, в Турцию и другие государства, чтобы найти счастье и проявить себя. Правительство в этом плане, в плане социальной политики, потерпело полный провал. Кроме того, у нас добавился ещё один фактор: в Сирии за последние 6 лет была засуха. Особенно пострадали от этой засухи восточные районы страны. Власть ничего не сделала для преодоления последствий этой засухи.

Социальный фактор, безусловно, играл очень большую роль. У власти не было чёткой социальной программы по решению проблемы безработицы. Кроме того, отрицательную реакцию молодёжи вызвало то, что национальные богатства Сирии приватизированы элитой, находятся в руках родственников президента. Особенно наиболее прибыльные и доходные - коммуникации, нефть, газ - находятся в руках семьи.

Если смотреть формально, то существовали местные структуры самоуправления. Но, де-факто в Сирии всё решали спецслужбы и правящая партия. Чиновники местного уровня набирались исключительно из этих двух источников, это функционеры партии «Баас» и ставленники спецслужб. Никаких реальных выборов не было. Были назначения и никакой альтернативы.

Из-за неспособности Башара Асада решить эту проблему политическим путём, путём договорённости с оппозицией, и из-за того, что он выбрал силовой вариант, проблема переросла в региональную. Известно, что Сирия в регионе Ближнего Востока занимает особое место. Основные региональные игроки на Ближнем Востоке - это Иран, Турция, Израиль, Египет и страны Арабского полуострова [5, с. 24]. Безусловно, есть определённое противостояние между двумя группировками. С одной стороны, Иран и Сирия с правительством Башара Асада и партия Хезболла в Ливане. К ним примкнул премьер-министр Ирака Нури аль-Малики. Они составляют определённый блок.

А второй блок - это Турция, страны Арабского полуострова во главе с Саудовской Аравией и Египтом. Идёт противостояние между двумя блоками. Безусловно, Саудовская Аравия и Турция заинтересованы в том, чтобы Сирия вышла из-под влияния Ирана. К сожалению, Башар Асад совершил очень большую ошибку, превратив Сирию в вассальное Ирану государство. Влияние Ирана в Сирии огромно. Это вызывало возмущение среди политических сил оппозиции и среди сирийского населения. Сирия должна была занимать самостоятельную позицию, а не зависеть от других стран, в особенности от Ирана. Такова региональная обстановка.

А мировые игроки тоже известны. Это, конечно, Израиль, США, страны НАТО, Россия, Китай и другие страны. Страны Арабского полуострова во главе с Саудовской Аравией - союзники США. Это факт. И Турция тоже является союзником США (Турция - член НАТО). Но, это не означает, что у них нет своих собственных интересов. Между Саудовской Аравией и США существуют определённые разногласия по вопросу ситуации в Ираке. Саудовская Аравия обвиняет США в том, что вторжение американцев во

время правления Буша младшего в Ирак привело к тому, что американцы, фактически, подарили Ирак Ирану. И у неё есть большие претензии к США в этом плане. Поэтому Саудовская Аравия давит на США, чтобы они вытащили Сирию из-под влияния Ирана, потому что, если Иран будет продолжать доминировать над Ираком и Сирией, то это вызовет большие политические проблемы для стран арабского полуострова - и для Турции, и для Египта. Вероятно, сейчас американцы и страны НАТО поняли, что они оказали большую услугу Ирану в результате вторжения в Ирак. США и другие страны Запада, конечно же, интересуют безопасность Израиля и прислушиваются к мнению этой страны.

С одной стороны, Израиль хочет, чтобы Башар Асад остался у власти. Потому что с его правительством можно договориться. Кто будет после Асада неизвестно. Оппозиция придёт к власти с новыми требованиями и может создать для Израиля новые проблемы. Поэтому для них лучше Башар Асад. Тем более, что со времён его отца, на протяжении более 40 лет, никаких военных конфликтов с Израилем не было. Они очень хорошо знали внутреннюю атмосферу сирийского правительства, и этим Башар Асад был очень удобен. Израиль давит на США, чтобы правительство Асада осталось у власти. Но, с другой стороны, Израиль заинтересован в том, чтобы Сирия вышла из-под влияния Ирана. Иногда высказывается мнение, что вслед за падением правительства Асада может случиться распад Сирии на малые этноконфессиональные государства, что приведёт к ещё большей дестабилизации обстановки в регионе в целом [6, с. 18].

Правительство Башара Асада проводило политику дискриминации по отношению к курдам. Многие курды не имели никаких прав, были лишены гражданства. Политика правительства была такой, что курды не воспринимались как граждане Сирии. Их считали беженцами из Турции и Ирака. Оппозиция вопрос о предоставлении им гражданства находит справедливым. Стоит отметить, что Дамаск играл двойную игру с курдами. С одной стороны, он проводил политику их дискриминации и подавления. С другой стороны, он использовал курдскую карту против Турции. Отец Башара Асада на протяжении многих лет финансировал и поддерживал Курдскую рабочую партию. В 1998 году Турция пригрозила вторжением в Сирию, требуя от Хафеза Асада прекратить эту поддержку и финансирование, не вмешиваться во внутренние дела Турции. Оджалан, который сейчас находится в тюрьме в Турции, свободно проводил свою деятельность на территории Сирии. Сирия пошла на уступки Турции и выдала Оджалана. После этого Сирия потеряла доверие курдов [7, с. 20]. Но, сейчас Башар старается опять разыграть эту карту, вновь пытается финансировать и поддерживать партию.

Главная ошибка оппозиции в том, что они находились под сильным влиянием событий в Ливии, где страны Запада очень быстро мобилизовали свои силы и сыграли основную роль в свержении правительства Муаммара Каддафи. Сирийская оппозиция считала, что также будет и в Сирии. А надо

было изначально опираться на свои силы. Дальнейший ход событий показал, что никто из региональных и мировых игроков не будет вмешиваться. Но, с другой стороны, мы видим, что Иран ведет активную деятельность в Сирии. Для Ирана этот конфликт - битва за Иран, потому что в самом Иране проблем немало, и если правительство Асада рухнет, то Иран может постичь та же участь.

Список литературы

- 1 Гасратян М.А. Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI в. - М., 2010.
- 2 Долгов Б. Арабская весна: итоги и перспективы. – Режим доступа URL: http://www.perspektivy.info/book/arabskaja_vesna_itogi_i_perspektivy_2012-04-19.htm - (дата обращения 17.09.2014).
- 3 Комлева Н.А. Арабская весна: геополитический аспект. – Режим доступа URL: http://www.philos.lv/Citu_raksti/Arabskaja.html - (дата обращения 19.09.2014).
- 4 Хабиб Имад М. Х.Асад и проблема демократического мироустройства. – Дамаск, 2009.
- 5 Hinnebusch R.A. Syria: Revolution from Above. Contemporary Middle East. - London - New York: Routledge, 2011.
- 6 Ozay Murat Aydogdu. Fourty five years of Turkish foreign policy towards Syria: Under the shadow of Union of Soviet Socialist Republics (USSR). - Istanbul, 2009.
- 7 Barr, Cameron W. Syrian Test new signs of freedom // The Christian Science Monitor. 13.02.01. – Режим доступа URL: <http://www.csmonitor.com> – (дата обращения 11.09.2014).

Р.Р. Тажиев,

Абылай хан ат. ҚазХКЖӘТУ, Алматы, Қазақстан

Сирияның саяси оппозициясының сипаттамасы

Бұл мақалада Сириядағы болып жатқан дағдарыстың шығуының саяси-элеуметтік негізі қарастырылған. Міне жарты ғасырдай Сирияны бір әулеттің өкілдері басқарып отыр. Осы күнге дейін дағдарысқа деген бірнеше көзқарас бар соның бірі бұл дағдарысты негізінен шиіттік-сунниттік майдан деп баға беру, ал мәселені батыс зерттеушілері болса бұған басқа тұрғыдан қарайды. Батыс әлемі үшін Сириядағы жанжалдың шығуының басты мақсаты елдегі саяси-элеуметтік жағдай.

Сириядағы болып жатқан соңғы оқиғалар демократиялық саяси оппозицияның өз позицияларын радикалды исламшылдарға беріп қойғанын көрсетеді. Күні кеше Женевадағы басталған конференция барысында Сириядағы саяси оппозицияның ұзақ уақытқа арналған жоспарларының жоқтығы, және демократиялық күштердің өз ара қарым қатынастарының нашар екендігін көрсетті.

Сондықтан Сирия дағдарысын Араб көктемiнiң бiр көрiнiсi ретiнде көрсете отырып осы елдегi саяси оппозицияға шолу жасалды.

R.R. Tazhiyev

Ablai khan KAUIR&WL, Almaty, Kazakhstan

Characteristics of the Syrian political opposition

This article discusses the socio-political framework of the Syrian crisis. For the past half a century power in Syria is in the hands of one dynasty and one party. Approaches to study the crisis are different: for some crisis is a consequence of the confrontation on religious grounds, while for the western countries the source of the conflict is the regime of Bashar al-Assad.

Recent events in Syria have shown that the democratic opposition is gradually losing position and yields it to radical Islamist groups. The conference recently began in Geneva has shown that the democratic forces do not have long-term program, and there is no common position. Considering the conflict in Syria as part of the "Arab Spring", I would like to give a characterization of the political opposition to the Assad regime.

УДК 327

А.Ж. Байхожаев, к.и.н.,

кафедра «Международных отношений», КазУМОиМЯ имени Абылай хана,
Алматы, Казахстан

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВЕК В «ГЛОБАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ» БАРРИ БУЗАНА И ДЖОРДЖА ЛОУСОНА

В данной работе проводится обзорный анализ статьи Б.Барри и Дж. Лоусона «Глобальная трансформация: девятнадцатый век и формирование современных международных отношений». Авторы статьи считают, что в отличие от многих других обществоведов, теоретики международных отношений недооценивает влияние 19-го века на свой основной предмет изучения. Работа Б.Бузана и Дж. Лоусона восполняет этот пробел и рассматривает тенденции девятнадцатого века, в которых процессы индустриализации, рационального государственного строительства и идеологии прогресса способствовали дестабилизации существовавших форм порядка и продвижению новых институциональных образований.

Ключевые слова: история международных отношений, глобальная трансформация, «долгий девятнадцатый век», современная система международных отношений, Барри Бузан и Джордж Лоусон

Понятие «глобальная трансформация» появилось в 60-х гг. XX века в трудах американских и французских политологов. Представители разных научных школ и течений этот термин понимают и используют по-разному. Широко используемое его значение заключается в специфике современного этапа глобализации, характеризующейся высокой интенсивностью воздействия во всех областях общественной жизни. Наиболее известным теоретическим трудом, посвященной этой теме является книга британских ученых: «Глобальная трансформация: политика, экономика, культура» Д.Хелда, Э.Макгрю, Д.Гольблатта, Дж. Перратона [1].

Эту тему, различные ее аспекты развивают и другие социологи, политологи. Среди них специалисты по международным отношениям - Барри Бузан и Джордж Лоусон. Барри Бузан – профессор Лондонской школы экономики и политических наук, видный представитель английской школы теории международных отношений, автор многочисленных статей и монографий по истории и теории международных отношений. Основная идея в научных трудах Барри Бузана заключается в том, что также как люди живут в обществах, которые они сформировали, также и государства живут в международном обществе, которые они формируют. Джордж Лоусон – профессор той же школы, несмотря на молодой возраст, автор многих работ по социологии и международным отношениям.

Плодом научного содружества этих ученых является планируемая к выпуску в январе 2015 года книга: «Глобальная трансформация: история, современность и формирование международных отношений» («The Global Transformation: History, Modernity and the Making of International Relations»). Некоторые концептуальные идеи данной книги опубликованы еще в 2012 году, в статье: «Глобальная трансформация: девятнадцатый век и формирование современных международных отношений» («The Global Transformation: The Nineteenth Century and the Making of Modern International Relations»).

В своих последних работах, посвященных глобальным изменениям современности, профессор Б.Бузан склоняется к мысли, что самые серьезные события произошли в XIX веке. Ученый считает, что хотя точкой отсчета для современных событий является 1648 год (Вестфальский мир), наибольшие преобразования, которые сформировали современный мир, произошли в девятнадцатом веке. Эта была модернизация, повлекшая за собой глубокую трансформацию международного общества.

В статье «The Global Transformation: The Nineteenth Century and the Making of Modern International Relations», написанной в соавторстве с Джорджем Лоусоном, профессор Барри Бузан аргументирует свою концептуальную идею историческими фактами и событиями так называемого «долгого 19-го века».

Авторы вышеуказанной научной статьи считают, что в отличие от многих других обществоведов, теоретики международных отношений недооценивает влияние 19-го века на свой основной предмет изучения. В результате этого

упущения специалисты - международники не в состоянии понять, каким образом глубокое изменение конфигурации власти в период "долгого 19 века" способствовало оформлению основных характеристик современного международного мироустройства.

Работа Б.Бузана и Дж.Лоусона восполняет этот пробел и рассматривает тенденции девятнадцатого века, в которых процессы индустриализации, рационального государственного строительства и идеологии прогресса способствовали дестабилизации существовавших форм порядка и продвижению новых институциональных образований [2]. Усилившийся характер милитаристской внешней политики государств используется для иллюстрации этих изменений.

В статье делается вывод о том, что некоторые концептуальные положения теории международных отношений могут быть заново сформулированы посредством более четкого понимания "глобальной трансформации".

Авторы статьи считают, что отсутствие внимания специалистов на девятнадцатый век ослабляет основы теории международных отношений. Большая часть тематики дисциплины – от проблем суверенитета и неравенства до обширной тематики политической экономии, межгосударственных взаимодействий и военных отношений – имеют свои корни в динамических преобразованиях 19-го века.

Действительно, основные даты, вокруг которых построена традиционная история международных отношений, это – 1500 год (открытие морских путей из Европы в Америку и Индию), 1648 год - (возникновения современного Вестфальского понятия «суверенитет»), 1919 и 1945 годы (две мировые войны и начало холодной войны как главные противостояния за мировую гегемонию), и 1989 год (окончание холодной войны и биполярности). По мнению Бузана и Лоусона эти даты не раскрывают основную динамику, которая установила современный международный порядок.

Более того, эти обычно используемые исторические ориентиры не только не являются точными, но и дают ложное направление исследователям. Они подчеркивают распределение власти, не сосредотачиваясь на основных режимах власти; они сосредотачиваются на воздействии войн, не принимая во внимание общественное развитие, которое дало им начало.

Как только признается масштабность изменений, произошедших в течение 19-го века, становится понятным, что современный миропорядок определен не только движущими силами, являющихся последствиями 1500, 1648, 1919, 1945, или 1989 годов. Человечество живет и, вероятно, все еще будет жить в течение определенного времени в мире, определенном последствиями 19-го века.

Таким образом, чтобы теория международных отношений достигла более четкого понимания основной области исследования, глобальная трансформация 19-го века должна оказаться в центре внимания исследователей.

Ученые рассматривают причины этого упущения и приводят аргументы, почему этот пробел создает трудности для понимания формирования и институционализации современного международного порядка. Аргумент первый заключается в том, динамичная последовательность изменений, происходивших в течение 19-го века, переплелась в мощной конфигурации, которая изменила социальные основы глобального миропорядка; а второй аргумент - в том, вся эта конфигурация продолжает служить основой для большей части современных международных отношений.

В дополнение к этому, авторы работы уточняют, что говоря о «19-м веке», они не имеют в виду стандартные рамки международных отношений 1815-1914 годов. Они расширяют хронологические рамки условного «девятнадцатого века», включая некоторые аспекты конца предшествующего 18-го века, видят его продолжение непосредственно в 19-м веке, и затрагивают первые десятилетия 20-го века. Данное понимание сродни понятию «долгого 19-го века» Эрика Хобсбома, с его началом условного периода от революционных событий в Америке, Франции и Гаити до Первой мировой войны в окончании [3, с. 28].

Б.Бузан и Дж.Лоусон пишут об опасности заявлений о том, что новое время уникально европейским развитием, являющимся результатом эндогенных цивилизационных событий. Напротив они соглашаются с теми, кто заявляет о том, что многие процессы, которые сформировали исторически определенную конфигурацию «глобальной модернизации», были порождены за пределами Европы.

Европейское развитие было асинхронным и интерактивным, порожденное участием «разнородных сообществ» народов, институций и методов. К примеру, британское развитие опиралось на позиции имперского центра с экономикой, вскормленной сырьевым материалом, полученным от принудительной практики (рабство, кабальный труд и плантационное хозяйство) [4, с.101]. Авторы статьи подчеркивают, что не поддерживают евроцентристское мнение о «европейском чуде».

Имея в виду предпосылки важных процессов 19-го века, они подчеркивают взаимосвязанный характер индустриализации, рационального государственного строительства и идеологии прогресса, которые были порождены внешними и внутренними процессами, происходившими в северо-западной Европе в конце 18-го века.

Под индустриализацией авторы понимают коммерциализацию сельского хозяйства и двухэтапную промышленную революцию, которая породила тесно связанный мировой рынок. Расширение рынка принесло новые возможности для сосредоточения власти, не в последнюю очередь из-за тесной связи между индустриализацией, изменением прав собственности и форм эксплуатации. Действительно, индустриализация в одних государствах (например, Великобритания) переплеталась со значительной деиндустриализацией других (к примеру, Индия).

Под рациональным государственным строительством Бузан и Лоусон подразумевают процесс, когда многие административные и бюрократические полномочия развивались в пределах национальных территорий.

Наконец, под «идеологией прогресса», исследователи понимают учения, основанных на идеалах прогресса, такие как современный либерализм, социализм и национализм, и которые в частности были связаны с понятиями эпохи Просвещения. Тем не менее, в очередной раз проявилась темная сторона некоторых из этих идеологий – прогресс был тесно привязан к «цивилизации», что оправдывало принудительные методы против «варваров» - «неудачников».

Указанные институциональные изменения способствовали образованию существенного разрыва между развитием нескольких европейских государств и остальной части мира. К концу 19-го века четыре государства (Великобритания, Франция, Германия и Соединенные Штаты) обеспечивали две трети промышленного производства в мире. Одна из этих держав, Великобритания, стало первой мировой супердержавой, гражданами которой являлась четверть населения планеты, как своих граждан, и пропорционально столько же территории [5, с. 58].

Б.Бузан и Дж.Лоусон также отмечают, что не все изменилось в течение 19-го века: сельское хозяйство и неуглеродное производство осталось важным компонентом большинства экономических систем. В частности, в Европе (за исключением Великобритании) даже в 1900 году от одной четверти (например, Голландия) и до двух трети (к примеру, Италия) населения работало в сельском хозяйстве.

Интенсивная торговля, улучшение транспортных систем и систем связи, а также колониальные методы, создали более сплоченную, более интегрированную международную систему. Как следствие, уровни взаимозависимости возросли, делая общества более открытыми событиям в другом месте. Однако, в течение 19-го века, разрыв развития между обществами еще более увеличился, чем когда-либо прежде [1, с.42].

Образовавшееся неравенство в развитии способствовало появлению иерархического международного порядка, учреждение которого определяет основную общность между 19-м веком и современным миром.

Для иллюстрации своих утверждений Бузан и Лоусон приводят в общих чертах ряд важнейших событий так называемого «долгого 19-го века»:

- 1789 год: Французская революция развивает принципы республиканства и народного самоуправления, противостоящих династийному и аристократическому управлению. При этом используя новые средства организации, такие как «levée en masse» (мобилизация масс).

- 1840 год: Эта дата ярко показывает, как торговля тканью между Индией и Великобританией полностью изменилась, иллюстрируя перемену в торговых отношениях между Европой и Азией, с учреждением неравных отношений между индустриальным центром и периферией сбыта товара.

- 1842 год: Первая Опийная война показала, что британцы одержали верх над наиболее сильной классической азиатской державой, установив существенное неравенство в военной силе между центром и периферией.

- 1857 год: индийское восстание 1857 года вынуждает Великобританию взять на себя формальное управление субконтинентом, что привело позднее к антиколониальным движениям.

- 1859 год: спуск на воду французского броненосца «La Gloire» открывает эпоху промышленного производства вооружения. Начинается гонка за постоянное технологическое улучшение оружия. Это становится основным фактором в военных отношениях между великими державами.

- 1862 год: британский Закон о компаниях означил сдвиг в сторону создания фирм ограниченной ответственности, открывая путь к формированию транснациональных корпораций, как влиятельных акторов международного сообщества.

- 1865 год: Международный Телеграфный Союз становится первой постоянной межправительственной организацией, символизируя появление постоянных учреждений глобального управления.

- 1866 год: открытие первого трансатлантического телеграфного кабеля связывает планету быстрой коммуникацией.

- 1870 год: объединение Германии служит признаком утверждения национализма как институции международного сообщества, а также выдвигает на первый план централизацию в распределении власти.

- 1884 год: Международная меридианная конференция устанавливает мировое стандартное время, что послужило улучшению интеграции торговли, дипломатии и коммуникации.

- 1905 год: Япония одержала победу над Россией и становится первой неевропейской (азиатской) великой имперской державой [2, с. 18].

Указанные исторические даты помогают ориентировать международные отношения в ряде спорных вопросов, согласно современным реалиям:

- а) возникновение и институционализация международного порядка центр - периферия, который был вначале установлен в период глобальной трансформации;

- б) пути глобальной модернизации, которые послужили укреплению внутриобщественных взаимоотношений. Вместе с тем они также и углубили различия между обществами;

- в) взаимосвязи между войной, индустриализацией, рациональным построением государства и стандартами цивилизации;

- г) центральная роль, которую играют идеология прогресса с ее узакониванием существующей политики, начиная от научных достижений до принудительного вмешательства;

- д) централизация имперской политики и сопротивление формированию современного международного порядка.

Исследователи утверждают, что изучение процессов, происходивших на внутреннем социальном уровне, международных тенденций и событий

периода 19-го века, являются ключом к пониманию особенностей формирования современного международного сообщества и основных черт современных международных отношений. В таком случае, теория международных отношений нуждается в переосмыслении многих основных сфер своих интересов и пересмотре большей части вопросов, актуальных для сегодняшнего дня.

Список литературы

1 Global transformations: politics, economics, culture / David Held, Anthony G. McGrew, David Goldblatt, Jonathan Perraton. - Stanford University Press, 1999. - 556 p.

2 Buzan, Barry, Lawson, George. The global transformation: the nineteenth century and the making of modern international relations // International studies quarterly. – 2013. - 59 (1).

3 Международные отношения: теории, конфликты, движения, организации: учебное пособие / под ред. П.А. Цыганкова. – Москва, 2007.- 128 с.

4 Сирота Н.М. Глобализация: политические аспекты: Учебное пособие. - СПб.: ГУАП, 2007. - 184 с.

5 Hutton Will. Them and Us. Changing Britain. - Little, Brown Book Group, 2011. - 446 p.

Ә.Ж. Байқожаев

Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ, Алматы, Қазақстан

Барри Бузан, Джордж Лоусонның

«ғаламдық трансформациясындағы» он тоғызыншы ғасыр

Мақалада Б.Барри және Дж.Лоусонның «Ғаламдық трансформация: он тоғызыншы ғасыр және қазіргі халықаралық қатынастардың құрылуы» атты ғылыми жұмысына талдау жасалынды. Авторлардың пайымдауынша, халықаралық қатынастар теориясын зерттеушілер өз ғылыми жұмыстарында ХІХ ғасырға мән бермей келеді. Екі ғалым осы кемшілікті толықтырып, он тоғызыншы ғасырға байланысты өнеркәсіптің дамуы, мемлекеттіліктің құрылуы және прогрессивтік идеологиялардың таралуы ескі саяси тәртіптердің орнына жаңа институциялық құрылымдардың қалыптасуына жол ашқан процесстерді зерттейді.

A.Zh. Baikhozhayev

Ablai khan KAUIR&WL, Almaty, Kazakhstan

B.Buzan & G.Lawson's 'global transformation' and 19th century

B. Barry and G. Lawson in their paper 'The Global Transformation: The Nineteenth Century and the Making of Modern International Relations' consider that unlike many other social sciences, International Relations (IR) spends

relatively little time assessing the impact of the 19th century on its principal subject matter. Their work examines the extent of this lacuna and establishes the ways in which processes of industrialization, rational state-building, and ideologies of progress served to destabilize existing forms of order and promote novel institutional formations.

УДК 37 (378)

Н.Д. Мырзатаев

з.ғ. магистрі, Абылай хан атындағы ҚазХҚЖӘТУ,
Алматы, Қазақстан

МАГИСТРАНТТАРҒА АССИСТЕНТ ДӘРЕЖЕСІН БЕРУДІҢ ҚҰҚЫҚТЫҚ АСПЕКТІСІ

Жоғары білім беру жүйесінің интеграциялануы, жоғары оқу орнында сапалы білім беру мәселесінің өзектілігін арттырып отыр. Сапалы маман дайындау мен тәрбиелеуде университеттердің алдына жаңа міндеттер қоюда. Олардың ішіндегі жоғары білімнен кейінгі білім беру жүйесіндегі магистранттардың білімі мен біліктілігін, беделін көтеру басты орынға ие болып отыр. Мақалада қазіргі қолданыстағы заңнамалардағы олқылықтарды айқындап, тәжірибеде қолдану деңгейі ашып көрсетілген және ұсыныстар енгізілген. Автор отандық университеттерде магистранттардың рөлі мен орнын анықтауға әрекет жасаған.

Түйін сөздер: жоғары және жоғары оқу орнынан кейінгі білім, магистрант, ассистент, мемлекеттік стандарт

Жалпы білім саласын реттейтін негізгі құжат – Қазақстан Республикасының Конституциясынан бастау алатын баршаға мәлім. Ата заңның 30-бабының төртінші тармағынды: «Мемлекет білім берудің жалпыға міндетті стандарттарын белгілейді. Кез-келген оқу орнының қызметі осы стандарттарға сай келуі керектігі» белгіленген [1]. Конституциядан бастау алатын 2007 жылғы «Қазақстан Республикасының Білім туралы» заңы жалпы, орта, кәсіби, жоғары, жоғары білімнен кейінгі білім беру салаларын реттейтін отандық басты заң. Қазақстан Республикасының Білім туралы заңының 3-бабында: «баршаның сапалы білім алуға құқықтарының теңдігі, білім беру жүйесін дамытудың басымдығы; білім беру деңгейлерінің сабақтастығын қамтамасыз ететін білім беру процесінің үздіксіздігі» білім беру саласындағы мемлекеттік саясаттың негізгі қағидаттары болып бекітілген [2].

Қолданыстағы Қазақстан Республикасының білім турлы заңы жоғары және жоғары оқу орнынан кейінгі білім саласын реттейтін заңнамаларға негіз болып отыр. Қазіргі таңдағы білім берудің жоғары білімнен кейінгі, ең

маңызды орын алатыны – магистірлік білім беру саласы. Магистірлік білім беру саласын құқықтық реттейтін негізгі құжат – Қазақстан Республикасы Білім және ғылым Министрінің 2011 жылғы «17» маусымдағы № 261 бұйрығымен бекітілген Қазақстан Республикасының мемлекеттік жалпыға міндетті білім беру стандарты жоғары оқу орнынан кейінгі білім. Магистратура. Негізгі ережелер ҚР МЖМБС 5.04.033-2011. (бұдан әрі стандарт) болып танылады. Мемлекеттік стандарт магистратураның білім беру бағдарламасы мазмұнына, білім алушының білім траекториясына, білімнің құрылымы мен мазмұнына, түлектердің алған білім деңгейі мен академиялық дәрежесін бағалауға қойылатын талаптарды белгілейді [3].

Бүгінгі коммуникация құралдарының қарқынды дамуы жоғары білімнен кейінгі білім саласының жаһандану үдерісіне өз ықпалын тудырып, түрлі ұлттық-этникалық мәдениеттердің, жоғары білім беру ұйымдарының ғылым мен білімді халық игілігіне пайдаланудағы ұстанымдардың бір жерде тоғысуына алып келуде. Нәтижесі – жоғары және жоғары білімнен кейінгі білім саласының интерациялық жаһандануына әкелді. Мемлекеттік стандарт жоғары білім саласындағы халықаралық құжаттармен, ECTS қолданушыға басшылық бағдарламасының ұсыныстарымен (ECTS Users' Guide), «Европалық ЖОО-дағы білім құрылымдарын жөнге келтіру» ("Tuning Educational Structures in Europe") үйлестірілген.

Стандарт ережелері Қазақстан Республикасының магистранттарды даярлайтын нақты мамандық бойынша жалпыға міндетті білім беру стандартын әзірлейтін жоғары оқу орындары орындау үшін міндетті, олардың меншік түріне, ведомствалық бағыныштылығына, ұйымдық-құқықтық түріне тәуелсіз, міндетті түрде, сақталуы керек. Стандартты мемлекеттік басқару, аккредиттік органдар, ғылым және білім ұйымдарын аттестаттау және лицензия беру комиссиялары, мамандық бойынша оқу-әдістемелік секциялары (кеңес), тапсырыс берушілер мен қызмет берушілер пайдалана алады және магистранттарды дайындаудың сапасын саралауға негіз болады [3].

Аталған мемлекеттік стандартқа сәйкес әр бір жоғары оқу орны магистірлік білім беру саясатын университеттің ішкі ережелерімен негіздеп әр университет басшылығының қайта бекіту арқылы жүзеге асыруы көптеген өзекті мәселелерді туындатып отыр.

Алайда, жоғары білімнен кейінгі білім беру жүйесі де мемлекеттік стандарттың шегінде меншік түріне қарамастан, барлық жоғары оқу орындарында бірдей заңдық күші бар және тікелей орындалуы тиіс. Мемлекеттік стандарт барлық университеттерге ортақ болғандықтан, оған әрбір жоғары білім беру мекемесі, өзінің ішкі ережесі негізінде, өз басқару саясатын жүргізу мақсатында білімгердің әлеуметтік-экономикалық жағдайын нашарлататын норманы енгізу тиімсіз. Біздің ойымызша, ұлттық, мемлекеттік, жекеменшік, автономиялық университеттің ішкі ережелері, нормативті сілтемелер бойынша, ҚР Конституцияның 30 бабының 4-ші тармағына тиісінше, сәйкестендіріп өзгерту қажет. Мысалыға, ҚР білім туралы заңының 3-ші бабының 10-шы тармақшасында: «білім беру

ұйымдарының меншік нысандары, оқыту мен тәрбиенің нысандары, білім беру бағыттары бойынша алуан түрлі болуы» көрсетілген [2]. Мемлекеттік стандарттың 4.2 тармақшы бойынша Қазақстан Республикасының жоғары оқу орындарында магистрлерді даярлау төмендегі құжаттарға сәйкес іске асырылады:

- осы стандарттың негізінде жасалатын магистратураның мамандықтары бойынша жоғары оқу орнынан кейінгі мемлекеттік жалпыға міндетті білім беру стандарттарына;

- Қазақстан Республикасының жоғары және жоғары оқу орнынан кейінгі білім мамандықтарының жіктеуішіне;

- жұмыстың оқу жоспарлары мен академиялық күнтізбе;

- магистранттың жеке оқу жоспарлары;

- пәндер мен силлабустар бойынша оқу бағдарламалары [3].

Демек, мемлекеттік стандарт негізінде әр оқытушы жасайтын оқу жоспары мен оқу әдістемелік құрал, академиялық күнтізбе, силлабустар, оқу бағдарламалары және пәннің типтік бағдарламасын жасауына ғана шығармашылық еркіндік берілуі тиіс және ол, авторлық интеллектуалды құқық болғандықтан, ақы төлеу жүйесі де мемлекеттік стандартпен бекітілуі қажет.

Қазіргі таңдағы білім және ғылым саласындағы өзекті мәселенің бірі – магистранттар мен доктарантарға сапалы білім беруге қол жеткізу әдістерінің тетіктері мен жолдары іздестірілуде. Отандық магистранттары мен доктаранттары ие болған диплом дүние жүзінде танылып, мамандар алдыңғы, дамыған елдермен бәсекелестікке түсе алуын көздейтін жасампаз елміз. «Магистр» академиялық дәрежесін тағайындау туралы Қазақстан Республикасы құжаттарының халықаралық білім беру кеңістігінде және халықаралық еңбек нарығында танылуын қамтамасыз ету. Осындай мақсатқа қол жеткізу үшін магистранттардың беделін арттыру жолында, ең алдымен, құқықтық негізден бастау алуы қажет. Мемлекеттік стандартқа магистранттардың құқықтық дәрежесін жан-жақты көтермелейтін нормаларын енгізген жөн.

Магистратураның білім беру бағдарламасының құрылымы – әртүрлі білім беру мазмұнын анықтайтын оқу және ғылыми жұмыс, практика түрлерінен құралады, олардың өзара ара-қатынасын, өлшемі мен есебін көрсетеді [3].

Қазіргі қалыптасқан жағдайда магистірлік оқу бағдарламаларының бакалаврлік оқу бағдарламаларынан айырмасы шамалы. Магистранттың оқу бағдарламасы бакалаврлық дәрежедегі білімді қайталамауы тиіс. Магистрант пен доктаранттың ғылыми жұмысы және білімі, тек, диссертация шеңберінде ғана бағалануы дұрыс емес. Бұндай біржақты бағалау ізденушінің ғылыми жұмыс аясы шеңберін тарылтады. Жас ізденуші диссертация бойынша ғана теориялық ғылыми ізденіс жасаумен шектеледі. Біздің ойымызша керісінше, магистранттың ғылыми ізденісінің шеңберін кеңейту қажет. Стандарт бойынша бекітілген тәжірибеге бөлінген академиялық сағат саны жеткіліксіз. Сондықтын да, тәжірибелік, ғылыми шығармашылық, өзіндік жұмыс сағат

санын арттыруды қажет етеді. Педагогикалық қызметпен айналысып жүрген ғылыми педагогикалық бағыттағы магистранттарға немесе педагогикалық еңбек өтілімі бар білімгерлерге жұмыс орнынан анықтама өткізу арқылы, қажетсіз қайталанатын педагогикалық практика сағатын өзге тәжірибе түрімен ауыстыруға құқық берген жөн. Стандарттағы педагогикалық тәжірибелік сағат саны орнына, өзіне қажетті шетелдік немесе ғылыми зерттеу практикасымен айналысуға таңдау құқығы берілуі қажет.

Магистратураның білім беру бағдарламасының мазмұнына теориялық оқыту, базалық және кәсіптік пәндер циклдерін оқыту кіреді. Базалық, кәсіптік, таңдау пәндерін теориялық оқыту үшін, университеттерде арнайы үш тілде оқулықтармен қамтамасыз етуді университет басшылығына заңмен міндеттеу қажет. Үш тұғырлы тіл саясаты қазіргі Елбасының отандастарымыздың жас ізденушілердің алдына қойып отырған міндеті екенін университет басшылығы ескерсе екен. Бір өкінішті жайт, бүгінгі заман талабына сай келетін бір де бір отандық құқықтық мамандықтары бойынша білім алушы магистранттарға, докторанттарға арналған үш тілде жазылған арнайы оқу құралдары, оқулықтар, әдістемелік оқу құралдары және т.б. отандық университеттер кітапханасында жоқтың қасы.

Магистрлердің кәсіби тәжірибесінің (педагогикалық немесе зерттеу тағлымдамасы); сағат санын арттыру қажет. Қазіргі ЖОО-да өндіріспен байланысы жоқ көптеген мамандықтардың бары даусыз. Сондықтан да, жоғары оқу орындары басшылары әр мамандықтың тікелей өндіріспен байланысын оңтайлы қалыптастыруы қажет. Тікелей өндіріспен немесе ғылыми зерттеу жобаларымен байланысы жоқ мамандықтардағы магистратура мен докторантураға мемлекеттен бөлінген қаржыны ел қазынасына қайтару жолын да Қазақстан Республикасының білім туралы заңымен айқындап кеткен жөн. Себебі берілген жоғары білімнен кейінгі білім тек теориялық бір жақты болып келеді де, нәтижесінде түлектер өндіріс орнында қалай жұмыс жасау керектігін білмей шығады. Теориялық білім мен тәжірибе ұштаспаған салада жоғары білімнен кейінгі білім мен ғылымның сапасы артпасы айдан анық. Мұндай мамандар жұмыс берушілердің де сұранысына ие болуы екіталай. Алайда, аталған мәселені Қазақстан Республикасының лицензия беру туралы заңына тиісінше толықтыру енгізу арқылы жетілдіруге болады. Сонымен қатар түйінді мәселені шешу біріншіден, жоғары білімнен кейінгі білім беру мекемелеріне теориялық білім беру сағаты мен тәжірибелік сағат санын теңестіруді заңмен яғни мемлекеттік стандартпен бекітуді қажет етеді. Екіншіден, жоғары білімнен кейінгі білім беру мекемелеріне теориялық білім беру мен тәжірибелік ғылыми зерттеу орталықтарының болуын міндеттеу немесе лаборатория, полигон ошақтары және өндіріс орындармен тығыз байланысын анықтайтын құжаттары болған жағдайда ғана лицензия беру тәртібін енгізу қажет.

Елбасының үкімет пен білім және ғылым министрлігінің алдына қойған міндетінің ең бастысы - сапалы білім беру және дипломдарымызды әлемнің мойындауы еді. Жоғары білім беруден кейінгі білім саласына да дәл осындай

талап қойылған болатын. Әр салада да, Елбасы айтқандай, ел үмітін ақтайтын білімді де білікті басшы қажет. Әр түрлі деңгейдегі басшы, менеджер кәсіби жан-жақты жетілген кәсіби маман болу керек. Ал ол мамандар университет қабырғасында, магистратура мен докторантурады өз білімі мен біліктіліктерін шыңдайтындығын университет басшылығы ескерсе. Сапалы жоғары білімге қалай қол жеткізуге болатынын қоғамда әр-түрлі пікірлер қалыптасып, олар қызу талқылануда. Мамандардың пікірінше бірі – тарихи қалыптасқан жоғары білім жүйесіне түбегейлі өзгертулер енгізу арқылы жасампаздықпен отандық жоғары білімді әлемдік арнаға апарамыз деседі. Ал және бірі университеттегі материалдық техникалық жағдайдың әлемдік деңгейдегі университеттермен тең дәрежеде болмауы ең басты себеп деп көрсетеді. Шетелдік мамандарды тарту арқылы мәселенің түйінін шешуді ұсынған мамандар да баршылық. Алайда қазақстандық жоғары білім беру әлемдік бәсекелестіктің шаңында қалмау үшін, біздіңше, білім беру саласының ең негізгі белсендісі, басты орын алатын тұлға - оқытушы-профессорлық құрам болғандықтан оларға ерекше мәртебе бергеніміз абзал. Басшы немесе менеджер, жабдықтаушы құралдар, қосымша қызмет көрсетуші тұлғалар - білім сапасын арттыруға көмектесушілер ғана екені баршаға мәлім. Дейтұрғанмен, қалыптасқан қазіргі жағдайда оқытушы құрамның мәртебесі аталған тұлғаларға қарағанда әлеуеті екі саты кейін тұруы сапалы білім беруге кері септігін тигізуі сөзсіз. Сондықтан да, отандық оқытушы-профессорлық құрамды жан-жақты көтермелеу мен мәртебесін асқақтатуымыз керек. Ұстаздар мен ғалымдарға кез-келген елде және қай заманда, да болмасын құрметпен бас иген. Мысалы: Түрік билеушісі Явуз Сұлтан Сәлім Мысырдан қайтып келе жатқанда жанында атақты дін ғалымы Ибн Кемалмен бірге балшық жерден өтіп бара жатады. Ибн Кемалдың астындағы аттың аяғынан шашыраған балшық Явуздың киімдерін ластап, Ибн Кемал қысылып ұялады. Ұстаздың қысылып, қымтырылғанын көрген Явуз Сұлтан Сәлім: «Қысылма ұстазым! Ғалымның атының аяғынан шашыраған балшық – біз үшін сәнді әшекей. Бұл көйлек осы балшығымен сақталып, өлгенде табытымның үстіне қойылсын» деп өсиет айтып, ғалымдарға деген құрметтің үлгісін көрсетіпті [4, 13 б].

Сауфа – Исламдағы ағашқы университет. Бұл жерде пайғамбар өзі сабақ берген. Бәдір соғысында тұтқынға түскендерге 400 дирхам құн белгіленгенде, құн төлеуге ақшасы жоқ сауаты бар тұтқындар мәдиналық он балаға оқу-жазуды үйретіп азаттық алатын болған [4, 35 б].

Қазақстандағы ислами білім беру жүйесінің ерте орта ғасырлардан басталған мың жылдан аса тарихы мен тәжірибесі бар. Ең алғашқы ислами орта оқу орындары болған медреселердің араб жерінде емес, Түркістан өлкесінде пайда болғаны тарихтан белгілі. Мұның басты себебі тілдік фактордың әсері болып табылады. Мұсылмандықты қабылдаған түркі халықтары үшін ислам дінінің негіздерін үйрену, шарифат заңдылықтарын түсіну, зерттеу, тарату талпынысын араб тіліндегі Құран Кәрімді, Мұхаммед

пайғамбар хадистерін, исламдық мәтіндерді игеру арқылы ғана жүзеге асыру мүмкін болып табылатын [5].

Исламда ғалымдарға деген құрмет ерекше. Ибн Масғұд: «Ғылымның жоғалуы ғалымдардың өлуінен болады. Аллах разылығы үшін өлген шейіттер ғалымдарға берілген жоғары дәрежелерді көргенде, ғалым болу үшін дүниеге қайта келуді тілейді» дейді [4, 14 б.].

Хасан Басри: «Ғалымдар болмаса, адамдардың басқа жан иелерінен айырмашылығы болмас еді. Өйткені олардың оқытуымен адамдар адамдық дәрежеге жеткен» дейді [4, 15 б.].

Хазірет Алидің «Ғылым – байлықтан қайырлы. Өйткені малды сен қорғайсың, ал ғылым сені қорғайды. Ғылым бағындырушы, байлық бағынушы. Байлық берсең азаяды, білім берсең көбейеді» деген екен.

Мұқтар Әуезов «Халық қанша бай болса да уақыт өте келе бүкіл байлығы білімді халықтың қолына өтеді» деуі жоғары білімнен кейінгі білімдінің болашағы мен түрлі мәселелерді қозғайтын терең ойлы мән жатқанын ұқтырады [4, 5 б.].

Ислам әлеміндегі жоғары оқудың қалыптасу тарихын екі бағытта қарасырған. Бірінші бейресми медреселер олар жалпы көпшілікке арналған. Қалаған адам оқып, қалаған адам оқытқан. Ал екінші ресми медреселер, оған Низамия медреселері жатады. Белгілі бағдарламамен оқытылатын, бітірушілерге мемлекеттік қызмет берілетін медресені ресми деп атаған. Сол кездегі қалыптасқан әрбір жоғары оқу орыны болған медреселер жанынан кітапхана, аурухана, асхана, моншасы да болған екен [4, 50 б.].

Кейбір ғалымдар Бәйтул-Хикманы алғашқы медресе деп санайды. Аббаситтер кезінде медресе термині қолданылмаған. Бұл термин алғаш IX ғасырда қолданыла бастап, ресми түрде мемлекеттік мекеме ретінде Қарахандықтар заманында қолға алынған. Ислам тарихшылары алғашқы деп 960 жылғы Нишабурада Әбул Уәлид Хасан ибн Мұхаммед әл-Умауи салдырған медресе екенін айтады [4, 49 б.].

Низамия медреселері жоғары білім беретін оқу орны еді. Сондықтан ол жеде кейіннен ашылған барлық медреселерде сабақ беретін мұғалімдер «мударрис» (профессор) деп аталды. Медреселердің кең тарауымен мударристер барлық жерде үлкен құрметке ие болды. Мударристерді әмірші немесе қорды құрған адам тағайындайтын. Низамия медресесінде мударрис болу үшін сол уақыттағы ең таңдаулы ғалым болуы, шет тілдерді білуі, діндар болуы керек еді. Әуелде оларды уәзірлер тағайындаса, кейіннен әміршінің бұйрығымен тағайындалатын болған [4, 56 б.].

Муид (ассистент) деп аталды. Араб тілінен келген сөз. Терминдік мағынасы мударристің сабағын қайталап, түсіндірме жасайтын көмекші. Медреселердің құрылуымен бірге муид пайда болып, Аюбилер заманында өте маңызды қызметке айналған. Барлық медреседе бір-бір муидтен болған. Кейбір медреселерде бір мударриске екі муид тағайындалған. Муидтер шәкіртердің тәртібін де қарайтын. Мысырда бір медреседе мударрис, басқа медреседе муид болып қызмет атқарғандар да болған. Муидтердің бұл

қызметті қанша жыл атқарғаны анық белгісіз болса да, шамамен, екі жыл болған деп айта аламыз [4,56 б.].

Муфид (доцент) деп аталды. Тек Мысыр медреселерінде болған. Муфид өтілген сабақтағы бөлімдерді қайталап кеңінен түсідірген. Суюти айтуынша муфид – мухаддистен жоғары хафыздан төмен дәреже. Алайда муфид термині бұл қызметтің тек қана хадиске байланысты емес, медресе оқытушылар құрамына да болғанын көреміз [4, 57 б.].

Тәлаба (шәкірт) деп аталды. Шәкірттің дені сау, зейіні ашық болуына қатты мән берілген. Осы себептен медресе мударристері тест дайындап, шәкірттерді қабілетіне қарай бөлек оқытатын. Шәкірттер саны 3 пен 100 арасында өзгеріп отырған [4, 57 б.].

Тарихқа көз салсақ оқытушы профессор құрамына құрмет қана емес оның қызметінің сапалы болуы үшін де әр түрлі жағдайдардың жасалғанына еріксіз куә боламыз. Ассистенттер - профессордың сабағын қайталап, түсіндірме жасайтын көмекші педагог қызметкер немесе болашақ ғалым болудың ірге тасын ертеден тәжірбемен теорияны үйлестіре білген ғылыми ізденуші.

Қазіргі қалыптасқан жағдайда магистратураға оқуға түсушілердің басым бөлігі, біріншіден, қоғамдағы еліктеу, шен алуға деген жарысу үрдісіне айналса, екіншіден, жақсы жұмысқа кіру үшін де жұмыс беруші тарапынан талап етіп отырғандықтан ғана қажет. Үшіншіден, доктарантураға оқуға түсуге ғана заңдағы келеңсіз кедергі ретінде, амалсыздан, ат басын магистратураға бұруда. Бұл өз кезегінде магистрлердің заңды беделіне, жоғары білім беру сапасына кері әсерін тигізіп отыр. Сондықтан да, педагогикалық ғылыми бағыттағы магистранттарға екі жылдағы оқу барысында ассистент (фран. — assistant, нем. — assistent или assistenz), дәрежесін беру – қазіргі отандық жоғары білімнің интеграциялық жаһандануындағы көкейтесті мәселе.

Барлық алдыңғы қатарлы дамыған елдердегі және 17000 мың түрлі әлемдік университеттер арасындағы рейтинг бойынша да жүздікке еніп отырған жоғары оқу орындарында оқытушы-профессорлық құрамға көмекші ретінде ассистент қарастырылған. Ассистенттің атқаратын қызметі арнайы құжатпен айқындалып, оның құқықтары, міндеттерімен қоса қызметі және құзіреттілігі заңмен анықталған. Қазақстан Республикасында да, ғылыми бағытта оқуға түскен магистранттарға ассистент дәрежесін бере отырып, педагогикалық ғылыми бағыттағы мамандардың қызметінің мәні мен маңыздылығын, қоғамдағы рөлін артыру мен педагогикалық және ғылыммен айналысушылардың өзектілігін өрістетуіміз керек.

Магистрант болашақ маман педагогикалық ғылымға келушілерді 0,5 еңбек жүктемесімен ғана жұмыс жасау құқығын шектейтін норманы алып тастаған жөн. Себебі демократиялық, құқықтық, нарықтық қоғамда өмір сүре отырып адамның жоғары білімнен кейінгі білім алу үшін еңбек ету құқықтарын шектеуіміз қазіргі таңда өзекті мәселе.

Мемлекет еңбекпен жоғары білімді қатар алып жүру саясатын қолдап отыр. Мемлекеттік бағдарламалардағы теориялық білім мен ғылымды

ұштасыру - өзекті мәселе ретінде, күн тәртібінен түспей отырғаны осыған дәлел болса керек. Мемлекеттің үздіксіз білім беру бағдарламасы, өмір бойы білім алу бағдарламалары - жоғары білімнен кейінгі білімді дамыту саясаты – сапалы маманды дайындау, деп түсінуіміз қажет. Сондықтан да, қазіргі таңдағы жоғары оқу орындарының басшыларының ішкі ережелерімен «магистранттардың тек теориялық біліммен ғана айналысын, жұмыс жасамасын», деген саясаты еліміздің саяси бағдарламасына, нарықтық экономикалық жағдайға, жалпы жеке адам мен қоғам мүддесіне қайшы келіп отырғаны сөзсіз. Магистрант өз мамандағынан басқа мамандық таңдап және ғылым мен педагогикалық саладан басқа қызметтің түрімен айналысатын болса ғана ЖОО басшыларының рұқсатын алуы тиіс. Бірақ, өз мамандығы аясында кез-келген қызметке, егер, магистранттың оқуына кері әсерін тигізбейтін жағдайда ғана, рұқсат етілуі тиіс. Ал, магистрант сол университетте өзі таңдаған кафедрада қызмет жасауы, оның ішінде, ассистент оқытушы-профессорлық құрамға көмекші немесе кафедра мен факультеттегі толып жатқан қоғамдық жұмыстарды атқаруға волонтер (от лат. voluntarius — добровольно) ретінде ниет білдірсе, оған тиісінше қолдау жасап, еңбек етуге шектеу қоятын нормалардан босатылуы тетігін енгізуіміз тиіс. Әлеуметтік салаға қазына қаржысын жеткізе алмай, қаржыны үнемдеумен әлек болып отырған қазіргі үкіметтің экономикалық саясатына университеттер тарапынан қолдау болмай отыр. Қазіргі қалыптасқан жағдайда жоғары оқу орны басшылары магистранттар мен докторантура білімгерлерін факультет пен кафедрада тегін еңбекке тарту фактілері жиілеп, кең етек алып болды. Қандайда болмасын еңбек ол - қаржылай бағалануы тиіс болғандықтан, жоғарғы білімнен кейінгі білім алушыға ассистент ретінде жалақы төленуі тиіс. Міне, осындай, қолданыстағы келеңсіз ережелер, жоғары білімнен кейінгі білім саласында түрлі заң бұзушылыққа алып келуде. Білімгерлердің бірі заңды жұмыс жасап, бірақ тапқан табысын, жұмыс орнын жоғары оқу орынынан жасыруға тырысады. Енді бірі амалсыз мемлекеттің беретін степендия көлемінде өмір сүруге мәжбүр. Әрине, оны алатындар ғана, ал степендия алмайтын білім алушылар да баршылық. Коммерциялық бөлімде білім алушылар ата-ана мойнына «мінуіне» тура келеді және дипломын алғанша белшесінен қарызға бату да осы олқылықтардың әсерінен туындап отырған болса керек. Жоғарыда аталған заңдағы шектеулер және жоғары оқу орындары басшылығының дәл мұндай ішкі саясатымен Қазақсандық ғылым мен жоғары білімнен кейінгі білім беру сапасы қарыштап алысқа самғамасы анық.

Магистрант университетке қабылданған уақыттан бастап, өзі таңдаған мамандығы бойынша, тиісті кафедраға ассистент ретінде бекітілуі тиіс. Өз кезегінде, жоғары білімі бар бакалаврият мамандарына магистрант болу – үлкен мәртебе екендігіне көз жететіндей ету керек. Магистранттың кафедрадағы беделін айқындап, оны көтеру арқылы біз - жоғары білімнен кейінгі білім саласына деген қоғамда қалыптасқан келеңсіз көзқарастарды өзгертеміз. Өйтпегенде, магистірлік білімі жоқ оқытушы мен магистірдің білім дәрежесі заң бойынша тең. Себебі, екеуі де жоғары білімді және

дәрежесі тең бола тұра магистрантың ғылыммен, оқытушылық қызметпен айналысу құқығы бұзылуда және қосымша жұмыс жасау құқығынан шеттету - университет басшылығының оңтайлы шешімін қажет етеді. Магистрант пен докторанттарға заңдық тұрғыда өзіндік лайықты мән бермей, жоғары білімнен кейінгі білім мен ғылымның жетілуі мен өркендеуіне шектеу қойып отырғандай.

Білім алушы магистранттарға ассистент дәрежесін беру - қандай өзекті мәселелерді шешпек? - деген заңды сұрақ туындайды. Біріншіден, Қазақстанның жоғары оқу орындарындағы профессор, доктор, доцент, ғылым кандидаты т.б., ғылыми атағы бар оқытушы-профессорлық құрамы университеттегі, кафедрадағы әкімшілік, ұйымдастырушылық, т.б., қоғамдық және толып жатқан қағазбастылықтан, қосымша жұмыстардан айыруға бағытталуы тиіс. Ғылыми атағы бар оқытушы құрам дәріс оқу мен дәрістің сапасын арттыруға бағыттап, бар күшін ғылыми жұмыс жасауға сарп етуі қажет. Отандық оқулықтардың сапасын арттыру мен қажетті оқулықтар мен оқу құралдарын, әдістемелік құралдарды жазумен, зерттеп-зерделеумен айналысуы тиіс. Бұндай үрдіс еліміздің ЖОО оқытушы-профессорлық құрамның ғылыми атақ-дәрежесі бар тұлғаларың ғылыми потенциялын тиісті бағытқа жұмсауға үлкен мүмкіндік туғызады.

Екіншіден, білім алушы магистранттарды ЖОО-ның деканаттары мен кафедрада оқытушы-профессорлық құрамына көмекшілік қызмет етуге тарту - олардың теориялық білімдерін күнделікті тәжірибемен байланыстыра отырып, магистранттардың рөлін арттыру арқылы сапалы ғылыми педагогикалық тәлімгерге қол жеткізуге болады.

Үшіншіден, отандық ЖОО оқытушы-профессорлық құрамның оқу жүктемесін Болон декларациясына еніп отырған дамыған елдермен салыстыра қарасақ Қазақстандағы ЖОО-ғы жүктеме сағат саны әлдеқайда көп. Оқытушы-профессорлық құрамның оқу жүктемесін азайту арқылы да сан кумай, сапалы жоғары білімге ден қойғанымыз абзал. Университет қаржысын үнемдеу саясатын оқытушы құрамның жалақысы есебінен қолдану тиімсіздігін дәлелдеу артық деп ойлаймыз.

Төртіншіден, білімгер магистрант жоғары білімі бар, бірақ әлеуметтік жағынан қорғалмаған, болашағы зор, ғылыми потенциалы бар қоғамның мүшесі болғандықтан, жұмыспен қамту тетігін де шешкен жөн. Бір жағынан, азаматтық қызметкер дәрежесін иеленген тұлға ретінде, мемлекеттен түрлі жеңілдіктер алуға құқықтары болуы заңды деп ойлаймыз.

«Әрбір адам үйренгенімен амал етпейінше, оны тәжірибеде қолданбағанша, нағыз білім иесі - ғалым болып есептелмейді» [4]. Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің қабырғасында, педагогикалық ғылыми тәжірибеден өту барысында, ассистент қызметін өз тәжірибемде атқарып көрдім. Сонымен қатар, дәріс оқу мен тәжірибелік сабақтарда да, ассистент ретінде, бірінші курс магистрантары тартылды. Нәтижесі өте жақсы деп бағалауға болады. Бірақ, іс жүзіне асырғанда заң

нормасымен ассистент міндетін, құқығын, жауапкершілігін, атқаратын қызметінің шеңберін заңмен нақты айқындаған жөн.

Мемлекеттік магистірлік стандарттың жаңа жобасына «Ассистент дәрежесін беруді» енгізу және оны жүзеге асыруға жоғары оқу орнының стратегиялық бағдарламасын жасау қажет.

Өз кезегінде, аталған мәселенің қолданысқа енуі – Қазақстан Республикасының магистірлік білім беру сапасының артуына септігін тигізеді. Жас ғылыми ізденушілерді еңбекпен қамту мәселесін де шешеді. Нәтижесінде әлеуметтік жағынан қорғалған белсенді ғылыми ізденушілер легі қалыптасады. Жоғары білімнен кейінгі білім беру жүйесінің сапасын арттыруға, өзгертуге бағытталған тиімді стратегиялық бағдарлама болмақ. Сонымен қатар магистірлік білім беру жүйесіне деген қоғамда қалыптасқан теріс пікір де түбегейлі өзгертініне сеніміміз мол.

Мемлекеттік стандартта Қазақстан Республикасының «Білім туралы» Заңына (2007 ж.), ҚР МЖМБС 5.04.019-2011 «Жоғары білім. Бакалавриат. Негізгі ережелер», ҚР МЖМБС 5.04.033-2011 «Жоғары оқу орнынан кейінгі білім. Магистратура», Болон декларациясына (1999 ж.) және білім саласындағы басқа халықаралық құжаттарға, кредиттерді ауыстыру мен жинаудың европалық жүйесіне сәйкес отандық жоғары оқу орындары тәжірибеде тиімді қолданылғанда ғана өз жемісін беруі мүмкін.

Әдебиеттер

1 Қазақстан Республикасының Конституциясы 1995 жылғы 30 тамыз (2011 жылғы 2 ақпандағы берілген өзгерістер мен толықтыруларымен). - Алматы: Юрист, 2012. – 44 б.

2 Білім туралы Қазақстан Республикасының 2007 жылғы 27 шілдедегі №319 Заңы. Қазақстан Республикасы Парламентінің Жаршысы, 2007ж., №20, 151-құжат; 06.02.2014 Жаңартылған. // Егемен Қазақстан. - 2007. - 15 тамыз № 254-256.

3 Қазақстан Республикасы Білім және ғылым Министрінің 2011 жылғы «17» маусымдағы № 261 бұйрығымен бекітілген Қазақстан Республикасының мемлекеттік жалпыға міндетті білім беру стандарты Жоғары оқу орнынан кейінгі білім. Магистратура. Негізгі ережелер ҚР МЖМБС 5.04.033-2011. - Астана, 2011.

4 Өтелбаев Б. Ислам және ғылым. - Алматы, 2014. – 5-57 б.

5 Әбдірәсілқызы А. Қазақстандағы діни білім жүйесі: тарихы, қазіргі жай-күйі және өзекті мәселелері. – Режим доступа: <http://e-islam.kz/kz/contents/view/1516>. – (дата обращения 7.09.2014).

Н.Д. Мырзатаев
КазУМОиМЯ имени Абылай хана,
Алматы, Казахстан

Правовые аспекты присвоения магистрантам статуса ассистента

Интеграция системы высшего образования, повышает актуальность проблемы получения качественного образования в высших учебных заведениях. Перед университетами ставятся новые обязанности при подготовке и воспитания квалифицированных и знаний, повышение авторитетов магистрантов в системе послевузовского образования. В статье раскрыты проблемы в действующего законодательстве, и представлены предложения эффективного исполнения на практике. Автором сделана попытка определения роли и места магистрантов в отечественных университетах.

N. Myrzataev
Ablai khan KAUIR&WL,
Almaty, Kazakhstan

The legal aspects of giving the degree of master for assistants

The integration of higher education's system makes actual the problem about getting qualitative education in educational institutions. There is put new aims before the universities during training the holders of master's degree. In this article was shown the problems of legislation, and presented the questions about putting it into practice effectively. The author made an attempt to define the role and place of holders of master's degree in home universities.

ТРЕБОВАНИЯ
к статьям, представляемым
в «Хабаршысы-Известия» КазУМОиМЯ имени Абылай хана

Представленные для опубликования материалы должны соответствовать следующим требованиям:

1. Содержать результаты научных исследований по актуальным проблемам в области лингвистических, филологических и педагогических наук, переводческому делу, межкультурной коммуникации, востоковедения, международных отношений, международного права и экономических отношений, регионоведения, менеджмента и международных коммуникаций, маркетинга, туризма.

2. Доминантная идея публикаций: следование принципам научности, инновационности, целостности и системности.

3. Статья предоставляется в бумажной и электронной форме. Шрифт Times New Roman, кегль - 14, интервал - 1,5, поля: верхнее, нижнее, левое, правое - 2 см.

Абзац (отступ) - 1 см.

4. Принимаются статьи от 5 до 16 страниц (1 п.л.), включая таблицы, рисунки.

Структура статьи:

1. В левом верхнем углу - шифр УДК

2. Автор

(по центру, фамилия полностью, имя, отчество - инициалы, с указанием должности, ученой степени, места работы / жирным шрифтом)

3. Название - по центру (жирным шрифтом).

4. Аннотация на языке статьи (без написания самого слова «аннотация», 70-80 слов, 10-12 строк), на каз., рус. яз. и англ.яз. (без ключевых слов) – в конце статьи.

5. Ключевые слова (8-10 слов).

6. Текст статьи

7. Ссылки на использованную литературу (**список литературы, references**).

Обратите внимание: после слов (список литературы, references) двоеточие не ставится. Ссылки на использованную литературу даются цифрами в прямых скобках по мере упоминания [1, с. 15]. Постраничные сноски не допускаются.

8. Список литературы (не менее 5 наименований), в котором указывается литература за последние 5-7 лет (**обратите внимание: после цифры точка не ставится**):

1 Кунанбаева С.С. Реализация культурного проекта «Триединство языков в Республике Казахстан // Известия КазУМОиМЯ им. Абылай хана. Сер. «Филология». - 2012. - № 1.- С. 3-9.

2 Усубалиева С.Ж. Экологический менеджмент: уч.пособие. – Алматы: Экономика, 2011. - 128 с.

3 Urbain C. Bissot H. Cuisines en partage. Le plov dans tous ses etats. Constitution d'une diaspora autour d'un plat d'Asie centrale // Diasporas. - 005. - N 7: [электронный ресурс] - Режим доступа - URL: http://w3.framespa.univ-tlse2.fr/revue/artieles_fiche.phpid=335 (дата обращения 31.07.2012).

Таблицы, схемы, графики и т.д. создаются средствами Microsoft Word, нумеруются, имеют название, которое печатается без отступа строки.

Например,

Таблица 1 - Систематизация текстов о хронологии

Таблица вставляется в текст сразу после ссылки на нее.

Графики и диаграммы создаются средствами Microsoft Excel, снабжаются заголовками, соответствующими подрисуночными подписями, расположенное по центру, и вставляются в текст сразу после ссылки на них.

Например,

Рис. 1 - Портрет Бальзака

Фотографии (изображения), иллюстрации представляются в формате JPEG (jpg), разрешение не менее 300 пикселей, и предоставляются отдельными файлами. К каждому изображению обязателен заголовок (сопроводительный текст, аннотация).

Формат 60x84/16, средний объем - 12 п.л. = около 200 стр. формат А 4.

Уважаемые коллеги! Вы можете присылать статьи на электронную почту факультета международных отношений fmo@ablaikhan.kz. Обязательно сделать пометку «Известия КазУМОиМЯ».

Публикации для авторов - 3000 тенге.

1. Серия «Филологические науки».
2. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация».
3. Серия «Востоковедение».
4. Серия «Педагогические науки».
5. Серия «Международные отношения и регионоведение»

Пример
УДК 39; 572.9

Н.Б. Ем, д.и.н.,

Казахский университет международных отношений и мировых языков имени
Абылай хана, Алматы, Казахстан (e-mail: natalya.yem@ablaikhan.kz)

**Основные тенденции трансграничного брачного рынка
в Южной Корее в 2000-е годы: факторы спроса и предложения
для женщин Центральной Азии (на основе статистических данных)**

В статье отмечено, что в исторически моноэтнической среде южнокорейского общества численность межнациональных браков растет ежегодно. Показано, что этническая структура женихов и невест значительно расширились; заметное место в ней занимают женщины из постсоветских стран Центральной Азии. Автором сделана попытка раскрыть основные тенденции межэтнической брачности, показать уровень эндогамности внутриэтнических брачных предпочтений, определить факторы спроса и предложения на брачном рынке страны и место в нем женщин Центральной Азии на примере Узбекистана и Казахстана.

Ключевые слова: межэтнический брак, мультикультурная семья, политика Дамунхва, Южная Корея, Узбекистан, Казахстан

Текст статьи

Список литературы

Н.Б. Ем

Абылай хан атындағы ҚазХҚЖӘТУ,
Алматы, Қазақстан

**2000 жылғы Оңтүстік Кореядағы трансшекаралық некелесудегі негізгі
ағымдар: Орталық Азия әйелдері үшін сұраныс пен ұсыныс факторлары
(санақ деректерінің негізінде)**

Оңтүстік Корея қоғамының тарихи моноэтникалық ортасында ұлтаралық некелесудің саны күннен күнге өсіп келеді, күйеу бала мен қалыңдықтардың этникалық құрылымы неғұрлым кеңейген. Олардың арасында бұрынғы Кеңес үкіметінен, яғни, Орталық Азия әйелдері кернекті орында шоғырланған. Мақалада этносаралық некелесудің негізгі ағымдарын ашып көрсетуге, яғни этникалық эндогамдық некелесудің деңгейін, ел ішіндегі некелесудегі сұраныс пен ұсыныс факторларын және ондағы Орталық Азия, мысалы өзбекстандық пен қазақстандық, әйелдердің орнын анықтауға әрекеттер жасалған.

N.B. Yem

Ablai khan KAUIR&WL,
Almaty, Kazakhstan

**Trends of inter-ethnic marriage market in South Korea in the 2000's: supply and
demand factors for women in Central Asia (statistics)**

In mono-ethnic environment, South Korean society inter-ethnic marriages are growing in the last decade. The ethnic diversity of the brides and grooms is extended. Among them are popping up, women from Central Asia, the former Soviet Union. This article reveals the main trends of inter etc.

МАЗМУНЫ СОДЕРЖАНИЕ

Аймақтық кіріктіру аспектілері: Халықаралық, құқықтық және экономикалық мәселелері

Проблемы региональной интеграции: Международно-правовые и экономические аспекты

Alessandro Arduino International Relations & Sovereign Wealth Funds: the Stratedic Role of China Investment Corporation	3
Alibekov S. Die Eurasische Integration	14
Аухадиева Ш.Д. Проблемы глобального управления в мировой политике	23
Булекбаев С. Б., Булекбаева Р.У. О Тюркской составляющей в мировой культуре и цивилизации	28
Калиева А.А. Россия и Казахстан в иерархии внешнеполитических приоритетов КНР	38
Рахманова А.А., Рахманова Г.Б. Права человека: права женщин в призме времени	51
Раев Д.С., Абжапарова Л.Ж., Мұқан С.М. Шанхай Ынтымақтастық Ұйымы және Қазақстан: білім беру мәселесі	58
Кенжебеков К.К. К вопросу о присоединении Казахстана к России	65

Саяси үдерістер және оларды зерттеу әдістері Политические процессы и методы их изучения

Федорова А.Е. Terrorism – old or new actor of international relations?	75
Тажиев Р.Р. Характеристика сирийской политической оппозиции	79
Байхожаев А.Ж. Деятнадцатый век в «глобальной трансформации» Барри Бузана и Джорджа Лоусона	86
Мырзатаев Н.Д. Магистрантарға ассисент дәрежесін берудің құқықтық аспектісі	93
Требования к статьям	104

Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ
ХАБАРШЫСЫ
«ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАР ЖӘНЕ АЙМАҚТАНУ»
сериясы
№ 3 (17) 2014
серия
«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И РЕГИОНОВЕДЕНИЕ»
ИЗВЕСТИЯ
КазУМОиМЯ имени Абылай хана

Ответственный за выпуск тиража начальник ИПЦ

Есенғалиева Б.А.

Компьютерное оформление и верстка

Қынырбеков Б.С.

Подписано в печать 09.09.2014 г. Формат 70X90 1/16
Бумага офсетная. Печать RISO. Объем 18.0 п.л. Усл.-печ. 19.5

Заказ № 758. Тираж 100 экз.

Издательско-полиграфический центр
Казахского университета международных отношений
и мировых языков имени Абылай хана
г. Алматы, ул. Муратбаева, 200